

САНДРА
БРАУН

КРАСНОРЕЧИВОЕ
МОЛУЧАНИЕ

Сандра Браун

Красноречивое молчание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129575

Красноречивое молчание: АСТ; Москва; 1996

ISBN 5-88196-890-5

Оригинал: SandraBrown, "Eloquent silence"

Аннотация

Они познакомились на съемочной площадке. Она – учительница, он знаменитый киноактер. Она потеряла мужа и не питает особых надежд на новое замужество. Как сложатся их нелегкие взаимоотношения? Найдется ли в сердце Дрейка место для Лаури?

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	27
Глава третья	44
Глава четвертая	66
Глава пятая	89
Глава шестая	109
Глава седьмая	128
Глава восьмая	151
Глава девятая	167
Глава десятая	188
Глава одиннадцатая	216
Глава двенадцатая	237
Глава тринадцатая	255
Глава четырнадцатая	277

Сандра Браун

Красноречивое молчание

Глава первая

– Так ты думаешь, дорогая, что твой муж о нас знает? – Мужчина судорожно прижал женщину к себе и легко коснулся губами ее лба.

– Даже если и знает, мне на это наплевать, – заявила та. – Сколько можно скрываться! Пусть все видят, что мы любим друг друга!

– О моя любимая... – Мужчина наклонил голову, доволь-но неуклюже ткнувшись при этом в нос женщины.

– Стоп!

Лаури Перриш подскочила от неожиданности, когда из репродуктора прогремел сердитый окрик – ни дать ни взять глас Господа с горы Синай.

– Что, черт подери, с вами сегодня происходит! Мы уже полтора часа талдычим эту идиотскую сцену, и все без толку! – На секунду воцарилась тишина. Актеры, операторы и другие, занятые в фильме неловко переминались с ноги на ногу. – Я спускаюсь!

Лаури, словно зачарованная, смотрела, как актриса повернулась к главному герою и ехидно бросила:

– Это меня должны были снимать первой камерой, Дрейк, а не тебя!

– Ты, Луиза, похоже, совсем читать разучилась. Что ж ты тогда стояла рядом с третьей? А потом, не боишься, что в первой будут заметнее твои шрамы от подтяжки?

– Негодяй! – прошипела актриса и, протиснувшись мимо ухмыляющихся операторов, процокала каблучками по бетонному полу телестудии к туалетным комнатам.

Лаури Перриш, нежданно-негаданно оказавшись на съемках «Отклика сердца» – популярной мыльной оперы, которая шла по телевизору в дневные часы, – с интересом следила за происходящим. Сама она телевизор днем никогда не смотрела, поскольку была на работе, но кто же в Америке не знает этой нашумевшей драмы! Многие работающие женщины так планировали свое обеденное время, чтобы, не дай Бог, не пропустить ни одного сексуального подвига, ни единого поворота в судьбе доктора Глена Хембрика.

Несколькими днями раньше доктор Марта Норвуд, основавшая институт для глухих, где Лаури работала преподавателем, вызвала ее к себе и сказала:

– У нас учится некая Дженифер Ривингтон. Ее отец подумывает о том, чтобы забрать ее из нашего заведения.

– Я знаю Дженифер, – заметила Лаури. – Она только частично лишена слуха, однако, это крайне необщительный ребенок.

– Вот это-то и беспокоит ее отца.

– Отца? Не мать?

Секунду поколебавшись, доктор Норвуд пояснила:

– Ее мать умерла, а у отца не совсем обычная работа. Поскольку Дженифер еще мала, ему пришлось поселить ее у нас. Но она не прижилась. И теперь он хочет нанять частного преподавателя, чтобы тот обучал ее дома. Мне кажется, Лаури, это могло бы вас заинтересовать.

Лаури нахмурила тонкие брови:

– Право, не знаю. Не могли бы вы рассказать обо всем подробнее?

Седовласая дама с умными голубыми глазами пристально посмотрела на свою лучшую преподавательницу.

– Не сейчас. Добавлю только, что мистер Ривингтон желает, чтобы та, кого он наймет, отвезла Дженифер в Нью-Мексико. Там, в горах, в небольшой общине, у него есть дом. – Губы доктора Норвуд тронула легкая улыбка. – Я знаю, что вы с удовольствием уехали бы из Нью-Йорка. А работа подобного рода вам, без сомнения, по плечу.

Лаури тихонько рассмеялась.

– Я выросла в Небраске, и Нью-Йорк мне кажется несколько душным и многолюдным. Восемь лет живу здесь, но до сих пор тоскую по просторам. – Лаури откинула со лба непокорный каштановый локон. – Насколько я поняла, мистер Ривингтон хотел бы уклониться от ответственности за воспитание собственной дочери. Он из тех родителей, кото-

рые не любят своего ребенка только за то, что тот глухой?

Доктор Норвуд взглянула на свои тщательно отполированные ногти.

– Не стоит делать поспешных выводов, Лаури, – ласково пожурела она.

Иногда ее протезе проявляла склонность к скоропалительным суждениям, что являлось, пожалуй, ее единственным недостатком.

– Как я уже упомянула, обстоятельства несколько необычны.

После этих слов доктор Норвуд торопливо встала, давая понять, что разговор окончен.

– Я не жду от вас ответа сегодня, Лаури. Понаблюдайте за Дженифер в течение нескольких дней. Пообщайтесь с ней. А потом, когда вам будет удобно, вы встретитесь с мистером Ривингтоном и поговорите.

– Я сделаю все от меня зависящее, доктор Норвуд. Когда Лаури подошла к двери с окошком из матового стекла, доктор Норвуд ее остановила:

– Кстати, Лаури, если вас это интересует, мистер Ривингтон согласен на любую сумму.

– Доктор Норвуд, если я и возьмусь за частное преподавание, то только потому, что посчитаю это необходимым для ребенка, – совершенно искренне ответила она.

– Я так и думала, – улыбнулась пожилая дама.

Этим утром она дала Лаури адрес со словами: «Сегодня в

три часа дня вы должны быть по этому адресу.

Спросите мистера Д.Л.Ривингтона. Он будет вас ждать».

Лаури поразила, когда таксист остановился перед зданием, где размещалась телестудия. Она вошла в подъезд, горя желанием поскорее узнать, кто же такой этот таинственный мистер Ривингтон. В приемной спросила смазливую молоденькую секретаршу, где его можно найти. Та сначала в недоумении уставилась на нее, потом, хихикнув, сказала:

– На третьем этаже.

Лаури шагнула было к лифту, но девушка остановила ее:

– Одну минутку. Как вас зовут? Лаури назвала свою фамилию. Секретарша проехала пальчиком по отпечатанному на машинке списку:

– Все верно. Мисс Л.Перриш. Можете подниматься. Только, пожалуйста, потише. Идет съемка.

Выйдя из лифта, Лаури сразу попала в просторную телестудию. Специальная аппаратура и суэта вокруг наполнили ее душу благоговейным трепетом.

Студия, похожая на амбар, была разделена на отсеки, предназначенные для съемок. В первом стояли больничная койка и бутафорское медицинское оборудование. Другой призван был изображать гостиницу.

Третий – крошечную кухню. Лаури обошла всю студию, с любопытством разглядывая декорации, стараясь не наступить на длиннющий кабель, который, как гигантская змея, обматывался вокруг студийных камер и мониторов.

– Эй, милашка, а тебе что здесь надо? – обратился к ней весельчак оператор в джинсовом костюме.

Вздрогнув от неожиданности, Лаури пробормотала:

– Я... мне... нужно видеть мистера Ривингтона.

– Мистера Ривингтона, говоришь? – захохотал оператор, будто она сказала что-то смешное. – Ну ты даешь! А мимо секретарши проскочила? – Лаури кивнула. – Ну, тогда увидишь. Подождешь, пока мы сварганим эту сцену?

– Да, – ответила Лаури. Она была согласна на все, что бы он ни сказал на своем тарабарском языке.

– Стой здесь, только тихо, и смотри, ничего не трогай, – предупредил ее парень.

Лаури отошла за камеры, направленные на отсек, напоминавший больничную палату.

И теперь, во время этого вынужденного перерыва, она наблюдала за актером, кумиром миллионов американок. Небрежно развалившись на бутафорском столе, он грыз яблоко, которое явно стащил из корзины, стоявшей тут же, на столе.

«Интересно, – подумала Лаури, – изменили бы почитательницы таланта Дрейка Слоуна мнение о своем любимце, если бы услышали, как он хамит своей партнерше». Впрочем, о чем это она! Разве грубость не является частью его очарования? Он играет роль врача, который терроризирует всех и вся в этой бутафорской больнице и своими властными манерами и неотразимой внешностью заставляет женщин

трепетать и чуть ли не падать ниц перед ним.

Впрочем, нужно быть объективной, решила Лаури. В привлекательности ему явно не откажешь: этакое олицетворение грубой мужской силы. Но многим женщинам нравится именно такой тип мужчин. Первое, что бросается в глаза, – потрясающий цвет лица. Потом волосы необычного пепельно-каштанового оттенка, в свете прожекторов отливающие серебром. Резкий контраст с этими странными серебристыми волосами составляют черные густые брови и темные усы. Именно эти усы, придающие нижней губе дерзкую чувственность, заставляли с удвоенной быстротой биться сердца домохозяек, молоденьких работниц и бабушек. Но самое замечательное в его лице – глаза, мерцающие зеленоватым светом. Когда их показывают крупным планом, становится виден огонь, полыхающий в них, огонь, способный растопить сердца даже самых холодных женщин.

Со своего наблюдательного поста, находящегося вне круга, освещенного мощными прожекторами, Лаури видела, как Дрейк Слоун поднялся, потянулся – ну точь-в-точь ленивый котяра! – и метким броском швырнул огрызок в урну.

Она окинула взглядом его костюм и усмехнулась. Ни один уважающий себя врач не станет носить в больнице такие штаны «в облипочку». Да и зеленый балахон – обычная одежда хирурга – сидел на Дрейке Слоуне как влитой, подчеркивая его стройную фигуру. В глубоком треугольном вырезе виднелась голая грудь, поросшая буйной темной расти-

тельностью. «В таком виде к операционной и близко не подпустят!» – подытожила Лаури.

Услышав за спиной чей-то успокаивающий голос, Лаури обернулась. Похоже, режиссер выполнил-таки свое обещание спуститься и теперь, приобнимая за плечи пышущую негодованием актрису, направлялся к отсеку, где проходила съемка.

– Ему никто не указ! – причитала та. – Как только его начинают снимать, черт знает что вытворяет.

– Знаю, знаю, Луиза. Ну прошу тебя, будь хорошей девочкой, потерпи его ради меня, – проникновенным голосом увещевал режиссер. – Давай покончим с тем, что намечено на сегодня, а потом обо всем потолкуем за бокалом шампанского. А с Дрейком я поговорю. Ладненько? Ну же, улыбнись, как ты умеешь, радость моя!

«Какая чепуха!» – раздраженно подумала Лаури. Артистическая блажь... Уж кому-кому, а ей-то она отлично известна. Одно спасение – сказать актрисе то, что ей хочется услышать. Глядишь, и успокоится. До следующей истерики, конечно.

Они подошли к Дрейку Слоуну и о чем-то коротко переговорили. Операторы, занятые в фильме, использовали временную передышку каждый по-своему. Одни курили, другие листали журналы, третьи болтали. Теперь же все встали на свои рабочие места за камерами и надели на головы наушники – через них они получали указания от режиссера.

Оператор, отвечающий за шумовые эффекты, возился со своей громоздкой машиной – шатким сооружением, напоминавшим скелет доисторического животного.

Режиссер чмокнул Луизу в щечку и покинул съемочную площадку.

– Давайте прогоним эту сцену еще раз, а потом я поднимусь наверх. Поцелуй ее, как следует, Дрейк. Ты ведь любишь ее, помни об этом.

– Интересно, а тебе, Муррей, когда-нибудь доводилось целовать женщину, которая только что наелась пиццы с анчоусами?

Луиза издала негодующий вопль, а операторы так и покапались со смеху. Кое-как Муррею удалось успокоить актрису.

– Мотор! – приказал он.

Оператор, рядом с которым стояла Лаури, откатил камеру назад, загородив при этом весь вид. Неожиданно для себя самой Лаури заинтересовалась съемками и перешла на другое место, где ей ничего не мешало наблюдать за ними. На сей раз, завершив свой банальный диалог, Дрейк Слоун заключил Луизу в объятия и страстно поцеловал.

Когда Лаури увидела, как его губы прижались к губам актрисы, сердце ее отчаянно забилося. Казалось, она ощущает этот поцелуй на своих губах. Чтобы было лучше видно, она облокотилась о бутафорский столик. Что-то грохнуло об пол. Раздался звон разбитого стекла. Теперь все взоры были

обращены на нее.

Лаури вздрогнула, с ужасом осознав, что привлекла всеобщее внимание. Она не заметила высокой стеклянной вазы, осколками которой был теперь усеян пол.

– Черт подери! – взревел Дрейк Слоун. – Что там еще случилось!

Оттолкнув от себя Луизу, он в три прыжка преодолел съёмочную площадку. Муррей тащился следом. Видно было, что его не радует перспектива очередной вынужденной задержки, но он изо всех сил старается сохранить присутствие духа. Разъяренный актер подлетел к Лаури, и она съежилась от страха.

– Кто, черт возьми...

– Она пришла к мистеру Ривингтону, – перебил его сельчак оператор, которому Лаури сообщила, зачем сюда явилась.

Зеленые глаза Дрейка Слоуна, метавшие из-под черных бровей громы и молнии и буквально пригвоздившие Лаури к полу, широко распахнулись от изумления.

– Вот как? Значит, к мистеру Ривингтону? Операторы прыснули.

– Вот уж не знал, Муррей, что ты тут у нас организовал детский сад.

На сей раз присутствующие так и покатались со смеху.

Лаури взбесило, что Дрейк Слоун выставляет ее перед всеми на посмешище. Гневно сдвинув тонкие брови, она го-

това была ринуться в атаку, однако передумала и спокойно, даже несколько высокомерно произнесла:

– Прошу простить, что помешала.

И, отвернувшись от Дрейка Слоуна, нагло уставившегося на нее, обратилась к Муррею. Тот показался ей порядочным человеком.

– Меня зовут Лаури Перриш. Мистер Ривингтон попросил меня прийти сюда к трем часам. Извините, что отрываю вас от дела.

– Ничего, сегодня, похоже, мы только этим и занимаемся, – тяжело вздохнув, заметил он, бросив на Дрейка Слоуна яростный взгляд. – Мистер Ривингтон сейчас занят. Не могли бы вы подождать его в моем кабинете? Он скоро к вам подойдет.

– Конечно. Большое спасибо, – ответила Лаури и добавила: – А за вазу я заплачу.

– Ну что вы! Поднимитесь наверх, там пройдете через операторскую, потом через холл и сразу увидите мой кабинет.

– Спасибо, – повторила Лаури и, повернувшись, начала подниматься по винтовой лестнице, спиной чувствуя многочисленные взгляды, провожающие ее. Однако когда она добралась до самого верха и посмотрела вниз, оказалось, что Муррей уже заставил всех заняться делом.

В операторской Лаури остановилась: ее внимание привлек какой-то сложный компьютер. Над ним располагались мони-

торы, позволявшие режиссеру видеть все отснятые кадры. Бросилось в глаза лицо Дрейка Слоуна – то ясное, отчетливое, то расплывчатое. С трудом подавив желание показать ему язык, Лаури вышла из операторской и без труда нашла кабинет режиссера.

Там она уселась на единственный целый стул. Второй, довольно хлипкий на вид, стоял за обшарпанным столом. Стены были увешаны пыльными фотографиями. На них запечатлен Муррей в компании актрис, режиссеров и прочих важных персон.

Интересно, кто этот мистер Ривингтон? Наверное, какой-нибудь ассистент режиссера или оператор, решила Лаури. Впрочем, нет. Это, должно быть, состоятельный человек, поскольку институт Марты Норвуд не из дешевых, а мистер Ривингтон оставил там Дженифер на полном пансионе, отчего плата сразу возрастает втрое, так что рядовой работник киноискусства вряд ли смог бы позволить себе такое удовольствие.

Минута шла за минутой, а мистера Ривингтона все не было. Лаури уже начала терять терпение, когда услышала, как за спиной открылась дверь.

В кабинет вошел Дрейк Слоун.

Лаури порывисто встала и приготовилась к бою.

– Я пришла встретиться с мистером Ривингтоном.

– Я и есть мистер Ривингтон, отец Дженифер.

Онемев от неожиданности, Лаури во все глаза смотрела

на Дрейка Слоуна, прислонившегося к двери. Он успел переодеться, и теперь на нем были джинсы и пуловер, широкие рукава которого небрежно закатаны до локтей.

– Вы удивлены? Лаури кивнула.

– Значит, доктор Норвуд не сообщила вам мое сценическое имя, – утвердительно заметил он. – Так я и думал. Без сомнения, побоялась настроить вас против меня. У актеров, знаете ли, отвратительная репутация.

Губы его тронула легкая усмешка, которая исчезла так же быстро, как и появилась.

– Особенно если верить всему, что о них пишут в журналах, – язвительно продолжал он. – Вот, например, читали ли вы, что на прошлой неделе я заставил свою очередную пассию сделать аборт? А я читал.

Лаури, однако, была настолько поражена ходом событий, что слова вымолвить не могла. Интересно, что сказали бы ее коллеги, если бы узнали, что она находилась в одной комнате с самым доктором Гленом Хембриком, то бишь Дрейком Слоуном?

Лаури, обычно умевшая держать себя в руках и редко терявшая самообладание, сейчас стояла, как столб, сжав влажные от пота руки в кулаки. Что же с ней такое происходит? Она и сама понять не могла.

– Ну что ж, мисс Перриш, вы тоже не совсем то, что я ожидал. Надеюсь, хоть это вас немного утешит, – заметил Дрейк Слоун и, оторвавшись наконец от двери, сделал шаг

вперед.

Лаури тут же отступила на шаг назад. Он улыбнулся своей знаменитой улыбкой, отчего на правой щеке появилась так хорошо знакомая его почитательницам ямочка. Прекрасно понимал: ей не по себе с ним один на один в крохотном кабинетике. Эта улыбка вывела Лаури из себя. Да кто он такой, в самом деле! Что это она стоит перед ним, как истукан, и трясется, как идиотка! Подумаешь, какая цаца! Звезда экрана, видите ли! Такой же мужик, как и все остальные.

– Не мисс, а миссис Перриш, – обрела Лаури наконец дар речи.

Дрейк Слоун насмешливо вскинул брови:

– Как это я сам не догадался!

Высокомерие, прозвучавшее в его голосе, вывело Лаури из себя, но, сдержавшись, она проговорила самым деловым тоном:

– Доктор Норвуд поручила мне поговорить с вами о Дженнифер, мистер Ривингтон.

– Называйте меня Дрейк. Хотите кофе?

И он ткнул пальцем в сторону плитки, на которой стоял кофейник с черным и густым, как смола, напитком. Лаури не хотела никакого кофе, но сообразила, что лучше уж держать в руке чашку, чем собственную вторую руку.

– Да, пожалуйста.

Дрейк Слоун подошел к маленькому столику и подозрительно взглянул на чашку сомнительной чистоты. Налил в

нее кофе и спросил:

– Со сливками? Или только с сахаром?

– Со сливками.

Он сыпанул в чашку какого-то порошка и размешал его грязной пластиковой ложечкой, похоже, уже бывшей в употреблении. Потом протянул чашку Лаури, но не сразу выпустил ее из рук. Похоже, ждал, когда Лаури поднимет на него глаза, что она и не замедлила сделать. Увидев устремленный на нее взгляд изумрудных глаз, Лаури почувствовала, как у нее быстро-быстро забилося сердце.

– Никогда не видел, чтобы у кого-то глаза и волосы были одного цвета, – заметил он.

Лаури и сама знала, что волосы у нее потрясающего рыжеватого-каштанового оттенка, золотом отливающие на солнце. Но еще необычнее, чем волосы, были глаза. Светло-карие, они на первый взгляд казались совсем прозрачными, но только на первый. Если взглянуть поближе, становится заметно, что они такого же редкого каштанового цвета, что и волосы. Желтый льняной костюмчик, который Лаури сегодня надела, выгодно оттенял ее роскошные волосы, потрясающие глаза, подчеркивал прелесть бархатистой, как персик, кожи.

Слова Дрейка Слоуна нельзя было расценить как комплимент, поэтому Лаури благодарить не стала, лишь робко улыбнулась и более решительно попыталась вытащить чашку у него из рук. На сей раз это ей удалось. Дрейк Слоун подошел

к плитке и тоже плеснул себе кофе.

– Расскажите мне о моей дочери, миссис Перриш, – попросил он, делая ударение на слово «миссис», и, усевшись на раздолбанный стул, положил ноги на стол.

Лаури, примостившись на самом краешке стула, сидела к нему лицом. Она вся была словно туго натянутая струна. Поднесла чашку ко рту, отхлебнула кофе и поморщилась – как и предполагала, мерзкий на вкус.

– Приношу свои извинения за качество, – ухмыльнулся Дрейк, заметив ее гримасу.

– Не стоит, кофе отличный, мистер Сл... Ривингтон.

Она опустила глаза, ожидая, что он скажет дальше. Прошло несколько секунд – ни один из них не проронил ни слова. Чувствуя, что молчание затянулось, Лаури подняла голову и взглянула на Дрейка. К своему величайшему изумлению, она увидела, что он, пользуясь азбукой глухонемых, жестами говорит ей свое имя.

Д-Р-Е-Й-К. И при этом хмурит темные брови, словно пытается ей втолковать, чтобы впредь она звала его по имени.

Лаури нервно облизнула пересохшие вдруг губы, слегка улыбнулась и тоже жестами сказала свое имя.

Л-А-У-Р-И. Дрейк снял ноги со стола и, подавшись вперед, уперся подбородком в переплетенные пальцы.

«Неплохо бы сейчас проверить, знает ли он язык жестов», – подумала Лаури.

Доктор Норвуд была права, что не стала ей говорить, кто

такой Дрейк Ривингтон на самом деле. Видимо, хотела, чтобы Лаури составила о нем собственное мнение. Медленно, стараясь изобразить каждый жест как можно точнее, Лаури спросила: «Вы говорите с Дженифер на языке жестов?»

– Я понял только слово «Дженифер».

Лаури предприняла еще одну попытку: «Сколько лет вашей дочери?»

На сей раз он и вовсе не отреагировал. Просто сидел и молча смотрел на нее – в зеленых глазах ни единой мысли.

«Какого цвета ее волосы?» Снова ничего. «Вы любите Дженифер?»

– Опять «Дженифер». Остального, к сожалению, я не понял. Впрочем, нет. Это обозначает слово «любить»?

Он скрестил руки на груди, как только что сделала Лаури.

– Правильно, Дрейк. С сегодняшнего дня мы будем показывать ваше имя вот этим знаком.

Она изобразила рукой в воздухе букву «Д», а потом коснулась середины лба.

– А вот это означает «папа», – продолжала Лаури, дотронувшись до лба большим пальцем и растопырив остальные. – Объединяем оба жеста, понятно?

Дрейк кивнул.

– А это «Лаури».

Она показала жестом букву «Л», а потом провела рукой себе по лицу, от скулы до подбородка.

– Теперь смотрите, как обозначается слово «девочка».

Лаури погладила щеку большим пальцем, сжав остальные в кулак.

– Видите, как объединяются оба жеста, чтобы назвать что-то имя?

– Да... – восторженно протянул Дрейк. – «Дженифер» мы изображаем так: показываем мизинцем букву «Джей», а потом кольцо, означающее, что у нее кудрявые волосы.

– Точно!

Они радостно улыбнулись друг другу, и на секунду глаза их встретились. Лаури словно окатило теплой, ласковой волной. Так вот, значит, какие ощущения испытывают женщины, каждый день созерцающие его неотразимое лицо по телевизору! Да, в обаянии ему явно не откажешь. Нужно держать с ним ухо остро, иначе она окажется еще одной жертвой его чар.

– Дрейк, – начала Лаури, сопровождая каждое слово жестами по привычке учителей, занимающихся с глухонемыми детьми. – Доктор Норвуд просила меня понаблюдать за Дженифер, чтобы выяснить, есть ли у нее какие-нибудь сдвиги в развитии. Я наблюдала за ней в течение нескольких дней и составила собственное мнение. Оно, безусловно, профессионально, но сугубо лично. Я буду с вами предельно откровенна.

– Был бы вам за это крайне признателен. Уверен, вы невысокого мнения об отце, который сунул свою малолетнюю дочку в заведение, подобное вашему, но поверьте, я ее люб-

лю и желаю ей только добра.

Дрейк поднялся, подошел к окну и, повернувшись к Лаури спиной, принялся высматривать что-то сквозь давно немытое стекло.

– Прошу вас, Дрейк, следите за моими жестами. Так вам будет легче их запомнить, – попросила Лаури.

Дрейк повернулся к ней лицом, и на секунду Лаури показалось, что он вот-вот вспылит, но тот лишь пожал плечами и сел на свое место.

– Вам повезло, что Дженифер не полностью лишена слуха, – спокойно начала она. – Сейчас вам, должно быть, уже известно, что глухота ее сенсорно-нейтрального типа. Громкие звуки она вполне в состоянии различить. Например, может отличить шум вертолета от свиста. – Лаури помолчала, ожидая, что он на это скажет, и, не дождавшись, продолжила: – К сожалению, она не знает, как называются свисток и вертолет. А может, знает, только нам не говорит. Видите ли, девочка почти полностью невосприимчива к общению любого рода.

Дрейк, поджав губы, хмуро глянул на нее.

– Вы хотите сказать, что она отстает в развитии?

– Вовсе нет! – воскликнула Лаури. – Дженифер на редкость способна. Единственное, чего, на мой взгляд, ей не хватает... – Лаури помялась. – Видите ли, некоторые дети требуют сугубо индивидуального обучения. Мне кажется, пребывание в институте доктора Норвуд наносит ущерб раз-

витию Дженифер. Она должна постоянно находиться в домашних условиях, в обществе того, кто...

Лаури замолчала, боясь его обидеть.

– Кто любит ее? Это вы хотите сказать? Я же вам уже говорил, что люблю ее! И вовсе не потому запихнул я ее в ваше богоугодное заведение, что стыжусь собственной дочери!

– Я совсем не это имела в виду...

– Как же! Так я вам и поверил! – рявкнул Дрейк. – Ну-ка скажите мне, если вы такая умная, куда мне было после смерти жены девать грудного младенца? Мало того грудного, да еще и глухого! А? Эта ваша новомодная школа требовала денег, да еще каких! Работал, как вол, чтобы платить за нее, оплачивать бесчисленные медицинские обследования, которые так ни черта и не выявили, кроме одной простой истины – мол, дочурка не слышит – что мне и без них было известно, иначе не стал бы зря ребенка мучить!

Он на секунду замолчал, переведя дыхание. Зеленые глаза так и сверкали из-под густых бровей.

– Ну да ладно! По крайней мере, мы с вами солидарны в одном: Дженифер нужен частный преподаватель. – Он порывисто поднялся, резко отбросив стул в сторону. – Но не вы!

Обойдя вокруг стола, Дрейк подошел к Лаури и положил руки на спинку ее стула так, что Лаури оказалась зажатой, как в капкане.

– Я предупреждал доктора Норвуд, что мне нужна для Дженифер пожилая женщина, этакая бабушка-старушка в

мешковатом свитере с огромными карманами, а не какая-то свистулька в костюмчике от Кардена. – Он нагло скользнул глазами по ее фигуре. – Почтенная учительница с головой, убеленной сединами и аккуратным пучком на затылке, а не куколка с огненно-рыжими волосами, подстриженными по последней моде. Дородная, респектабельная матрона, а не девица с маленькой грудью и тугим задком.

Лаури так и вспыхнула от гнева и смущения. Да как он смеет! Дрейк между тем продолжал:

– У нее должны быть толстые лодыжки и носить она должна нормальные туфли, а не это безобразие!

Он ткнул пальцем в ее стройные ноги в тонких колготках и туфлях на высоченных каблуках.

– Вы похожи на кого угодно, только не на воспитательницу глухонемого ребенка. Уж скорее на продавщицу парфюмерного отдела в каком-нибудь шикарном магазине!

Он нагнулся еще ниже, почти касаясь лицом ее головы, и, прежде чем Лаури поняла, что он собирается сделать, зарылся лицом в ее мягкие, душистые волосы.

– И пахнете вы соответственно, – хрипло прошептал он.

У Лаури перехватило дыхание. От него исходил запах чистого тела, дорогого одеколона – в общем, запах настоящего мужчины. Голова пошла кругом. Да что это она, в самом деле! Лаури резко мотнула головой.

– Отпустите меня! Сейчас же! – в сердцах крикнула она, изо всех сил ткнув его кулаками в грудь.

К ее изумлению, он выпрямился и отступил в сторону. Лаури тут же вскочила и, несколько раз глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, выпалила, глядя ему прямо в глаза:

– Может, я и не оправдала ваших Ожиданий, мистер Слоун, но и вы не оправдали моих! Вы не достойны такой дочери, красавицы и умницы! Так знайте же, что она гибнет! Слышите? Гибнет духовно, потому что единственный близкий ей человек не удосужился выучить язык, который девочка может понять, не говоря уже о том, чтобы самому постараться обучить ее этому языку! Именно такие родители, как вы, тянут науку об обучении глухонемых детей назад, к временам Елены Келлер.¹ Я учительница...

– Пока еще вы девчонка.

– Не девчонка, а женщина!

– Ага! Вот мы и подошли к другому интересному моменту, – заявил Дрейк Слоун, погрозив ей пальцем. – Только не притворяйтесь, что вам было безразлично мое прикосновение. Я все прекрасно видел! И где гарантия, что, когда я привезу вас в Нью-Мексико, вы не сбежите оттуда с первым же подвернувшимся красавцем? Ведь вы, эмансипированные девицы, только и мечтаете о том, как бы поскорее выскочить замуж!

---

¹ Елена Келлер – выдающаяся общественная деятельница и известная писательница, жившая в конце прошлого – первой половине нынешнего столетия. Была слепой и глухонемой от рождения. – Здесь и далее прим. Пер.

Лаури почувствовала, как краска негодования залила ей лицо.

– Я уже побывала замужем, и большого счастья мне это не принесло.

– Разошлись?

– Он умер.

– Какая удача!

Круто развернувшись, Лаури направилась к двери, чтобы не ляпнуть чего-нибудь такого, о чем потом пришлось бы пожалеть. В конце концов, доктор Норвуд прислала ее сюда по делу и по возвращении потребует отчет. У двери Лаури обернулась: Дрейк стоял, скрестив руки на груди, глаза светились ехидством, губы под густыми усами кривились в самодовольной усмешке.

Глядя ему прямо в глаза, Лаури, чеканя каждое слово, произнесла:

– Вы самый нахальный, невоспитанный человек, которого я когда-либо встречала. И самый невыносимый. Последнее слово она показала жестом.

– Что это означает? – встрепнулся Дрейк.

– Сами догадайтесь, мистер Слоун.

И Лаури вышла, хлопнув за собой дверью.

Глава вторая

– Лаури, ты сроду не догадаешься...

– В чем дело, Бриджит? У меня урок!

Учительница, ворвавшаяся в класс к Лаури, когда та самозабвенно втолковывала что-то семилетним детишкам, была вне себя от волнения.

– Ты никогда не догадаешься, кто тебя спрашивает! – задыхаясь, выпалила она. – То есть я хочу сказать, что видела его миллион раз и узнала бы, где хочешь! Но когда он стоит здесь, у нас в холле, и спрашивает, где тебя можно найти...

– Успокойся, Бриджит, а то дети подумают, что что-то случилось, – осадила Лаури не в меру разволновавшуюся подругу.

Она прекрасно поняла, о ком та говорит, ню и вида не подала, что при одной мысли о предстоящей встрече с Дрейком Ривингтоном сердце ее отчаянно забилось в груди. Она должна оставаться холодной и безразличной, решила Лаури.

Со времени их незадавшейся беседы прошло уже больше недели. Вернувшись в тот день домой, Лаури сразу же дала доктору Норвуд полный отчет о встрече.

– По-моему, моя кандидатура мистеру Ривингтону не очень-то подходит. Однако мы с ним оба пришли к выводу, что Дженифер необходимо индивидуальное обучение.

– Очень жаль, Лаури, – вздохнула Марта Норвуд. – Мне

казалось, вы с мистером Ривингтоном найдете общий язык. Что ж, что Бог ни делает, все к лучшему. Если бы вы уехали в Нью-Мексико, мне бы вас очень недоставало.

Лаури улыбнулась:

– Ну вот, значит, просто великолепно, что я никуда не еду. Полагаю, вам следует подумать о другой кандидатуре. Мистер Ривингтон наверняка вам еще позвонит.

Лаури больше ничего не сказала, да доктор Норвуд и не настаивала: уж в чем – в чем, а в проницательности ей не откажешь. Наверное, сообразила, что встреча прошла не совсем гладко.

Всю эту неделю Лаури пыталась выбросить Дрейка Ривингтона из головы, но это оказалось не так просто. А уж расстаться с его дочерью и вовсе казалось выше ее сил. В последнее время она столько времени провела с Дженифер, что резко прекратить всяческое общение с девочкой ей было тяжело. Дженифер была младше, чем те детишки, которых обучала Лаури, поэтому с девочкой она обычно встречалась уже после уроков.

Это было очаровательное создание с длинными белокурыми локонами, темно-зелеными отцовскими глазами, окаймленными черными ресницами. Хрупкая и изящная, как фарфоровая статуэтка, она всегда ходила чистенькая, аккуратненькая. В общем, послушный, милый ребенок, пожалуй, даже чересчур послушный.

Лаури не имела привычки выделять кого-то из своих под-

опечных, но к этой крошке с огромными грустными глазами привязалась всей душой. Несколько дней общения было достаточно, чтобы осознать: ей хочется стать учительницей Дженифер. Так и подмывает увезти ребенка из скучного казенного заведения, хотя и прекрасно оборудованного, и поместить в яркую, веселую комнатку.

Однако мысли эти неизменно приводили Лаури к отцу Дженифер, о котором она не в состоянии была думать спокойно. Не сможет она работать на этого человека, хоть он и находился бы от нее за две тысячи миль, в другом городе. Дрейк оскорбил ее как женщину. Мало того, подверг сомнению ее педагогические способности! А уж этого она ему простить не могла.

Лаури даже под страхом смерти не созналась бы никому, что стала смотреть «Отклик сердца». Но последние несколько дней, когда наступало время этой дурацкой драмы, ее, как магнитом, тянуло к телевизору. И каждый раз, когда она видела на телеэкране Дрейка, с ней происходили невероятные вещи. Сердце отчаянно колотилось в груди, ладони становились влажными, тело наливалось блаженным теплом, а ноги – тяжестью, такой, что, казалось, заставь ее сейчас кто-нибудь подняться, она и шагу ступить не сможет. Лаури явно ощущала, как он наклоняется к ней, зарывается лицом в ее густые волосы... Просто с ума сойти! Она провела с ним не более пятнадцати минут, а кажется, знает его так же хорошо, как себя саму. Каждый жест, каждое движение...

А вот теперь еще Бриджит – врывается в классную комнату вне себя от возбуждения. Как же, неотразимый Дрейк Слоун! Да знала бы она, какой он нахальный грубый, невоспитанный!

– Представляешь, Дрейк Слоун – отец Дженифер! А я все думала, почему это к ней никогда не приходили родители. А оказывается, он навещает ее по вечерам и всегда проходит через кабинет доктора Норвуд. Наверное, боится, что фанатки вроде меня разорвут его на части. – Бриджит хихикнула. – А сейчас спрашивает тебя, да еще таким тоном, будто вы знакомы.

– Так оно и есть.

Услышав это, Бриджит разинула рот от изумления и одарила Лаури таким взглядом, будто у нее за спиной вдруг выросли крылья.

– Ты его знаешь и никому и слова не сказала?!

– Бриджит, я никак не пойму, что ты от меня хочешь?

– Что я хочу? Я пришла сказать, что тебя спрашивает доктор Глен Хембрик, или мистер Ривингтон, назови, как хочешь.

– Скажи ему, что я занята.

– Что?! – истошно завопила Бриджит.

На секунду Лаури показалось, что у нее сейчас лопнут барабанные перепонки. Право, иногда глухота – поистине дар Божий.

– Ты что, Лаури, с ума сошла? – разорялась между тем

Бриджит. – К тебе пришел самый сексуальный мужчина в мире, а ты...

– По-моему, ты преувеличиваешь, Бриджит, – сухо заметила Лаури. – Я занята. Если мистер Ривингтон хочет меня видеть, пусть подождет, пока закончится урок.

– Буду просто счастлив, – раздался у нее за спиной глубокий, профессионально поставленный голос. Обернувшись, Лаури увидела, что Дрейк Слоун стоит на пороге и пристально смотрит на нее. Сердце сначала куда-то ухнуло, потом забилось более-менее ровно, однако несколько быстрее обычного.

Бриджит тут же лишилась дара речи – с придурковатым видом она во все глаза глядела на Дрейка. Понимая, что если ее не выпроводить, то мельчайшие подробности разговора станут достоянием всего института, Лаури язвительно сказала:

– Надеюсь, ты извинишь нас, Бриджит? Раз уж мистер Ривингтон ворвался в класс посреди занятий, так и быть, я уделю ему несколько минут.

На Дрейка, однако, ее сарказм не произвел никакого действия – он лишь ухмыльнулся.

Бриджит, как сомнамбула, шагнула к двери и остановилась перед ним, не решаясь его обойти, пока Дрейк сам не догадался пропустить ее. При этом на лице его появилась издевательская усмешка, даже усы ощетинились.

«Ну что в нем такого? – раздраженно подумала Лаури. –

Отчего при виде его умные, интеллигентные женщины превращаются в форменных идиоток? Обыкновенный мужчина. Разве что чуточку симпатичнее остальных».

Дрейк Слоун прервал ее размышления:

– Добрый день, миссис Перриш. Надеюсь, я вам не помешал?

– Вы отлично знаете, что помешали, но вас, похоже, это ничуть не огорчает.

В ответ ямочка на щеке стала еще глубже.

– Вы правы. Но я решился прервать ваши занятия с разрешения доктора Норвуд. Она считает, что мне не помешало бы понаблюдать за учебным процессом.

На лице Лаури появилась недовольная гримаса. Что ж, на сей раз придется уступить, но пусть не думает, что ей это доставляет большое удовольствие.

– Дети, – сказала она, повернувшись к классу и сопровождая свою речь жестами, – это мистер Ривингтон, отец Дженнифер Ривингтон, которую вы все хорошо знаете.

На лицах ребятишек заиграли улыбки, некоторые жестами показали слово «здравствуйте», и те, которые более-менее могли слышать, даже проговорили это слово.

– Садитесь, мистер Ривингтон. – Лаури указала на низенькую парту.

Одарив ее хмурым взглядом, Дрейк с трудом втиснул за парту свое длинное туловище. Дети рассмеялись, а вместе с ними и Лаури. Зрелище было поистине комичное: когда он,

наконец, устроился, его колени уперлись прямо в подбородок.

Но выглядел он, как обычно, потрясающе. Темно-коричневые слаксы сидели на нем безупречно. Сверху теплая куртка спортивного покроя из верблюжьей шерсти, под ней белая в коричневую полосу рубашка. Туалет довершал темно-коричневый галстук.

– В данный момент мы работаем над предложениями, мистер Ривингтон, – ввела его в курс дела Лаури. – Джефф, иди к доске и покажи папе Дженифер, что вы уже выучили.

Лаури прикрепила на доску несколько больших глянцевых картинок с изображением яблок. На них, под ними, за ними, перед ними и в них были нарисованы счастливо улыбающиеся ярко-желтые червячки. Очень красочное наглядное пособие.

– Теперь ваша очередь, – обратилась к Дрейку Лаури, когда поняла, что все дети усвоили урок.

– Что?!

Лаури взяла его за руку и вытащила к доске под одобрителный смех ребятшек. Ткнув указкой в одно из яблок, спросила жестом:

– Где находится червяк?

Дрейк одарил ее таким взглядом, будто вот-вот кинется на нее и придушит, но, решив, что на глазах детей он этого сделать не посмеет, Лаури, мило улыбнувшись, невинно промурлыкала:

– Ну же, смелее, для вас это не должно составить труда.
Дрейк изобразил знаком предлог и при этом не ошибся.

– А теперь, пожалуйста, скажите полным предложением.

На сей раз, задача была явно непосильная, но только Дрейк отважно взялся за нее, как прозвенел звонок-избавитель. Мало кто из детей услышал его, но те, кто смог это сделать, беспокойно заерзали.

– Урок окончен. Можете идти, – сказала Лаури, как всегда сопровождая свои слова жестами.

Детишкам не нужно было повторять дважды – через секунду их как ветром сдуло. Лаури осталась с Дрейком одна.

– Хитро вы все это устроили! – недовольно бросил он. – Что, со всеми родителями проделываете подобные штучки?

– Родители моих учеников в основном отличаются хорошими манерами и не врываются в класс посреди урока, – парировала Лаури.

– Ну что ж, – в голосе Дрейка не чувствовалось раскаяния. – Раз уж я попал тут у вас в черный список, думаю, хуже не станет, если скажу, что вы сегодня будете со мной обедать.

– Вы, мистер Ривингтон, не просто нахал. Похоже, вы вообще с ума сошли. Я никуда с вами не пойду.

– Нет, пойдете! Доктор Норвуд вам велела.

– Я и не знала, что доктор Норвуд в свободное от работы время выполняет роль свахи!

– Я сказал ей, что хотел бы во время обеда переговорить с вами. Она считает, что это отличная идея.

– Это ее личное мнение! Я вольна сама распоряжаться своим свободным временем.

– Так вы будете?

– Что?

– Обедать со мной?

Во время обмена любезностями Лаури приводила в порядок класс, а Дрейк ходил за ней, как пришитый. Всякий раз, когда она оборачивалась, он был тут как тут. Наконец Лаури подошла к столу, вытащила из нижнего ящика сумочку и, захлопнув его, снова выпрямилась.

Дрейк стоял к ней почти вплотную, и Лаури пришлось быстренько увеличить это двусмысленное расстояние.

– Вы что, не поняли? Раз я сказала, что не собираюсь с вами обедать, значит, так оно и есть. И, по-моему, нам с вами обсуждать нечего. Все, что вы хотели, вы уже сказали во время нашей последней беседы, да и я тоже.

Она попыталась обойти Дрейка, но он успел схватить ее за руку. Ощувив прикосновение теплых пальцев, Лаури почувствовала, как у нее перехватило дыхание.

– Простите меня за то, что я вам тогда наговорил, – покаянно произнес он.

«Держи ухо востро, – приказала себе Лаури. – Он ведь артист. Что ему стоит разыграть раскаяние!» И все сомнения в его искренности отразились у нее на лице.

– Поверьте мне, я вовсе не кривлю душой. – Дрейк еще крепче сжал ее кисть. – Я ведь тогда не знал, какой вы пре-

красный педагог, какой у вас огромный опыт работы с глухонемыми детьми и что у вас есть глухонемая сестра.

Лаури резко выдернула руку:

– Не смейте жалеть ни меня, ни мою семью, ни мою сестру, мистер Ривингтон!

– Я...

– Моя сестра – потрясающая женщина. Она работает бухгалтером.

– Я только...

Но Лаури не дала ему и слова сказать.

– Она живет в городе Линкольн, штат Небраска, с мужем и двумя сыновьями. Муж у нее просто замечательный и ребяташки тоже. И поверьте мне, она лучше вашего понимает, что почем в этой жизни.

Лицо ее горело, грудь порывисто вздымалась, карие глаза метали громы и молнии. Дрейку казалось, что он почти физически ощущает всю глубину ее ярости.

– Вы закончили? – сухо осведомился он. Лаури несколько раз вздохнула и опустила глаза.

– Я вовсе не собирался жалеть вашу сестру, – мягко проговорил он. – Скорее хотел выразить свое восхищение и уважение. Понимаете?

Взяв Лаури за подбородок, Дрейк запрокинул ей голову назад. У нее вдруг перехватило дыхание.

– Я изменил свое прежнее мнение о вас. По-моему, вы как раз то, что нужно Дженифер. И мне...

Последнее он произнес едва слышным шепотом. Теперь, когда в классе не было учеников, между ними возникла какая-то особая связь. Слова эти прозвучали настолько многообещающе, что сердце у Лаури затрепетало так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Дрейк стоял как-то уж слишком близко, в комнате становилось темно и тихо, а пальцы его, казалось, крепко-накрепко сжимают ее подбородок. От избытка охвативших ее чувств Лаури стало трудно дышать. Попыталась вырваться – не отпускает. Наоборот, еще сильнее запрокинул ей голову.

– Вы ведь хотите взяться за это дело, – послышался его спокойный голос.

Он даже не спрашивал. Просто констатировал факт. Он прекрасно понимал, что Лаури ни за что на свете не отказалась бы по доброй воле от возможности помочь Дженифер выбраться из царства тишины в мир, полный звуков.

– Признайтесь, что я прав, – не отставал Дрейк.

– Да, – выдохнула наконец Лаури.

А что ей, собственно, упираться? На секунду показалось, что он наклоняется к ней... Нет, похоже, это просто игра воображения, поскольку он вдруг резко отстранился и потянулся к ее курточке, висевшей на спинке стула.

– Пошли поедим чего-нибудь.

Помогая ей попасть в рукава, он невинным голосом спросил:

– Вы и в самом деле стали ниже ростом или мне это только

кажется?

Лаури вспыхнула от удовольствия – надо же, он помнит, какого она роста, – и безмятежно улыбнулась.

– Я теперь ношу туфли на низких каблуках.

Он скользнул взглядом по ее белому льняному платьицу, поверх которого была надета темно-синяя курточка, потом по темно-синим туфлям на невысоких каблуках. С теми, в которых она заявлялась на телестудию, и не сравнить...

– Черт подери! А ведь и правда.

Изобразив на лице грустную мину, Дрейк провел рукой по своим серебристо-каштановым волосам, но через секунду не выдержал и весело расхохотался.

Взять такси оказалось делом пары минут, и Дрейк Слоун попросил водителя отвезти их в «Русскую чайную» – довольно известный ресторан.

– Вы не против? – спросил он Лаури, когда они уселись на заднее сиденье.

– Нисколько, мне нравится этот ресторан, – искренне ответила та.

Когда они вошли в зал, к ним тут же подскочил метрдотель и проводил наверх – там было меньше народа. К Лаури он отнесся с явным почтением – как же, она пришла с самим Дрейком Слоуном, а это что-нибудь да стоит.

Пока они шли к столику, несколько голов повернулось в их сторону: все узнавали знаменитого артиста, – и Лаури вдруг застеснялась своей простенькой одежды. Посчитав

предстоящий обед чем-то вроде делового свидания, она не сочла нужным попросить завезти ее домой переодеться.

– Прошу простить за более чем скромный вид. Не думала, что придется сегодня обедать в ресторане.

Дрейк пожал плечами.

– Вы отлично выглядите, – равнодушно бросил он и углубился в меню.

«И на том спасибо!» – раздраженно подумав, Лаури последовала его примеру.

Несколько секунд спустя, услышав, как он хмыкнул, она подняла голову – Дрейк не сводил с нее смеющихся глаз.

– Что это вас так развеселило?

– Вы. Когда я делаю вам комплимент, вы из себя выходите, когда не делаю – тоже. Посмотрите-ка лучше мне в глаза, миссис Перриш, и тогда поймете, какие чувства меня обуревают, – добавил он шепотом, приблизив к ней свое лицо.

Лаури решила, что на сей раз его слова – действительно комплимент.

Потягивая каждый свой напиток – Лаури – коктейль, а Дрейк – мартини, – они рассматривали зал. От темно-зеленых стен с бордовой отделкой и бронзовых подсвечников так и веяло благородной элегантностью.

Остановили свой выбор на котлетах по-киевски с РИСОМ. Официант не заставил себя долго ждать. И вот уже на столе стоят закуски: лосось, икра, вареные яйца и самые разнообразные соусы. Дрейк тут же с энтузиазмом принялся

за еду.

– Подождите, – остановила его Лаури. – Сначала проведем урок. – И, не обращая внимания на не-Довольную мину Дрейка, заставила его сначала выучить жесты, обозначающие каждое блюдо.

– Только вот не знаю, как будет слово «икра», – вдруг улыбнулась Лаури. – Ну да ладно, произнесем по буквам, – тут же нашлась она.

Во время еды разговор касался общих тем, но когда официант принес кофе, Дрейк перешел к делу.

– Так вы принимаете мое предложение? – спросил он.

Опустив глаза, Лаури принялась машинально рисовать ложкой на белой льняной скатерти узоры.

– Пока не знаю, Дрейк.

– Что же мне сделать, чтобы вы наконец решились?

Голос прозвучал насмешливо, но лицо оставалось серьезным.

– Пообещать, что выучите язык жестов и будете постоянно им пользоваться. Если я приму ваше предложение, то на какое-то время заменю Дженифер мать. Она будет полагаться на меня во всем. Но придет день, когда мне придется переложить всю ответственность за воспитание дочери на вас. Будете ли вы готовы к этому?

– Обещаю сделать все от меня зависящее, – торжественно заверил Дрейк и, подавшись к ней, обеспокоено спросил: – Лаури, как вы думаете, какой будет Дженифер, когда выраст-

тет?

Теперь напротив Лаури сидел не знаменитый артист, а обеспокоенный отец – лицо серьезное, между бровей залегла глубокая морщинка. В глазах притаилась такая знакомая ей боль, такая жажда получить ответ на вопрос, на который не в силах ответить даже самый опытный специалист. Но его задавали все без исключения родители глухонемых детей.

Тщательно взвешивая каждое слово, Лаури сказала: – Дженифер очень умная девочка, Дрейк. Она знает гораздо больше, чем может выразить. И обучать ее я стану, используя все известные мне методы. Для постоянного общения она выучит азбуку глухонемых, но наряду с ней и алфавит, как все обычные дети, Она узнает, каким звуком произносится каждая буква. Слуховой аппарат поможет ей распознавать звуки речи и предложения. Со временем она даже сможет научиться говорить.

Увидев, что в глазах его вспыхнула надежда, Лаури поспешно пояснила:

– Я хочу, чтобы вы поняли, Дрейк. Она навсегда останется глухой и никогда не сможет слышать так, как мы. Слуховой аппарат является не корректирующим устройством, а лишь усилителем.

– Мне это уже говорили, но я так и не понял, как такое может быть, – признался Дрейк.

– Хорошо, попробую объяснить. Возьмем, к примеру, очки. Если вы их наденете, то будете нормально видеть. Слу-

ховой же аппарат лишь усиливает те звуки, которые Дженифер и так может слышать. Предположим, вы слушаете радио, но оттуда идут одни помехи. Если вы станете вертеть ручку громкости, никакой радиопередачи не появится, просто шум станет громче. Ну что, теперь понятно?

Дрейк забарабанил пальцами по столу: – Да. Я понял, что вы имеете в виду.

– Мне хочется, чтобы Дженифер познала как можно больше, – продолжала Лаури. – Если я отведу ее, например, в парк и продемонстрирую значения глагола «бежать», она поймет и выучит это слово, но и только. А мне хочется, чтобы она научилась и выражениям, с которыми это слово употребляется. Скажем, «бегать от долгов», «бегать за кем-то», то есть выражать кому-то свою симпатию.

– И она сможет это понять?

– Только если мы будем учить ее, Дрейк. Мы должны постоянно общаться с ней на языке жестов, точно так же, как с обычным ребенком на живом языке. Элин, моя сестра, выучилась читать по губам и теперь говорит настолько хорошо, что почти не пользуется языком жестов.

– И Дженифер научится так же хорошо говорить?

– Как мы – никогда, – подчеркнула Лаури. – Поскольку она не может слышать. Наверное, и у вас на репетициях бывало, что слова свои знаете, а выразить их не можете.

– Верно.

– А у глухих такое состояние все время. Чтобы выразить

каждое слово, требуется приложить немало усилий. Но, как говорится, терпение и труд все перетрут. Не ожидайте слишком многого – не придется разочаровываться.

Дрейк взглянул на свои руки, лежавшие на столе. Лаури вдруг почувствовала к нему такую жалость, что ей нестерпимо захотелось взять эти руки в свои и сказать ему что-нибудь ласковое, как-то утешить.

– Дженифер уже умеет произносить мое имя, – нашлась она.

Дрейк поднял на нее глаза и горделиво улыбнулся:

– Доктор Норвуд говорила мне, что вы с Дженифер отлично понимаете друг друга.

«А ведь директриса права», – подумала Лаури.

Всякий раз, когда она входила в комнату и видела, как Дженифер улыбается ей своей лучистой улыбкой, у нее начинало быстрее биться сердце. И вот теперь, глядя в изумрудные глаза Дрейка, Лаури почувствовала, что с ней происходит то же самое. Да, трудновато будет оставаться бесстрастной, решила она. А надо бы. Иначе, что их ждет впереди – и подумать страшно.

Глава третья

Дрейк попросил метрдотеля вызвать такси, и тот тут же бросился выполнять просьбу любимого артиста. Пока они шли к входной двери, Дрейка остановили и попросили дать автограф целых три почитательницы его таланта.

Лаури только диву далась произошедшей с ним метаморфозе. Только что перед ней сидел встревоженный отец, всей душой болеющий за свое дитя, и вот уже его место заняла такая капризная, взбалмошная звезда экрана, тем не менее, отлично владеющая собой и рассыпающая своей обожаемой публике обольстительные улыбки. А уж о голосе, которым он обращался к каждой женщине, и говорить не приходится – мягкий, вкрадчивый.

Такое ощущение, что он влюблен в каждую из них. «Интересно, он и в самом деле испытывает такие чувства или играет очередную роль?» – подумала Лаури. Но мысль эта была ей неприятна, и она поспешила выбросить ее из головы.

– А она не притворяется? – Лаури кивком головы указала на стоявшую в сторонке женщину.

Страстная поклонница Дрейка Слоуна прижимала к груди салфетку, на которой он только что поставил свой автограф – на лице неподдельное блаженство.

– Нет, что вы! Она и в самом деле меня обожает. Я стараюсь преодолеть в себе так называемый звездный синдром и

ко всем своим почитательницам отношусь терпеливо и снисходительно. Ведь без них я не был бы тем, кто есть. Об этом я никогда не забываю.

Они вышли из ресторана. Лаури попросила сначала заехать в школу, где ей нужно было забрать кое-какие бумаги, а потом домой. Она жила неподалеку – всего в нескольких кварталах от места работы.

– Конечно, – отозвался Дрейк. – Я все равно собирался навестить Дженифер.

Лаури бросила взгляд на свои золотые часики:

– Но уже десятый час! Наверняка она спит.

– Ничего, разбудим, – весело проговорил Дрейк.

– Похоже, мистер Ривингтон, никакие правила на вас не распространяются.

Он рассмеялся:

– Разве что очень немногие. Доктор Норвуд знает, что иногда я работаю в студии до восьми, а то и девяти часов в зависимости от того, какие испытания выпадут на долю доктора Хембрика на текущей неделе. И поэтому разрешает мне в отличие от остальных родителей вечерние посещения.

Они подъехали к школе. Лаури открыла своим ключом дверь. На цыпочках добрались они по темному коридору до комнаты, в которой жила Дженифер вместе с тремя девочками, ее ровесницами.

Лаури зашла следом за Дрейком, но к кровати подходить не стала, осталась у двери. Дрейк уселся рядом со спящей

малышкой и, включив стоявший на прикроватной тумбочке ночничок, легонько тронул Дженифер за плечо. Та пошевелилась и, открыв глаза, увидела склонившегося над ней отца. Издав радостный крик, девочка тут же села и обхватила его ручонками за шею.

Лаури ожидала чего угодно, но только не такой бурной реакции от всегда сдержанного ребенка.

– Как ты, девочка моя? Рада меня видеть?

Вопрос остался без ответа, однако и так все было ясно. Дженифер только теснее прижалась к его широкой груди, а он гладил дочь по кудрявой головке.

Это был уже третий Дрейк Ривингтон за сегодняшний вечер. Черты лица смягчились – куда только девалась циничная усмешка, совсем недавно кривившая его губы! Глаза сияли счастьем и любовью.

Когда первая буря восторга улеглась, Дженифер принялась шарить крохотными пальчиками по карманам отца, радостно смеясь, когда он шутливо отталкивал их. Наконец она выудила пачку жевательной резинки и торжествующе принялась разворачивать ее.

– Постой-ка, малышка, – заметил Дрейк. – На ночь глядя жвачку не жуют. – Но через секунду, когда Дженифер развернула одну пластинку, сдался. – Ну, так уж и быть. Но только одну.

– Ни одной, – спокойно, но твердо вмешалась Лаури.

Дрейк взглянул в ее сторону, но Дженифер не повернула

головы – она ведь ничего не слышала. Но только она собралась сунуть жвачку в рот, как Лаури дернула за край одеяла, чтобы привлечь ее внимание.

Дженифер подняла глаза и улыбнулась. Лаури улыбнулась в ответ и сказала языком жестов:

– Привет, Дженифер. Скажи-ка, как меня зовут.

Девочка показала жестом, а потом тоненьким робким голоском произнесла ее имя. Дрейк рот разинул от удивления.

– Да ведь это здорово, маленькая моя! – радостно воскликнул он, еще теснее прижав дочку к себе.

Дженифер так и засветилась счастьем, поняв, что доставила удовольствие этому замечательному высокому человеку, который время от времени приходил к ней в комнату и только ее одну одаривал знаками внимания.

Лаури решила не останавливаться на достигнутом. Снова завладев вниманием Дженифер, она сказала:

– Это Дрейк.

И показала девочке жест, которым они с Дрейком придумали обозначать его имя.

– Не уверена, что она понимает значение таких слов, как «отец» и «мать». Скоро я попытаюсь объяснить ей, что такое отец и дочь. А пока вы для нее будете просто Дрейк, – пояснила Лаури.

Дженифер жестом изобразила имя отца и указала на него.

– Да, – кивнула Лаури.

Тогда девочка принялась непрерывно повторять это слово

до тех пор, пока руки у нее не запутались и они все трое не разразились веселым смехом. Вдоволь насмеявшись, Дженифер вспомнила про жевательную резинку и хотела было сунуть ее в рот, но Лаури не дала. Жестами попросила она малышку положить жвачку на тумбочку, а съесть ее утром.

Дженифер с надеждой взглянула на отца – может, он ей поможет, – но Дрейк покачал головой, положил пакетик на тумбочку и жестом, который только что увидел у Лаури и запомнил, показал, что пора спать.

Зевнув, девочка откинулась на подушку. Белокурая головка в локонах, розовая ночная рубашка в оборочку – ангелочек, да и только! Она потянулась к Дрейку ручонками, и тот, быстро чмокнув ее в лобик, встал. Лаури хотела было выключить свет, но увидела, что девочка тянет пухленькие ручки к ней.

Лаури посмотрела на Дрейка – на его лице играла нежная улыбка.

– Лучше и не скажешь, верно? – проговорил он.

Не ответив, Лаури подошла к Дженифер поближе, наклонилась, и девочка крепко ее поцеловала.

Они с Дрейком подоткнули под нее одеяло, выключили свет и вышли из комнаты. Сделав несколько шагов, Лаури остановилась посреди холла – пришедшая в голову мысль вдруг как громом поразила ее.

– А ведь вы двое только что сыграли на моей жалости, – задумчиво сказала она.

– Что мы и собирались сделать, – вывел ее из задумчивости голос Дрейка.

Лаури взглянула на него – надо же, оказывается, она уже начала размышлять вслух.

– Дрейк, она любит вас. Сейчас вы для нее самый главный человек в жизни. Но в скором времени я увезу девочку от вас за тысячу миль и займу в ее сердце ваше место. Вы отдаете себе в этом отчет?

Окинув взглядом пустынный холл, Дрейк сунул руки в карманы своих роскошных слаксов и уставился взглядом в никуда.

– Да. – Он стиснул зубы, и от этого на скулах заиграли желваки. – И не стану скрывать, мне это не очень-то приятно. Но что я могу сделать? Мне ужасно не хочется, чтобы Дженифер росла в городе, но с ней я уехать не могу и сделать для нее сейчас то, что способны сделать вы, я тоже не в состоянии. – Он повернулся к Лаури лицом. – Я понимаю, что возлагаю на вас огромную ответственность. Но думаю, что поступаю правильно. Как только смогу, приеду навестить дочь.

И, криво усмехнувшись, Дрейк добавил:

– Не такой уж распутный образ жизни я веду, как пишут в журналах.

Лаури деловито протянула ему руку:

– Принимаю ваше предложение. Дрейк молча пожал ей руку.

Когда они подъехали к дому, в котором жила Лаури – уют-

ному, однако далеко не роскошному, – Дрейк сказал, что проводит ее до квартиры, и, невзирая на протесты Лаури, настоял на своем. Заплатив водителю такси, он отпустил его, заявив, что возьмет другое, как только благополучно доставит Лаури домой.

Пока они поднимались в лифте, Дрейк заметил:

– Думаю, недельки через две можно будет ехать. Вам хватит времени, чтобы собраться? И, когда Лаури кивнула, продолжил:

– Дом у меня хоть и самый обыкновенный, но уютный. Нужно будет нанять прислугу, чтобы хорошенько в нем прибралась. Купить машину, чтобы отвезти вас из аэропорта Альбукерке до Уиспез (Whispers – шорохи), так называется городок, где находится мой дом. Так что, когда привезете Дженифер, все уже будет готово.

– Уиспез... – задумчиво протянула Лаури. – Какое милое название.

Лифт остановился, и Дрейк, взяв ее под локоток, вывел в коридор.

– Это довольно необычный город, очень тихий и спокойный. В нем живут в основном пожилые люди, которые давно вышли на пенсию, да несколько шахтерских семей. Природа там потрясающая в любое время года.

Они подошли к дверям ее квартиры.

– Я буду платить вам столько, сколько вы получаете у себя в институте. Дом и машина тоже, естественно, будут в ва-

шем полном распоряжении. На еду и одежду для Дженифер получите столько, сколько скажете.

– Деньги меня волнуют меньше всего, – прервала его Лаури.

Вставив ключ в замок, она повернулась пожелать Дрейку спокойной ночи, но увидела его лицо и слова замерли у нее на губах. Он шагнул к ней, Лаури попяtilась и пяtilась до тех пор, пока не почувствовала спиной стену. Дальше отступить было некуда. Упершись ладонями чуть выше ее головы, Дрейк приблизил к ней свое лицо. Теперь их разделяли какие-то миллиметры, но тут он остановился и прошептал:

– Вы мне нравитесь и такая.

Лаури слова вымолвить не могла от волнения. Наконец, с трудом обрета голос, выдохнула:

– Какая такая?

– Спокойная, уверенная в себе, деловая донельзя. Впрочем... – он довольно хмыкнул. – Я был от вас в восторге и в тот день, когда вы бросались на меня, как пантера, а волосы ваши горели огнем.

Он придвинулся еще ближе:

– Так что, миссис Перриш, хоть и ищу я, что бы такое мне в вас пришлось не по душе, но найти не могу. Лаури поняла, что он сейчас ее поцелует и что она не должна этого допустить, но не в силах была ни рукой, ни ногой пошевелить. Его лицо неумолимо приближалось. Наконец его губы коснулись ее губ, и Лаури закрыла глаза. Огромная волна невы-

носимого блаженства, казалось, накрыла ее с головой и понесла. Он придвинулся еще ближе, крепко и бережно прижал ее к себе. И хотя Лаури едва доставала ему до середины груди – ростом Господь его не обидел, – оказалось, что они идеально подходят друг другу. Словно встретились две половинки единого целого. Ее мягкая грудь тесно прижалась к его груди, но никаких неудобств Лаури при этом не испытала – будто какой-то гениальный скульптор высек специально для нее две ямочки в его теле.

Его рот поглотил ее губы, и Лаури охватило желание обнять его, прижаться к нему еще теснее. Однако не решилась. Только робко подняла руки к его груди, легонько погладила.

Но и этого оказалось достаточно. Дрейк, вздрогнув, издал тихий, протяжный стон и нетерпеливыми губами все целовал и целовал ее, жадно, ненасытно.

Поначалу Лаури, ошеломленная случившимся, не отвечала на его поцелуи – сказывался страх ко всем мужчинам вообще, оставшийся в ней со времени неудавшегося замужества. Но Дрейка, похоже, не смутила ее сдержанность. Он страстно целовал ее снова и снова, пока у Лаури уже не стало сил оставаться нарочито спокойной. Она чуть приоткрыла губы, и язык его желанным гостем скользнул в сладкую влажность ее рта. В глубине души Лаури понимала, что не должна позволять Дрейку заходить так далеко, но сейчас, в минуту величайшего наслаждения, бессильна была что-либо сделать.

И немудрено – он ни на миг не оставлял ее в покое. Даже когда губы его на мгновение отрывались от ее губ, он не отпускал Лаури от себя. Все гладил руками ее плечи, спину, шею, словно не в силах был поверить, что вот она, стоит перед ним, такая милая, желанная. Губы его добрались до ее уха, Лаури почувствовала, как он легонько куснул мочку, и вздрогнула от наслаждения. А его неугомонные пальцы уже коснулись ее лица, принялись нежно поглаживать ее щеки.

– Вы всех своих артисток так целуете? – игриво спросила Лаури.

Думала, вот сейчас Дрейк улыбнется и отпустит в ответ какую-то шуточку. Но произошедшая с ним метаморфоза потрясла ее. Вся кровь отхлынула у него от лица – оно сделалось белым как мел. Зеленые глаза, только что горевшие призывным огнем, казалось, снедавшим ее, сделались холодными и непроницаемыми, словно двери, пропускающие в душу, внезапно захлопнулись.

Дрейк отстранился от нее – медленно, не спеша. Сначала опустил руки, потом чуть подался назад, но этого оказалось достаточно, чтобы Лаури вдруг почувствовала ледящий холод. Захотелось кинуться к нему, обхватить руками за шею, притянуть к себе и вновь почувствовать уже такое знакомое тепло его тела. Но отрешенное выражение его лица настолько поразило ее, что Лаури не посмела. Он смотрел на нее так, будто увидел перед собой привидение.

– Дрейк, что...

Закончить она так и не смогла – голос прервался. Он беззвучно шевелил губами, пытаясь что-то сказать, и, наконец, ему это удалось.

– С... Сьюзен всегда так говорила... Дрейк провел дрожащей рукой по лицу, словно пытаясь отогнать призрак.

– Сьюзен? – тоненьким голоском переспросила Лаури.

Она догадывалась, кто такая Сьюзен, но не хотела услышать подтверждение своей догадки. И все-таки услышала.

– Да. Моя жена. Она умерла...

И такая тоска звучала в его голосе, что Лаури с трудом подавила желание завывать в голос. Значит, он все еще любит свою жену! Он не сказал, как она умерла, да это было и неважно. Главное, что она, уходя, забрала с собой его любовь.

– Простите... – прошептала Лаури.

Жалкое, конечно, словечко, но ничего лучшего она придумать не могла, а чем-то необходимо было заполнить гнетущую тишину, обрушившуюся вдруг на них. Дрейк выпрямился, очнувшись наконец от столбняка. Пригладив серебристо-каштановые волосы, он резко бросил:

– Ничего!

Как же, ничего... Всего несколько секунд назад ее обнимали, да так, как еще никогда в жизни! И вдруг... Единственный человек, сумевший заставить ее тело отзываться на малейшее прикосновение – чего с ней прежде не было, – ведет себя теперь так, словно они едва знакомы.

Сунув руки глубоко в карманы, Дрейк отвернулся от нее, а когда повернулся, Лаури поняла, что он принял какое-то решение – губы плотно сжаты, темные брови нахмурены.

– Считаю своим долгом сообщить вам, Лаури, что не терплю в своей жизни никаких осложнений. Не верьте тому, что пишут обо мне модные журналы – я никогда не привязываюсь к женщинам. Когда-то я был женат и любил свою жену. Так что потребности мои в женщине чисто физиологического свойства. Думаю, вам с самого начала следует это знать.

У Лаури было такое чувство, будто ей на голову падают кирпичи: каждое слово – кирпич. Гнев и унижение переполняли ее душу, но она не дала охватившим ее чувствам вырваться на волю и, ощетинившись, словно рассерженная кошка, бросилась в атаку.

– Теперь послушайте меня, мистер Ривингтон, – дрожа от едва сдерживаемой ярости, начала она. – Раз уж вы завели этот неприятный разговор, позвольте ответить откровенностью на откровенность. У меня нет ни малейшего желания, как вы выразились, привязываться к вам. Помимо того, что это отрицательно скажется на моих профессиональных качествах, отчего неминуемо пострадает конечная цель, считаю своим долгом сообщить вам, что вы меня мало волнуете. Не выношу самонадеянных мужчин! Когда-то у меня был муж-музыкант, тоже артист в своем роде. Так вот, он, равно как и вы, обожал самого себя и ждал такого же обожания и от других. Я сыта этим по горло! Так что будьте спокойны, я

позабочусь, чтобы наши отношения не выходили за рамки деловых. Благодарю за обед. С этими словами Лаури вошла в квартиру и с силой захлопнула за собой дверь, а потом прислонилась к ней спиной, пытаясь сдержать набегающие на глаза злые слезы.

– Дура! – в сердцах воскликнула Лаури, притопнув ногой, совсем как в детстве.

Потом швырнула сумочку на ближайший стул и сдернула с себя куртку – она полетела следом.

– Сукин сын!

Лаури никак не могла решить, на кого ей больше злиться – на Дрейка или на себя. Она прошла в спальню и, включив свет, бухнулась на кровать и принялась расстегивать туфли, приговаривая:

– Ну когда ты чему-нибудь научишься, идиотка! Мало тебя жизнь била!

Продолжая раздеваться, Лаури ругала себя на чем свет стоит за то, что позволила Дрейку поцеловать себя. Да как она могла! Ведь он теперь ее работодатель. Она собирается учить и воспитывать его дочь – в общем, возлагает на себя ответственность за Дженифер. Разве сможет она после всего того, что произошло, объективно относиться к ней? Маловероятно. Да и вообще, всякие там шуры-муры с Дрейком нанесут неминуемый удар по благополучию ребенка, отрицательно скажутся на учебном процессе. Так что пылать страстью к отцу своей ученицы – просто безумие, подвела Лаури

ИТОГ СВОИМ МЫСЛЯМ.

Однако в глубине души Лаури понимала, что не сам поцелуй обеспокоил ее, а те чувства, которые она при этом испытала. Даже в самую лучшую пору их с Полем любви никогда не кружилась у нее голова от счастья, когда он ее целовал. Так, как это было с Дрейком.

Лаури казалось, что она умирает от восторга, а когда он так безжалостно и бесцеремонно отстранился от нее, ее вдруг охватило чувство, что она лишилась чего-то самого дорогого. А он – наверное, чтоб было больнее – не моргнув глазом, заявляет, что, мол, она сама бросилась ему на шею! Да как он только смеет! Впрочем, что взять с этих артистов. Все они одинаковы. Сначала удовлетворяют свою безудержную похоть, потом плачутся в жилетку, а напоследок плюют тебе в душу.

Лаури пошла в ванную, умылась и принялась мазать лицо кремом. Вспомнилось, как она вышла замуж за Поля Джексона. Познакомились они на какой-то вечеринке. Она только что приехала в Нью-Йорк и получила такое желанное место преподавателя в институте для глухонемых детей Марты Норвуд.

Чувствовала она себя в то время очень одинокой и сильно скучала по родителям, которые остались в Небраске, штате, казавшемся ей теперь на самом краю света. И когда молоденькая учительница, работавшая в том же институте, где и Лаури, пригласила ее на вечеринку, она с радостью согласи-

лась.

Сборище оказалось смешанным – семейные пары и одиночки плюс несколько танцоров, музыкантов и писателей. Поль Джексон аккомпанировал на пианино какой-то длинноногой блондинке, которая своим дребезжащим голосом только все портила.

Он сразу обратил внимание на молоденькую девушку с отливающими золотом каштановыми волосами, с живым интересом слушавшую его игру. Во время перерыва он подошел к ней, представился, завязался оживленный разговор. Лаури очень высоко отозвалась о его искусстве, особенно когда узнала, что он исполняет собственные песни.

Только много месяцев спустя Лаури осознала, что с первого же дня знакомства они говорили исключительно о нем, о Поле, о его честолюбивых мечтах сказать в музыке свое слово. О ней же, о Лаури, о ее мыслях и чаяниях, планах и перспективах речь даже не заходила. Так что с самого начала можно было догадаться, насколько он эгоистичен и не уверен в себе.

Поль был красив, но какой-то нервной красотой, часто встречающейся у людей искусства. Свои длинные каштановые волосы он мог не стричь месяцами, пока Лаури ласково не замечала ему, что неплохо было бы сходить в парикмахерскую. Вообще все, о чем она говорила или на что намекала, делалось ласково и нежно – не дай Бог обидеть или оскорбить будущего музыкального светила.

Скорее всего, чувство, которое Лаури, испытывала к Полю, было сродни жалости, однако, встречаясь с ним в течение долгих месяцев, она убедила себя, что это любовь. Да иначе и быть не могло! Ведь она так нужна ему. Чтобы слушать его музыку, говорить восторженные слова, подбадривать, когда что-то не клеится, утешать, когда дела идут из рук вон плохо. Кто же займется этим, как не она?

– Ты переедешь ко мне жить, Лаури? Мне просто необходимо, чтобы ты все время была со мной, – сказал он ей как-то раз.

Они только что вернулись из кино в квартиру, которую он снимал, и сейчас лежали на кровати, тесно прижавшись друг к другу.

– Ты делаешь мне предложение, Поль? – улыбнулась Лаури.

Наконец-то! Свершилось! Как здорово! Он любит ее. Теперь они всегда будут вместе. Она сможет помогать ему, ободрять, когда нужно, – словом, будет играть роль тихой, надежной гавани, в которой всегда можно укрыться от невзгод.

– Нет!

Слово прозвучало, как выстрел. Поль выпустил ее из объятий, встал и подошел к столику, на котором в изобилии стояли бутылки со спиртным.

– Просто прошу тебя жить со мною.

Он плеснул себе в стакан виски.

Лаури села, одернула юбку. Он уже неоднократно склонял ее к близости. Она отказывалась, тогда он начинал действовать силой и, ничего не добившись, обычно язвительно извинялся за то, что вынуждал ее компрометировать себя.

– Поль, ты же знаешь, что я не могу этого сделать. И я тебе уже сто раз говорила почему.

– Потому что у тебя отец священник? – с вызовом бросил он.

Глаза его искрились злостью.

– Не только, хотя если бы это произошло, мои родители ужасно расстроились бы.

– О Боже... – простонал он.

– Поль, пойми, я хочу быть твоей больше всего на свете! – воскликнула Лаури. – Но только твоей женой, а не любовницей.

Тихонько выругавшись, Поль опрокинул в себя остатки виски, поставил стакан на стол, долго смотрел на нее, будто видёл впервые, потом подошел и опустился перед ней на колени.

– Ах, ты рыжеволосая моя стервочка, – прошептал он, взъерошив ей волосы. – Знаешь, что я жить без этого больше не могу...

Он коснулся рукой ее живота и принялся легонько поглаживать его, потом поцеловал Лаури в грудь – сначала в одну, потом в другую.

– Похоже, придётся-таки на тебе жениться.

– О Поль! – восторженно воскликнула Лаури, бросаясь ему на шею.

Через несколько дней они поженились. К величайшему разочарованию ее родителей, венчаться не стали, а ограничились гражданской церемонией, на которой присутствовали только двое друзей-музыкантов Поля, да и те в качестве свидетелей. На следующий день после свадьбы Лаури переехала к мужу.

Первые два месяца все шло относительно нормально, если не считать нескольких взбрыкиваний новоиспеченного мужа и непродолжительных периодов депрессии. Поль работал над альбомом, возлагая на него большие надежды. Каждый день, возвращаясь с работы, Лаури заставляла мужа за инструментом, из-за которого он вставал лишь затем, чтобы рассеянно съесть то, что она приготовила, а потом вернуться к любимому занятию.

Когда она ложилась спать, Поль забирался к ней под одеяло, быстренько удовлетворял свои сексуальные потребности и снова садился за работу, а она долго лежала одна в темноте, пока наконец не засыпала. А утром она тихонько, чтобы не разбудить его, выбиралась из кровати и отправлялась на работу.

Когда музыкальные критики не приняли его альбом, Поль впал в состояние депрессии, становившееся день ото дня все более угрожающим. Он пил, поносил всех и вся и плакал. Потом все начиналось сначала. Когда Лаури пыталась уте-

шить его и ободрить, он начинал орать:

– Что ты-то суешься? Ведь ни черта в этом не смыслишь! Толчешься там в своем институте со своими идиотиками, которые вообще не в состоянии слышать музыку, ни хорошую, ни плохую! Так что лучше заткнись и не возникай!

Наконец период озлобленности закончился и наступил этап раскаяния, который оказался еще похлеще предыдущего. Поль плакал навзрыд у нее на плече, а она обнимала его и, покачивая, успокаивала, как ребенка. Потом он слезно просил у нее прощения, обещал никогда больше не говорить с ней в подобном тоне, а она гладила его по головке, утешала – в общем, нянчилась с этим вконец распутившимся взрослым мужчиной, как с малым дитем, пытаясь вернуть ему хоть какое-то подобие человеческого облика.

Но и этот период скоро кончился. В последующие восемь месяцев припадки происходили все чаще. Поль пил, поскольку не способен был написать хорошую музыку, а хорошую музыку не мог написать, потому что пил. А больше всех от этого страдала Лаури.

Когда он бывал трезв настолько, чтобы заняться с ней сексом, ни о какой теплоте и любви не было и речи. Казалось, будто даже в такие интимные моменты он вымещал на ней злобу.

Лаури чувствовала, что должна его бросить, чтобы самой не скатиться до его уровня, уровня человека с поврежденной психикой. Она не в состоянии была больше выносить

внезапных перемен настроения, вспышек злости, эгоизма и шизофрении.

И она съехала от него на другую квартиру. На развод подавать не стала, надеясь, что Поль как-то преодолет свою слабость, и они снова станут жить вместе. А три месяца спустя он умер. Лаури сообщила об этом по телефону его очередная подружка – нашла его за пианино. Он сидел, уткнувшись лицом в клавиши. Вскрытие показало, что летальный исход наступил вследствие перенасыщения организма алкоголем и барбитуратами.

Теперь, расчесывая свои каштановые волосы и вспоминая о покойном муже, Лаури грустно покачала головой. На похоронах почти никого не было. Ее родители так никогда и не увидели Поля. Они не смогли приехать в Нью-Йорк на свадьбу, а ехать «в такое Богом забытое место, как Небраска», он сам отказался. Лаури позвонила матери Поля, которая жила в Висконсине. Ее она тоже никогда не видела. Та внимательно выслушала известие о смерти сына и, не проронив ни слова, спокойно повесила трубку.

Сначала Лаури винила в смерти Поля только себя. Будь она более чуткой, окажи она ему моральную поддержку, останься с ним, может, и не случилась бы эта ужасная смерть. Только после долгих разговоров с отцом Лаури прекратила самобичевание и примирилась со смертью мужа.

И, тем не менее, замужество ее не прошло бесследно. Теперь она сто раз думала, прежде чем начать с кем-нибудь

встречаться, и предпочтение обычно отдавала молодым карьеристам, которые превыше всего ставили работу, а уж потом личную жизнь, включая и любовные похождения. Каждая встреча оставляла Лаури равнодушно-спокойной, но если она чувствовала, что ею начинают увлекаться всерьез, тут же прекращала всякие отношения.

Лаури выключила свет в ванной, прошла в спальню и, сбросив с себя всю одежду, голышом скользнула под одеяло.

– Не везет тебе с мужчинами, Лаури Перриш, – вздохнула она.

Все пять лет, прошедшие со дня смерти Поля, она была предельно осторожна. Холодная и неприступная, она не впустила в свою жизнь ни одного мужчину. Вплоть до сегодняшнего дня. То, что произошло сегодня, нельзя считать незначительной ошибкой – это был крупный промах.

И дело не только в том, что Дрейк Ривингтон – отец девочки, которую она собирается учить. Он к тому же и актер. А это похлеще, чем композитор, и его сегодняшнее поведение – прекрасное доказательство тому.

То целует ее так страстно, что кружится голова и сердце готово вырваться из груди, а в следующую секунду холоден, как лед – она, видите ли, напомнила ему его умершую жену!

Но больше всего Лаури разозлила его безмерная самонадеянность. Привык, что женщины так и вьются вокруг него, почитая за счастье, если он обратит на них внимание, а уж если скажет слово или прикоснется невзначай, вообще ока-

зываются на верху блаженства.

«Да черт с ним!» – зло подумала Лаури, стукнув по подушке кулаком. Ей вскоре предстоит тяжелый труд, который потребует высочайшей сосредоточенности и самоотдачи в течение, может быть, долгих лет. Тут вообще ни до каких мужчин, не говоря уж о Дрейке Слоуне. Так что к дьяволу его самого вместе с его издевками и самонадеянностью.

Забыть серебристо-каштановые волосы, темно-зеленые глаза, окаймленные густыми черными ресницами, пронизывающие, кажется, тебя насквозь, забыть высокую, худощавую, но сильную фигуру.

Лаури беспокойно поерзала под одеялом, пытаясь затолкнуть в самые укромные уголки памяти воспоминания о губах Дрейка и чувствах, которые она испытала. Лаури невольно прижала руку ко рту, будто все еще чувствовавшему сладкое прикосновение. Пальцы ее скользнули к шее, и она словно вновь почувствовала ласковое поглаживание его усов.

Лаури застонала и перевернулась на живот. Ее тело страстно желало ощутить блаженное тепло и мягкость его рук, но огромным усилием воли Лаури подавила в себе это желание, равно как и голос рассудка, говорящий ей о том, что, несмотря ни на какие уговоры, ее непреодолимо влечет к Дрейку Ривингтону.

Глава четвертая

– Дженифер, а Дженифер!

Малышка повернула головку в сторону неясного звука, догадавшись, что обращаются к ней. При этом ее белокурые локоны, скрывающие слуховой аппарат, заходили из стороны в сторону.

– Возьми салфетку, – жестами сказала Лаури и улыбнулась. – Ладно?

– Хорошо, – тоже жестом ответила Дженифер и, к великому удовольствию своей учительницы, попыталась даже выговорить это слово.

Они втроем сидели в кафе нью-йоркского аэропорта Ла-Гуардия и ждали, когда объявят посадку на самолет, вылетающий рейсом «Нью-Йорк – Альбукерке». Дженифер с наслаждением поглощала ванильное мороженое, а Дрейк с Лаури внимательно наблюдали за ней.

– За последние две недели у нее такой прогресс, Лаури, что просто удивительно, – заметил Дрейк.

При звуке его голоса у Лаури, как обычно, сильно заколотилось сердце, но она скрыла свои чувства.

– Да, – спокойно подтвердила она.

На самом деле ей хотелось кричать от отчаяния. Ведь она уезжает! И теперь не сможет видеть его, говорить с ним, хотя бы с тем деланным безразличием, которое с того самого ве-

чера, когда он ее поцеловал, она взяла за правило напускать на себя.

Дальше разговор не клеился. Лаури сидела, как на иголках. Наконец раздался долгожданный голос диспетчера. «Слава Богу», – подумала она. Неловкое молчание слишком уж затянулось.

– Помните, что не следует ждать от Дженифер чересчур быстрых успехов, – предупредила она Дрейка.

– Не буду, – торжественно пообещал он.

– Как же! Еще как будете, – рассмеялась Лаури, и Дрейк улыбнулся в ответ.

Прошедшие две недели пролетели, как один миг. Дрейк устроил все самым наилучшим образом. Выкупил ее договор на аренду квартиры, хотя до окончания срока оставалось еще три месяца. Сделал все приготовления к отъезду и постоянно держал Лаури в курсе событий, происходящих в Нью-Мексико.

Лаури упаковала свою и Дженифер зимнюю одежду и заранее отправила ее, оставив только летние вещи. Всю кухонную утварь она отдала друзьям, кое-что распродала. Наконец Дрейк объявил ей, что в Нью-Мексико все готово. Отложенные вещи запаковали в коробки и отправили в аэропорт.

Доктор Норвуд очень сожалела, что Лаури покидает институт, пробыв в нем столько времени. Но ей было также отлично известно, что из ее лучшей учительницы выйдет идеальный частный преподаватель – именно то, что нужно Дже-

нифер, а посему почтенная дама пожелала Лаури удачи и счастливого пути.

Все это время Лаури общалась с Дрейком по телефону и исключительно деловым тоном. Разговор всегда крутился вокруг Дженифер, приготовлений к отъезду и предстоящего житья-бытья в Уиспез.

Встретившись с Лаури после того вечера, Дрейк взял ее за руку и спокойно проговорил:

– Что касается того вечера, Лаури...

– Не нужно ничего объяснять, Дрейк, – прервала его Лаури, выдернув руку. – Мы оба с вами поддались безотчетному порыву. Давайте не будем больше об этом говорить.

Глаза у него потемнели, губы плотно сжались, но он не проронил ни слова. С этого времени Дрейк принял ее деловую манеру общения. Однажды, когда они переходили в час пик шумную Манхэттен-авеню, он взял Лаури под руку, но как только добрались до противоположной стороны, тут же выпустил ее руку. Больше он к ней никогда не прикасался.

Лаури тщетно пыталась сдержать отчаянно бьющееся сердце всякий раз, когда видела его. Какое счастье, что скоро они будут далеко друг от друга. Она была убеждена, что пала жертвой его обаяния – участь, постигшая до нее миллионы женщин. Вместе с тем Лаури не покидала уверенность, что она преодолеет это увлечение, как это уже неоднократно случалось и раньше.

– Выпьете еще кока-колы? – вывел ее из задумчивости го-

лос Дрейка.

– Нет, спасибо.

– А я, пожалуй, закажу еще кружку пива.

Он сделал знак официантке. Бедняжка с такой стремительностью бросилась выполнять заказ самого Дрейка Слоуна, что споткнулась и чуть не упала.

– Вы говорили мне как-то, что ваш отец – священник, – снова обратился Дрейк к Лаури и, когда та кивнула, продолжил: – Поэтому вы никогда не пьете спиртное?

Лаури на мгновение оторопела, но вида не подала и спокойно ответила:

– Нет. Раньше я позволяла себе немного расслабиться, преимущественно в компании.

Она отвела от него взгляд, делая вид, что ей срочно понадобилось вытереть личико Дженифер – та уже успела вымазаться мороженым.

– А потом увидела, что бывает с людьми, которые пьют, – тихо закончила она.

– Вы имеете в виду вашего мужа?

Вопрос прозвучал негромко, но Лаури вздрогнула, как от удара грома. О ее замужестве они и словом не обмолвились с того вечера, когда Дрейк ее поцеловал.

– Да, – ответила она, поймав его пронзительный взгляд, и, вздохнув, рассказала ему все о своей незадавшейся замужней жизни, чтобы потом больше уже никогда не возвращаться к этому. Коротко и бесстрастно поведала она о своей

недолгой и бурной жизни с Полем.

– После его смерти я снова взяла свою девичью фамилию. Посчитала, что больше не вправе носить его имя, не настолько уж мы были близки.

Лаури медленно подняла на Дрейка глаза. Он пристально разглядывал ее лицо, будто пытался вобрать в себя каждую его черточку. Вот взгляд скользнул по ее губам, и Лаури охватило такое чувство, будто она снова ощущает его поцелуй. Наконец он перевел взгляд на дочку.

– Дженифер, – ласково позвал он и легонько постучал по столу, желая привлечь ее внимание.

Протянул к ней руки, и малышка, живо соскочив со стула, обежала вокруг стола и забралась к отцу на колени.

На пиво, которое поставила перед ним взволнованная официантка, Дрейк не обратил ни малейшего внимания. Крепко прижимая к себе дочурку, он зарылся лицом в буйную гриву золотистых кудряшек. Лаури отвернулась, пытаясь сдержать подкатившие вдруг слезы. Внезапно ее охватило чувство вины – ведь она сейчас войдет в самолет с его дочерью, а он останется один.

Дрейк между тем ласково гладил малышку по лицу.

– Вы можете писать ей, – взволнованно проговорила Лаури. – Тогда девочка будет чувствовать, что вы никуда не исчезли из ее жизни, а мне эти письма тоже пригодятся в педагогических целях. Будем ходить на почту, получать их, а по дороге беседовать на разные темы.

– Ладно, – пробормотал Дрейк, поправляя белый гольфик, съехавший с пухленькой ножки Дженифер.

– Ну и, конечно, когда будет идти «Отклик сердца», нас от телевизора не оторвешь.

– А вот этого не надо, – погрозил ей пальцем Дрейк, но глаза его смеялись.

Из репродуктора опять донесся бесстрастный голос диспетчера – объявили посадку на их самолет. Долго смотрели они с Дрейком друг другу в глаза, не в силах оторваться, пока Дженифер пыталась что-то невнятно втолковать отцу. Наконец Лаури опомнилась и, поспешно отведя взгляд, нагнулась за большой дорожной сумкой.

Молча шли они по просторному вестибюлю к выходу на посадку. Дрейк нес на руках Дженифер. Малышка еще не догадывалась, что вскоре расстанется с человеком, которого обожала со всей пылкостью своего маленького сердечка.

Дойдя до контроля, Дрейк вытащил билеты и повернулся к Лаури:

– Если вам что-нибудь потребуется, пожалуйста, звоните мне тотчас же, в любое время. Вы, Лаури, для меня больше, чем человек, которого я нанял. Я вверяю вам самое дорогое, что у меня есть, – свою дочь.

– Я это понимаю и сделаю для нее все, что в моих силах. Не сомневайтесь.

Дрейка все узнавали – и пассажиры, и служащие аэропорта. Одни перешептывались, другие кивком головы показыва-

ли в его сторону. Некоторые женщины вообще застыли, как вкопанные, и откровенно пялились на него. Многие же просто улыбались ему и шли себе дальше. Каждый взгляд болью отзывался в сердце Лаури. Дрейк, похоже, тоже осознавал, что является объектом всеобщего внимания.

Он вытащил из кармана пачку жевательной резинки и наклонился к Дженифер. Она потянулась к любимому лакомству, но Дрейк не давал его до тех пор, пока она не показала это слово жестом. Крепко обняв малышку, он на секунду прижал ее к себе и так же жестом сказал: «Я тебя люблю». Дженифер рассеянно ответила – ее больше интересовала жвачка.

– Как вы думаете, она понимает, что сейчас уедет? – с болью в голосе спросил Дрейк.

– То, что долго не увидит вас, конечно, нет. А вот то, что вы любите ее, естественно, да, как любой ребенок.

Ответ, кажется, его удовлетворил, но кивнул он рассеянно, казалось, что его интересуется исключительно толпа, сгрудившаяся у трапа самолета. Равно как и Лаури. Та тоже не сводила внимательного взгляда со своих будущих попутчиков. Наконец, оторвавшись от занимательного зрелища, Дрейк взглянул на нее.

– Лаури... – нерешительно начал он, коснувшись ее руки, крепко сжимавшей билеты.

Взгляд зеленых глаз, казалось, опалил ее огнем. Они словно вопрошали о чем-то. Только вот о чем?

На секунду почудилось, что она вот-вот утонет в бездонной глубине его взгляда.

«Не смотри на меня так! Ведь ты все еще любишь свою жену!» – хотелось крикнуть ей. Он шагнул было с твердым намерением обнять ее, но Лаури тут же отпрянула и взяла Дженифер за руку.

– Нам пора. До свидания, Дрейк. – И, прежде чем он успел остановить ее, Лаури показала билеты контролеру и прошла за ограждение.

Дженифер весело помахала Дрейку в последний раз и отправилась следом. Она и не догадывалась, что теперь не увидит отца в течение долгих месяцев.

Лаури не обернулась. Делая вид, что ей все нипочем – хотя на самом деле ноги подкашивались, – она легко дошла по передвижному коридору до трапа самолета и прошла в салон первого класса. Отыскав места, она первым делом показала Дженифер пристяжные ремни, чтобы та не очень испугалась, когда потребуется пристегнуть их. Стюардессы, обслуживающие их салон, пришли в восторг от Дженифер – она и в самом деле казалась ангельским созданием. Одна из них знала язык жестов и вскоре – хотя у девочки был, конечно, еще очень маленький словарный запас – уже оживленно переговаривалась с ней.

Самолет начал выруливать на взлетную полосу. Лаури взглянула в иллюминатор и увидела сквозь толстое стекло вдалеке, у здания аэропорта, силуэт человека. Им мог быть

только Дрейк.

С трудом сдержала она наворачнувшиеся на глаза слезы – Дженифер заметит, расстроится. К горлу подступили рыдания, сердце сжалось от боли, и Лаури на секунду показалось, что она не выдержит.

«Я должна выбросить его из головы! – лихорадочно думала она. – Я работаю на него, обучаю его дочь, только и всего. Он все еще любит свою жену. К тому же он актер. Звезда экрана! Ему изобразить любые чувства – раз плюнуть. А потом, он ведь сам сказал, что в отношениях с женщинами его интересует лишь физическая сторона. Так что не нужен он мне!» Но прошло довольно много времени, самолет уже давно оторвался от земли, взмыл в небеса и взял курс на юго-запад, а Лаури все еще думала о Дрейке.

– Никак не могу поверить, что у меня наконец-то будет соседка! Когда миссис Трютт – это та женщина, которая у вас убирает, – сказала мне, что приедешь ты, да еще с маленькой девочкой, я чуть с ума не сошла от радости. Помочь чем-нибудь?

Лаури улыбнулась молоденькой толстушке, восседавшей на кухонной табуретке. Бетти Гроувз жила по соседству, в двух шагах от дома, где поселились они с Дженифер.

– Нет, спасибо. Если я не уберу вещи сама, то потом их никогда не найду. Да я уж почти закончила.

Лаури как раз распаковывала ящик с книгами по кулинарии, которые привезла с собой из Нью-Йорка. Они с Джени-

фер приехали только вчера и пока еще плохо помнили, где что лежит.

Дом, который Дрейк назвал «самым обыкновенным», произвел на Лаури ошеломляющее впечатление.

Когда они с Дженифер подкатили в новой машине, купленной для них Дрейком, к двухэтажному зданию, построенному по типу швейцарского шале, Лаури только диву далась – как можно иметь такой дом и не жить в нем все время.

На первом этаже располагалась просторная гостиная с огромными – от пола до потолка – окнами с видом на горы и камином. Из гостиной дверь открывалась в небольшую, обшитую панелями комнату, которую Дрейк предложил использовать в качестве классной для Дженифер. Увидев ее, Лаури тут же внутренне с ним согласилась. В полукруглой нише на другом конце гостиной стоял обеденный стол со стульями. Отсюда дверь выходила в кухню, оснащенную самым современным оборудованием.

Наверху находилась огромная спальня, посередине которой стояла невиданных размеров кровать, роскошная ванная комната, еще одна спальня, поменьше, и ванная тоже более скромных размеров.

– Будем пользоваться всем, что есть в доме, правда, Дженифер? – спросила Лаури прошлым вечером, распаковывая вещи своей подопечной в меньшей спальне.

Себе она решила взять большую.

– Какой смысл жить, как спартанцы, имея такую рос-

кошь, – прибавила она.

Дженифер рассматривала свой новый дом, преисполненная священного трепета. В институте Марты Норвуд у нее была самая обычная комната, и она не привыкла к таким хоромам. Наверное, думает, что она во дворце, решила Лаури.

Путешествие прошло без сучка, без задоринки. Когда они вышли из самолета, их уже встречал общительный человек среднего возраста, доставивший машину, купленную Дрейком по телефону.

– Если эта машина вас не устроит, мистер Ривингтон приказал показать вам все, что у нас есть, пока вы не выберете ту, которая вам по душе.

Лаури взглянула на роскошный серебристый «Мерседес», отвечавший всем современным требованиям, и тихо рассмеялась:

– Думаю, остановимся на этой.

Агент по продаже машин помог ей погрузить вещи в багажник и подробно объяснил, как добраться до Уиспез. Городок находился примерно в часе езды к северо-западу от Альбукерке.

В доме уже все было готово к их приезду. Лаури открыла банку с консервированным супом, нарезала сыр, достала немного крекеров. Они поужинали, потом Лаури вытащила из чемодана ночные рубашки и туалетные принадлежности, и, умывшись, они отправились спать.

Утром Лаури проснулась от веселого щебетания птиц и

первым делом бросилась в комнату Дженифер. Хотелось показать девочке вид из окна ее нового жилища, разительного отличавшийся от того, к которому та привыкла в Нью-Йорке. Лаури была уверена, что красота окружающей природы приведет малышку в восторг.

Плотно позавтракав яичницей с ветчиной – яйца Лаури обнаружила в битком набитом холодильнике, – она искупала Дженифер и нарядила ее в шорты и футболку. Сама тоже оделась по-домашнему и принялась за дело – нужно было распаковать кое-какие вещи, да и дом следовало как следует изучить.

В самый разгар работы заявила Бетти с двумя своими ребятишками. Она оказалась не в меру говорливой особой, к тому же излишне любопытной, но Лаури она тем не менее очень понравилась, и они сразу же подружились.

– Я здесь живу три года и все это время понятия не имела, кто владелец этого дома. Ни разу здесь никого и в глаза не видела. Представляешь, что я испытала, когда узнала, что хозяин дома доктор Глен Хембрик... то бишь... Черт, опять забыла, как его зовут!

– Дрейк Слоун его сценическое имя, а Ривингтон настоящее, – улыбнулась Лаури.

Оказывается, ее новоиспеченная подруга тоже попала под влияние неотразимого обаяния Дрейка.

– Точно! Ой, я думала, что с ума сойду от радости, когда миссис Трютт сказала мне, что у меня скоро появится сосед с

маленьким ребенком! А уж когда узнала, что это не кто иной, как Глен Хем... то есть Дрейк Слоун, – вообще голова пошла кругом! Это ж надо! Джим меня теперь никогда одну дома не оставит! Казалось, каждое предложение Бетти заканчивает не точкой, как обычно, а восклицательным знаком – такая уж у нее была манера говорить. Она уже сообщила Лаури, что ее муж работает на шахте, расположенной между Уиспез и Санта-Фе. Домой он приезжает только на выходные, посему Бетти страдает от недостатка общения.

Оба ее чада оказались такими же общительными, как и мать. Да и внешне – черные волосы, карие глаза – настолько напоминали Бетти, что казались ее копиями, только миниатюрными. Сэму было пять лет, а Сэлли столько же, сколько Дженифер. Дети тут же взяли девочку под свое покровительство и все вместе отправились играть в комнату Дженифер. Сэлли страшно понравились белокурые локоны новой подружки – она то и дело гладила ее по головке, как любимую куклу.

– Не хочется разочаровывать тебя, Бетти, но Дрейк в Нью-Йорке и здесь жить не будет.

– Да я знаю, но ведь он будет к вам приезжать! Как ты думаешь, он даст мне автограф? Как бы мне хотелось его иметь!

– Думаю, когда он приедет, я устрою так, чтобы ты его увидела. Если хочешь, конечно, – проворчала Лаури.

– Скажешь тоже – если я хочу... – и Бетти, заметив недо-

вольную гримасу на лице Лаури, прыснула.

Лаури не выдержала и тоже залилась веселым смехом.

– Какая у него милая дочка, правда? – Бетти с трудом отдышалась. – Жаль только, что глухая. А ты ее учительница... Вот здорово! Прямо как Анна Сулливан из «Сотворившей чудо».² И как ты только выучила этот язык жестов, уму непостижимо!

– У меня сестра глухонемая. Так что я его учила одновременно с английским.

– А есть какая-нибудь разница?

– Кое в чем, – терпеливо ответила Лаури. – Почему бы тебе и детям тоже не выучить этот язык? Я могла бы заниматься с вами каждый день.

– Нет, правда? Вот было бы здорово! Тогда ребята могли бы говорить... то есть...

– Правильно, именно говорить.

– Говорить с Дженифер.

– А твои дети спят днем?

– Если бы не спали, я бы от них с ума сошла! Лаури рассмеялась:

– Тогда, может, после дневного сна?

– Решено, Лаури! Спасибо.

Бетти живо вскочила с табуретки и, схватив поваренную

---

² «Сотворившая чудо» – пьеса известного драматурга Уильяма Гибсона об Анне Сулливан, учительнице Елены Келлер.

книгу, пролиставала ее.

– Голову даю на отсечение, ты никогда не пробовала всей этой вкуснятины! Ты такая худенькая! Как бы я хотела такой быть. Какая ты счастливая! Когда у тебя родится ребенок, уж ты-то не станешь такой бомбой, как я, наверняка даже похудеешь. Интересно, у тебя останутся после родов растяжки? Как ты думаешь? Мой врач сказал, что у меня их не будет. И когда они появились, я думала, что его убью! А у тебя, наверное, их не будет. Я и грудью детей кормила. Кто-то сказал, что от этого фигура лучше делается. Так оно и было, пока дети были маленькие. А потом – раз! – Тут Бетти сделала руками забавный жест. – И усохли! Как ты думаешь, а у тебя испортится после ребенка фигура? – с милой непосредственностью спросила она.

Лаури только диву давалась, как это Бетти умудряется тараторить с такой скоростью, перескакивая с одной темы на другую; она взирала на подругу прямо-таки с благоговением. Но, когда до нее, наконец, дошел смысл последнего вопроса, она, зардевшись, тихо проговорила:

– Боюсь, у меня никогда не будет детей...

– Да ну? А я вот не представляю, как это можно не иметь детей! Что, Дрейк не хочет?

– Что?!

Лаури была настолько поражена, что выронила из рук книгу, которую пристраивала на полку над плитой.

– Наверное, не хочет, потому что крошка Дженифер ро-

дилась глухой, – сочувственно продолжала Бетти. – Его, конечно, понять можно. Хотя, если бы ты с ним как следует поговорила, может, он и согласился бы сделать тебе ребеночка.

– Бетти... – начала было Лаури, но голос у нее сорвался, и ей потребовалось время, чтобы обрести его снова. – Я... мы... Дрейк и я... В общем, между нами ничего нет. Я просто учу Дженифер. Вот и все.

– Ты шутишь! – И без того круглые глаза Бетти округлились еще больше. – Ой, прости, ради Бога, Лаури! Вечно я ляпну что-нибудь невпопад! Я думала, что вы с Дрейком... ну, сама понимаешь. Сейчас это сплошь и рядом. Я не хотела тебя обидеть, правда!

Бетти сокрушалась так искренне, что Лаури стало ее жаль.

– Ничего, Бетти, все в порядке. Думаю, что многим в округе кажется странным, что Дрейк поселил нас здесь с Дженифер одних.

– Это показалось бы не так странно, будь ты какой-нибудь старой перечницей, а не изящным воздушным созданием.

Лаури рассмеялась, но внезапно вспомнила тот день, когда впервые увидела Дрейка. Воспоминание это больно отозвалось в ее сердце, и смех тут же замер. Когда же, наконец, она сможет выбросить его из головы? Ведь только вчера расстались, а кажется, прошла целая вечность. И когда Бетти по обыкновению завела разговор на другую тему, Лаури вздохнула с облегчением.

Шли дни, похожие друг на друга, как две капли воды.

По утрам Лаури и Дженифер проводили несколько часов в классной комнате за уроками. Лаури с радостью убедилась, что малышка, как она и предполагала, отличается живым умом. Под руководством своей учительницы Дженифер все глубже познавала язык жестов, и каждый день открывал для нее новые горизонты. Лаури она считала самым замечательным человеком, не считая, конечно, Дрейка.

О нем Дженифер спрашивала ежедневно и никогда не пропускала мыльной оперы с его участием. Как только отец появлялся на экране, Дженифер издавала восторженный вопль, тыкала пальчиком в изображение и жестом называла его имя. Лаури объяснила ей, что означает слово «папа», и провела параллель между именем «Дрейк» и этим словом. Когда девочка узнала слово «мама», она задала Лаури вопрос, приходится ли она ей матерью. Лаури попыталась объяснить, что означает слово «смерть», показав двух сверчков – один был дохлый, другой еще живой. Дженифер поняла про сверчков, но Лаури не была уверена, что она уяснила главное – ее матери нет в живых. Лаури не могла найти образ, связывающий это слово с реальным человеком. «Надо будет попросить Дрейка показать ей фотографию Сюзен», – решила она.

После уроков они долго гуляли у подножия гор, где струились бесчисленные ручейки, наполненные прозрачной водой. Лаури старалась показать Дженифер, как изображается знаком каждый предмет, Малышка обычно запоминала сло-

во с первого раза, но потом, чтобы закрепить его в памяти, выученный жест повторялся бесчисленное количество раз.

После обеда обычно приходили Бетти с Сэмом и Сэлли – так что учеников у Лаури прибавлялось. Счастливые это были часы, полные веселья и смеха. Детям удалось превратить скучные занятия в веселую игру. Вскоре они уже переговаривались с Дженифер на языке жестов так важно и одновременно бескорыстно, как это могут делать только дети.

Иногда, когда продукты подходили к концу, Лаури с Дженифер отправлялись в город в бакалейную лавку. На обратном пути они обычно заглядывали в почтовый ящик. Так было и сегодня.

– Смотри-ка, Дженифер! – воскликнула Лаури, вынимая почту. – Письмо. Интересно, кому, – добавила она, как всегда сопровождая каждое слово жестом.

– Джен-фа, – невнятно, но с очаровательной улыбкой произнесла девчушка и, ткнув пальцем себе в грудь, широко улыбнулась.

Лаури протянула ей письмо, и Дженифер тут же отыскала свое имя, написанное четкими печатными буквами. Потом она увидела в левом верхнем углу имя отца и, смеясь, изобразила его жестом.

Дрейк писал, как и обещал, довольно часто – два-три раза в неделю. Письма были короткие, и в основном о том, как он любит свою дочурку и как скучает без нее. В каждый конверт любящий отец не забывал вложить пластинку жевательной

резинки.

Два раза Дрейк звонил им по телефону, и всякий раз, услышав его голос, Лаури чувствовала, как ее сердце сначала замирает, а потом начинает бешено колотиться. Разговоры не выходили за рамки деловых. Дрейк интересовался, как идут дела у Дженифер, есть ли у них все необходимое. Потом просил Лаури непременно сообщить ему, если что-то потребуется, и, не сказав ей лично ни единого ласкового слова, вешал трубку. Если Дрейк и помнил о том злосчастном поцелуе – в чем, правда, Лаури сильно сомневалась, – то и вида не подавал.

Всякий раз, когда он звонил, Лаури потом никак не могла ночью заснуть – все ворочалась в кровати. Она уж не знала, чему приписать эту закономерность – то ли его звонку, то ли еще чему-нибудь. Маловероятно, чтобы один лишь звук его голоса мог настолько выбить ее из колеи. И все-таки... А поздно вечером, когда, переделав кучу дел, она наконец-то отправлялась спать в свою широченную роскошную кровать в полном одиночестве, ее тело, казалось, ждало...

Ждало Дрейка. И поделаться с этим Лаури ничего не могла. Обычно она спала голой – привычка, которую приобрела за время своего неудавшегося замужества. Лень было натягивать на себя ночную рубашку, которую Поль нетерпеливо срывал, горя желанием побыстрее утолить свою страсть, чтобы потом снова сесть за любимый инструмент.

Лаури, по правде говоря, было абсолютно наплевать, в ка-

ком виде спать – голой или одетой. Однако в последнее время что-то неуловимо изменилось. Теперь, лежа под прохладной простыней, она мысленно представляла себе Дрейка, а нагота собственного тела лишь распяляла воображение. Интересно, размышляла Лаури, понравилась бы она ему такой? И что бы она сама испытала, ощутив на своем теле его сильные и ласковые руки? Наверное, страстное, безудержное желание, доселе неведомое и оттого еще более вожаделенное.

Лаури беспокойно ворочалась в кровати, пока не забывалась тревожным сном, в котором самые дерзкие фантазии становились реальностью.

– Привет! Что делаете? – Бетти, стукнув ради приличия в дверь и не дождавшись ответа, возникла на пороге кухни.

– Только что ходили на почту. Получили письмо от Дрейка, – сообщила Лаури.

– Ой! Дай хоть потрогать! – простонала Бетти.

– Вот дурочка! – рассмеялась Лаури и принялась вытаскивать из сумки провизию, пока Дженифер тихонько бормотала над письмом, будто разговаривая с Дрейком.

Бетти подошла к своей любимой табуретке и взгромоздилась на нее. Поскольку мужа ее постоянно не бывало дома, они с Лаури много времени проводили вместе. Лаури была рада завязавшейся дружбе, хотя они с Бетти были совершенно разными людьми.

– Слушай, – сказала Бетти, распечатывая коробку с печеньем и тут же отправляя одно себе в рот. – Я сегодня соби-

раюсь сводить детей на «Спящую красавицу». Знаешь, есть такой мультик Диснея. Хотите пойти с Дженифер?

– Конечно. Это было бы просто замечательно! Бетти собралась было что-то сказать, но замялась, чего прежде за ней никогда не наблюдалось.

– Вот только не знаю, глухие дети ходят в кино или нет...

– Ну конечно, ходят, – отозвалась Лаури. – Дженифер хоть и не слышит, но ведь видеть-то может! А мультфильмы вообще такое красочное зрелище! Мы с ней как-то уже смотрели мультики, и они ей очень понравились.

Дженифер и вправду пришла тогда от мультфильма в полный восторг. Когда она что-то не понимала, то жестом спрашивала Лаури, и та ей так же отвечала. А когда на экране возникла злая колдунья, потом вдруг превратившаяся в дракона, девочка так испугалась, что забралась к любимой учительнице на колени и прижалась к ней всем телом. Лаури объяснила, что дракон ненастоящий. Дженифер вроде бы поняла и постепенно успокоилась, но Лаури все же решила на следующем же уроке познакомить ее с такими понятиями, как «настоящий» и «ненастоящий».

День оказался слишком насыщенным, и Лаури устала. Мультфильм шел довольно долго, но когда он, наконец, закончился, Бетти и не думала спешить домой. Джим Гроувз, ее муж, в эти выходные работал, а одной с детьми ей, похоже, не улыбалось сидеть взаперти.

В сопровождении троих ребятишек шли они неторопли-

во по холмистым живописным улочкам Уиспез, время от времени останавливаясь у витрин небольших магазинчиков и мастерских, приглянувшихся Лаури. Все без исключения прохожие с умилением смотрели на Дженифер – куколка, да и только. За тот месяц, что они жили в этом городе, девочка уже успела подружиться со многими владельцами магазинов. А те, кто не был знаком с ней и Лаури лично, уж, конечно, знали в лицо эту необычную пару – очаровательную женщину с роскошными каштановыми волосами и хорошенькую девочку с белокурой кудрявой головкой.

После кино Лаури с Бетти угостили детей гамбургерами и молочным коктейлем, и затем все вместе, усталые, но довольные, отправились по домам.

Дома Лаури быстренько выкупала малышку и уложила в постель. Та заснула, едва голова ее коснулась подушки. Только тогда Лаури почувствовала, насколько сильно устала, и решила, что горячая ванна – это сейчас как раз то, что ей нужно.

Всякий раз, когда Лаури заходила в эту роскошную ванную комнату, ее неизвестно почему посещали всякие грешные мыслишки. Пол и стены, выложенные девственно-белым кафелем, составляли необычный контраст с огромной ванной из черного мрамора, края которой находились вровень с полом. Раковина и душ были выполнены из одного материала. Дверь сделана из прозрачного стекла, а не из матового, как обычно. Стена, расположенная напротив душа, бы-

ла зеркальной, и Лаури, принимая душ и созерцая в зеркале свое отражение, всякий раз чувствовала себя немного не в своей тарелке.

Погрузившись в горячую пенящуюся воду, Лаури в который раз восхитилась размерами ванны. Это была даже не ванна, а скорее бассейн глубиной около метра и длиной больше двух метров. Вытянувшись во весь рост, Лаури лежала, наслаждаясь блаженным теплом.

Вдоволь понежившись, она вымылась, потом намотала на голову полотенце – получилось что-то наподобие тюрбана. Решив, что неплохо было бы перекусить – в последний раз она съела только один гамбургер, да и то очень давно, – Лаури завернулась в полотенце, завязав на груди небрежный узел, и, не включая света, спустилась вниз.

В кухне она положила на тарелку несколько печений – они с Дженифер пекли их утром, – налила стакан молока, поставила его на другую тарелку и направилась в гостиную.

Что заставило ее взглянуть в сторону огромного кресла, она так никогда и не поняла, да это было и не важно. Но увиденное настолько поразило Лаури, что она, чуть не вскрикнув от неожиданности, вздрогнула всем телом, расплескав молоко. Полотенце, которое Лаури не потрудилась закрепить на груди потуже, начало съезжать вниз.

– Осторожней, а то у вас скоро не останется от меня никаких секретов, – послышался голос Дрейка.

Глава пятая

Лаури показалось, что сердце вот-вот выскочит у нее из груди. Ноги словно свинцом налились. Она рада была бы приписать свое состояние страху, однако отлично понимала, что дело здесь не только в этом. Присутствие Дрейка Ривингтона – вот что выбило ее из колеи.

Он сидел, развалившись в кресле и небрежно вытянув ноги. На голове ковбойская шляпа, надвинутая прямо на глаза, насмешливо поблескивающие из-под ее широких полей. Не спеша, с ленивой грацией выбрался он из глубин покойного кресла.

Одет он был в джинсы и джинсовую куртку. Странно, но в этой модной одежде Дрейк разительно отличался от любителей джинсового стиля, фланирующих обычно среди бела дня по Пятой авеню. Выцветшие и поношенные, эти вещи, тем не менее, сидели на нем безукоризненно.

Легко ступая, он подошел к Лаури почти вплотную. Близость его подействовала на нее ошеломляюще. Лаури порывисто вздохнула, а когда выдохнула, полотенце соскользнуло вниз еще на несколько миллиметров, но поправить она его не могла: в одной руке была тарелка с печеньем, в другой – стакан с молоком. А если попытаться подойти к столу и поставить и то и другое, полотенце наверняка соскочит.

Поняв, что ее беспокоит, Дрейк усмехнулся, отчего ямоч-

ка на его щеке стала еще заметнее, и, сдвинув шляпу на затылок, глубокомысленно заметил:

– Итак, что же мне делать, мадам? Если я заберу у вас печенье, вы тут же свободной рукой схватитесь за полотенце и наверняка прольете молоко. А если я заберу молоко, печенье полетит на пол, что и вовсе ни к чему. Запах просто восхитительный!

Он, нагнувшись, понюхал печенье. На Лаури пахло до-рогим одеколоном, и у нее закружилась голова.

Дрейк выпрямился и сделал к ней еще один шаг.

– А с другой стороны, можно снять полотенце. Тогда все проблемы будут разом решены, – хрипло проговорил он и, протянув руку, коснулся узла.

У Лаури перехватило дыхание, а Дрейк между тем, не обращая на это никакого внимания, дотронулся пальцем до ее груди.

– А знаете ли вы, – едва слышно прошептал он, – что у вас вот здесь, – он провел пальцем по коже, – пять веснушек. Странно, правда? Рыжеволосые обычно покрыты ими с головы до ног. А у вас их только пять. Но в каком интересном месте...

Лаури стояла, словно зачарованная. Горячее дыхание обожгло ее щеку. Ласковые пальцы забрались под полотенце и принялись поглаживать грудь. Лаури почувствовала непреодолимое желание. Да что это она, в самом деле! Стоит ему прикоснуться к ней, как она уже сама не своя. Ярость за-

хлестнула ее – желание отступило.

– Как же вы меня напугали! – воскликнула она, отпрянув от него. – Почему не сказали, что приехали?

– Я хотел, но вы были в ванной. Вы бы предпочли, чтобы я ворвался туда доложить о своем приезде? Сильно сомневаюсь. Там вы были и вовсе без ничего, – насмешливо заметил Дрейк, бесцеремонно ощупывая ее глазами. – Я и не подозревал, что вы разгуливаете по моему дому в подобном виде. Думал, что такая благовоспитанная девушка, как вы, накинёт после купания хотя бы какой-нибудь халатик или что-нибудь еще более-менее приличное.

Пропустив колкость мимо ушей, Лаури вернулась к началу фразы.

– А откуда вы узнали, что я купаюсь? Дрейк насмешливо вскинул брови.

– А вы как думаете? – И глаза его озорно блеснули.

Лаури, вспыхнув до корней волос, только ахнула.

– Я слышал, как вода плещется, – поспешил успокоить ее Дрейк.

Лаури, как он и ожидал, со злости топнула ногой, моментально забыв про злосчастное полотенце, которое не замедлило напомнить о себе тем, что продолжило съезжать, задержавшись, к счастью, на самом высоком месте груди. Дрейк не выдержал и расхохотался.

– Не будете ли вы так любезны, перестать смеяться и взять все это у меня из рук! Я замерзла.

– Немудрено. Это ж надо догадаться, разгуливать по дому в голом виде, – поддразнил он ее, но молоко с печеньем забрал.

Лаури тут же подтянула полотенце повыше и уже не выпускала его из рук, хотя ей больше всего на свете хотелось этими самыми руками не полотенце держать, а вмазать Дрейку по ухмыляющейся физиономии.

– Прошу простить меня, мистер Ривингтон, я отлучусь на минутку, а после этого я хотела бы услышать от вас, какого черта вы здесь делаете!

– Советую вам быть со мной поласковее, – предупредил Дрейк. – Вам ведь еще предстоит идти по лестнице вверх, а полотенце такое коротенькое... Я, конечно, могу поступить, как джентльмен, то есть отвернуться, а могу и...

– Не соблаговолите ли, мистер Ривингтон, подождать несколько секунд, пока я приведу себя в порядок, чтобы предстать перед моим работодателем в более приличном виде? – елеиным голоском проговорила Лаури.

– Разумеется, миссис Перриш. Я буду ждать вас в кухне.

– Я вас долго не задержу.

Не оборачиваясь, чтобы не видеть, смотрит он на нее или нет – ей и в самом деле не хотелось этого знать, – Лаури мигом взбежала по лестнице и бросилась в свою спальню.

Там она схватила джинсы и фланелевую рубашку – по ночам в горах становилось прохладно – и трясущимися руками принялась натягивать их.

Интересно, зачем он приехал? Почему не предупредил? Лаури стащила с головы полотенце, быстренько причесалась. Волосы рассыпались по плечам влажными мягкими волнами. Сушить их было уже некогда. Хотелось как можно быстрее увидеть Дрейка – естественно, только затем, чтобы узнать, с какой целью он сюда прикатил.

Лаури спустилась вниз, чувствуя, как дрожат ноги. Вошла на кухню. Дрейк стоял у плиты и взбивал омлет. В кофейнике булькал ароматный кофе, в тостере поджаривались два ломтика хлеба. Куртку и шляпу он снял и повесил на крючок за дверь.

– Умираю от голода, – сообщил он. – В самолете кормили черт знает чем, а по дороге из Альбукерке решил не останавливаться. Вы хотите что-нибудь?

– Да. Я хочу знать, что вы здесь делаете.

Дрейк вылил на сковородку взбитые яйца, потом внимательно посмотрел на Лаури и молча прошествовал в гостиную. Заинтригованная, Лаури последовала за ним.

Подойдя к входной двери, Дрейк распахнул ее и вышел на крыльцо. Обернувшись, взглянул на табличку с номером:

– Четыреста три. Так я и предполагал. Это мой дом, вне всякого сомнения.

Он вошел в дом, захлопнул за собой дверь и, не обращая внимания на негодующий взгляд Лаури, вальяжной походкой снова направился на кухню.

– Очень смешно, – бросила Лаури ему вслед.

– Рад стараться, – отозвался Дрейк, открывая дверцу холодильника. – У нас есть сыр?

– У нас? – ехидно переспросила Лаури.

– Ах, да! У вас есть сыр, миссис Перриш? Лаури не смогла выдержать взгляда его насмешливых глаз.

– Посмотрите внизу, – пробормотала она, заметив вдруг, что забыла надеть туфли. И как это ее угораздило?

– Как клубничный джем, ничего? Лаури опешила.

– Что?

– У нас... простите, у вас есть виноградный, абрикосовый и клубничный джем. Какой лучше всего? Клубничный?

Лаури почувствовала, что больше не выдержит:

– Когда вы, наконец, прекратите свою дурацкую болтовню и сядете за стол, чтобы я могла с вами нормально поговорить?

Она раздраженно притопнула ногой и только тут поняла, что совершенно забыла про нижнее белье.

– Ладно, ладно, – проворчал Дрейк, ставя тарелку на стол. – Бьюсь об заклад, вам никогда не выиграть титул «Мисс Обаяние».

Он налил себе кофе и вопросительно взглянул на Лаури – налить или нет? Та покачала головой.

Потом сел к столу и принялся жадно есть, даже не пытаясь начать разговор. Лаури взяла стул и плюхнулась напротив, но Дрейк не удостоил ее даже взглядом. «Ну ладно, – подумала Лаури, – я буду не я, если заговорю с ним первая!»

Покончив с едой, Дрейк вытер губы бумажной салфеткой и сделал большой глоток кофе, который за это время уже успел остыть.

– Ну, как вам мой дом? – начал он.

– Так себе, – коротко бросила она, удивленная тем, что он завел разговор на эту тему. Уж чего-чего, а этого она никак не ожидала.

Дрейк угрожающе вскинул брови, и Лаури решила, что зашла слишком далеко – в конце концов, он ее работодатель.

– Впрочем, шутки в сторону. Он выше всех похвал, и вы это прекрасно знаете. А для Дженифер здесь вообще благодать. Чистый воздух, великолепная природа, хорошие, добрые люди.

– Как она, Лаури?

Насмешливого тона как не бывало. Теперь Дрейк был сама серьезность. Услышав, что он обратился к ней по имени, Лаури почувствовала, как у нее захватило дух. Чтобы не выдать своих чувств, поспешно отвела взгляд от его лица, делая вид, что рассматривает что-то на столе.

– Просто прекрасно, Дрейк. Правда! Она очень способная и умненькая. Я и не ожидала, что мы с ней возьмем такой быстрый темп. Говорит она пока очень медленно, но ничего – со временем все наладится. А жестов она теперь знает в четыре раза больше, чем когда мы были в Нью-Йорке. А у вас как с этим? – улыбнувшись, решила подколоть его Лаури.

Но оказалось, Дрейка голыми руками не возьмешь. Он тут

же сообщил ей на языке жестов, что посещает курсы три раза в неделю по вечерам и обучается так быстро, как только можно ожидать от измученного работой тридцатипятилетнего мужчины.

– Отлично! – искренне восхитилась Лаури. – Теперь вы с Дженифер сможете разговаривать обо всем на свете.

– Вы скучаете по Нью-Йорку? – внезапно спросил Дрэйк.

– Нет, – покачала головой Лаури и едва сдержалась, чтобы не добавить: «Я скучаю только по вас», но, заметив на его лице скептическое выражение, поспешила пояснить: – У вас здесь очень хорошая соседка. Между прочим, истая ваша поклонница. Если вдруг узнает, что вы приехали, наверняка будет штурмовать дом. Так вот, у нее есть двое детей – приятелей Дженифер.

Он удивленно взглянул на нее и пробормотал:

– А они... то есть... – Но так и не закончил фразу.

Однако Лаури его поняла:

– Относятся к ней, как к ущербной? Нет, Дрэйк. Они играют с ней так, как играли бы с любыми другими детьми. Ссорятся, мирятся... В общем, дети есть дети. Бетти и ее ребята учатся языку жестов. Они с Дженифер уже вполне сносно понимают друг друга.

– Это хорошо, – с облегчением вздохнул Дрэйк.

Лаури взглянула на него, и ей вдруг стало его жаль. Захотелось протянуть руку и коснуться серебристо-каштановых чуть взъерошенных волос. Она только сейчас обратила

внимание, какие глубокие тени залегли у него под глазами, словно он в последнее время плохо спал. Неужели так сильно скучал по дочери? А может, приехал в Уиспез и нахлынули воспоминания о том времени, когда жил здесь со Сьюзен? Эта мысль причинила Лаури почти физическую боль. Понимая, что у нее сейчас все на лице написано, она отвернулась и с напускным безразличием спросила:

– Сколько вы еще собираетесь пробыть в Уиспез? Дрейк поднял голову, взглянул на нее, потом встал и налил себе еще кофе.

– Пока не знаю.

– То есть как это? – удивилась Лаури. Сделав глоток, Дрейк повернулся к ней лицом:

– У меня ужасно болит голова. Не могли бы вы оказать мне любезность помассировать шею?

Лаури никак не ожидала, что он так внезапно переведет разговор на другую тему. Ошеломленно кивнув, она обошла вокруг стула, на котором он сидел, и встала у него за спиной. Осторожно положив руки ему на плечи, она легонько провела пальцами по атлетическим мышцам, которые легко прощупывались под тонкой тканью рубашки.

– Вот спасибо. Сразу легче стало. – Он сделал еще один глоток и, видимо, посчитав нужным ввести Лаури в курс дела, принялся объяснять: – Эта мыльная опера надоела мне до чертиков. Я уже слышать о ней не могу! За семь лет я четыре раза женился, заводил бесчисленное число интрижек и

попал в автомобильную катастрофу, которая мне память отшибла. Я чуть не женился на своей родной сестре, которую давно считал погибшей. К счастью, Бог миловал. Сын мой умер от лейкемии, а медицинскую лицензию у меня чуть не отобрали, потому что дочь одного миллионера обвинила меня в том, что я сделал ей якобы аборт, уничтожив при этом собственного ребенка. Меня тошнит уже от этого доктора Хембрика! От таких сценариев чокнуться можно!

– Вы хотите сказать, что ушли с работы? – ужаснулась Лаури, оторвавшись на секунду от его шеи.

– Не совсем. Прошу вас, не останавливайтесь. – И, когда Лаури возобновила прерванный массаж, продолжил: – Я сказал Муррею, что хочу ненадолго уехать. За все это время я брал всего несколько дней отпуска, хотя набежало уже несколько недель. На этой неделе в среду мы отсняли эпизод, где доктору Хембрику накостылял по голове какой-то грабитель, пока он со своей очередной пассией прогуливался по Сен-трал-парку. Теперь он в глубокой коме. А бедняжку изнасиловали, и теперь на какое-то время все внимание будет приковано к ней. Впрочем, долго горевать она не будет – наверняка втрескается в какого-нибудь другого врача, – презрительно фыркнув, заметил он. – А мне забинтовали голову, уложили на больничную койку и отсняли несколько кадров, как я валяюсь там бездыханный. Теперь, когда потребуются показать доктора Хембрика – вставят эти кадры, и делу конец, а я тем временем буду наслаждаться отдыхом в Нью-

Мексико.

– И вы сумели это устроить?

Лаури имела лишь смутное представление о том, что творится на телевидении, и решила, что Дрейк подвергает свою карьеру страшному риску.

Он лишь пожал плечами. При этом его голова откинулась назад и уперлась в ее мягкую, теплую грудь. Пальцы Лаури скользнули по его щекам, потом вискам и принялись осторожно массировать их. Со стороны казалось, что она прижимает к себе его голову, хотя на самом деле это было не так.

– Да уж, сумел, – ответил он наконец. – Скажу вам без ложной скромности: мне удалось сделать эту дрянную пьеску самой смотрибельной в течение нескольких лет. Так что отказать мне не посмели. Кроме того, все знают, какие мы, актеры, темпераментные люди.

Он, конечно, хотел пошутить, но Лаури шутки не приняла. У нее было такое ощущение, будто ее со всего маху хлестнули по лицу. «Уж это-то я знаю...» – подумала она и, чтобы сменить неприятную тему, спросила:

– Где вы остановитесь?

Дрейк рассмеялся и, откинув голову назад, взглянул на нее. При этом он так тесно прижался к ее груди, что у Лаури перехватило дыхание. Дрейк, похоже, этого не заметил.

– Как это где? Наверху. В большой комнате. В той самой, где огромная кровать.

Лаури как ошпаренная отскочила от него. И куда только

девалось ее благодушное настроение?

– Вы хотите сказать, что останетесь здесь?!

– Естественно, миссис Перриш, – ехидно бросил он. – Не в гостиницу же мне отправляться!

– Но это невозможно! Со мной под одной крышей... – Она осеклась и, взволнованно облизав внезапно пересохшие губы, прижала руки к груди. – Вы не можете этого сделать! – И сама осознала, насколько нелепо, по-детски звучат ее слова.

– Не могу жить с вами вместе? – едва сдерживая улыбку, спросил Дрейк. – Думаю, что в некотором смысле это возможно.

– Нет! – воскликнула Лаури.

– Но почему? – с деланным простодушием поинтересовался Дрейк и, прищуривав зеленые глаза, с подозрением взглянул на нее. – Миссис Перриш, вы меня просто удивляете! Я начинаю думать, что вы собираетесь воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы меня скомпрометировать. Признавайтесь, грозит мне такая опасность?

– Естественно, нет! – холодно отрезала Лаури. – Во всяком случае, не от меня. Но если вы считаете, что я собираюсь жить с вами в одном доме, вы спятили! Если вы здесь останетесь, я уеду!

– Нет, не уедете! – решительно сказал Дрейк и встал, расправив плечи. – Вы нужны Дженифер. Она вас очень любит, и вы не вправе ее предавать. Кстати, я хочу ее видеть. Она спит наверху в маленькой комнате?

Лаури попыталась сказать ему, что уже поздно, но Дрейк с присущей ему самоуверенностью отмел все ее доводы и спокойно вышел из кухни, а Лаури осталась стоять, задыхаясь от бессильной ярости.

Конечно, он прав. Она не покинет Дженифер. Девочка только-только начала полностью ей доверять и любить ее. Если она сейчас уедет, это нанесет малышке тяжелую душевную травму. Для Дженифер просто жизненно необходимо присутствие Лаури в доме, да и вообще в ее жизни.

Но она не может жить под одной крышей с Дрейком! Присутствие в доме любого постороннего человека всегда сковывает, а уж присутствие Дрейка и подавно. Один-единственный взгляд, малейшее прикосновение – и она уже сама не своя. Кроме того, этот человек обладает непомерным тщеславием, плохо совместимым с ее нежной, ранимой душой. Что за жизнь ее ожидает? Не жизнь, а сплошные мучения!

И, тем не менее, она останется. Лаури понимала это с самого начала, равно как и он. Единственная надежда, что ему скоро наскучит тихое монотонное существование в Уиспез и он отправится в свой шумный Нью-Йорк. А пока этого не случилось, она постарается держаться от него на расстоянии. Наверняка он здесь надолго не останется. Самое большее – на пару недель.

Лаури не спеша поднялась на второй этаж и вошла в комнату Дженифер, где царил полумрак – там горел лишь ночничок. Дрейк сидел на кровати, крепко прижимая к себе

дочку. Поглаживая девчужку по спине, он легонько покачивал ее из стороны в сторону. Лаури, незамеченная, попятилась, вышла из комнаты и отправилась к себе в спальню – с сегодняшнего дня это будет комната Дрейка. С тяжелым сердцем она принялась собирать вещи, которые решила забрать с собой вниз.

– Что это вы делаете? – раздался низкий голос, и Лаури вздрогнула от неожиданности.

Обернувшись, она увидела, что Дрейк стоит в дверях.

Избегая смотреть ему в глаза, не отвечая на вопрос, в свою очередь, спросила:

– Заснула?

– Ага, – хмыкнул Дрейк. – По-моему, она так до конца и не просыпалась, но то, что я приехал, поняла.

Лаури кивнула и повернулась взять с кровати кое-что из одежды.

– Что вы делаете? – повторил Дрейк.

– Переезжаю, – ответила Лаури. – Если вы не будете сейчас распаковываться, а подождете до утра, я перенесу все свои вещи вниз, а пока возьму только самое необходимое.

– Но это вовсе не обязательно. Оставьте все, как есть! – резко бросил он.

– Но вы же сами сказали...

– Я буду спать внизу, так что переезжать вам нет никакой необходимости.

– Но это ваша комната, Дрейк! Мне как-то неловко оста-

ваться здесь, ведь та, что внизу, такая маленькая.

– Ничего, переживу как-нибудь, – заметил он, заходя в комнату. – Кроме того, мне приятно, что вы будете жить в моей комнате и спать в моей постели.

Он сказал это таким тоном, будто давал понять, что он и сам не прочь оказаться с ней в этой самой постели. Медленно подошел к ней вплотную, не спеша поднял руки, и вот уже ее шелковистые волосы заструились у него между пальцами. Лаури на секунду показалось, что по венам у нее течет не кровь, а жидкий огонь. Стало нечем дышать, ноги подкосились... – Волосы уже почти высохли, – прошептал Дрейк. – Влажные, они тоже чудо как хороши. – И он коснулся губами ее щеки. – Не надейтесь, что эта мешковатая рубашка скрывает вашу фигуру. Я теперь прекрасно знаю, какая у вас грудь – мокрое полотенце только подчеркивало ее.

Он прижался губами к ее губам. Сначала легонько – так музыканты, готовясь к концерту, настраивают свои инструменты, – а когда почувствовал, что она жаждет ласки, его рот поглотил ее губы.

Рука осторожно прошлась по ее спине, добралась до поясницы, потом до округлых бедер. Ласково погладив их, Дрейк притянул ее к себе. Лаури тут же почувствовала, насколько он возбужден. Не удержавшись, она потерлась о его могучую грудь и услышала, как он застонал от наслаждения.

Тогда, отбросив напускную стыдливость, Лаури с жаром ответила на его поцелуй. Ее язык и губы вбирали в себя всю

его сладость. Казалось, она никогда им не насытится. Когда Дрейк на секунду оторвался от ее рта и свободной рукой погладил ее по щеке, Лаури, встав на цыпочки, провела кончиком языка по его верхней губе, чуть ниже щеточки волос.

– Лаури... – простонал Дрейк, и вновь его неутомимый рот проглотил ее губы.

Рука заскользила по ее телу. Чуткие пальцы погладили ключицу, потом прошествовали ниже, пока не добрались до верхней пуговицы рубашки. Ловко расстегнув ее, прошлись по груди, лаская теплую бархатистую кожу. Вторая пуговица уже расстегнулась сама собой.

Зарывшись лицом в ее душистые каштановые волосы, Дрейк положил руку ей на грудь, и Лаури окатила волна жгучего наслаждения. А он все ласкал, трогал, мял ее грудь, пока соски не затвердели и не набухли под его умелыми руками. От остроты ощущений Лаури застонала.

Взяв ее грудь в руку, словно какое-то бесценное сокровище, Дрейк высвободил ее из рубашки.

– Обожаю эти веснушки, – прошептал он, опустив голову.

Он уделил им гораздо больше внимания, чем они того заслуживали. От жарких поцелуев кружилась голова, и Лаури дрожащими пальцами вцепилась ему в волосы, еще ближе притягивая его к себе.

Ненасытные губы и пушистые усы лишили ее всякой способности что-либо соображать, но Лаури было на это наплевать. Ей хотелось остаться в этом блаженном состоянии эй-

фории до тех пор, пока она не познает всю полноту любви Дрейка.

Будто прочитав ее мысли, Дрейк на секунду оторвался от нежного бутона, которому вместо сладкого прикосновения его рта пришлось удовлетвориться нежным поглаживанием его усов.

– Лаури, пойдем... Я хочу тебя! – послышался его приглушенный шепот. – Ну, пожалуйста...

Слова эти пробились сквозь кокон чувственности, которым он укутал ее, и, словно лазерный луч, пронзили ее сознание.

Он ее хочет... Естественно! Когда он крепко прижимал ее к себе, она явственно ощущала, насколько он возбужден. Почему же тогда она колеблется? Что мешает ей отдаться ему целиком, без остатка?

Его недавнее признание в том, что он не желает прикипать душой ни к единой женщине, не оставляло ни малейшей надежды, что он ее когда-нибудь полюбит. На самом деле ему была нужна не Лаури Перриш, человек и личность, а лишь ее тело, то есть оболочка, – только и всего. Он горит желанием обладать телом, и, похоже, это желание переполняет его, не давая покоя. Если она пойдет на близость, Дрейк будет ей благодарен, но и только. Никакой речи о любви никогда уже не возникнет.

Впрочем, Дрейк Ривингтон и так не испытывает к ней нежных чувств. Он все еще любит свою жену. Стоит ему за-

говорить о Сьюзен – и голос его дрожит от горечи утраты. Он становится настолько потерянным, что даже смотреть жалко, сердце разрывается от боли.

она страшно рассержена. Уж этому-то он наверняка поверит!

Впрочем, она и в самом деле в какой-то степени разозлилась. Ненавидела себя за то, что не может заставить себя принять его на любых условиях, когда тело так жаждет его прикосновений, но в глубине души понимала, что поступает абсолютно правильно. Все это она уже проходила. Поль пользовался ею как бальзамом, чтобы заглушить собственную боль и страдание. А кто подумал о ее страданиях? Никто! На ее чувства всем было наплевать.

Нет! Больше она на это не пойдет.

– Дрейк, успокойтесь. – Лаури выпрямилась и изо всех оставшихся сил попыталась оттолкнуть его. – Нет!

Он взглянул на нее затуманенными страстью глазами, и Лаури поняла – он никак не может сообразить, что она отказывает ему в таком близком и желанном удовольствии.

– В чем дело? – все еще ничего не понимая, спросил он.

Негнушмиися пальцами Лаури застегнула рубашку и, отступив, повернулась к Дрейку спиной.

– Я не могу... не хочу спать с вами, – с деланным равнодушием проговорила она.

– Так я и поверил! – Дрейк бросился к ней снова. Но Лаури была начеку. Стремительно обернувшись, она уперлась

руками ему в грудь.

– Не прикасайтесь ко мне! Я говорю совершенно серьезно! – поспешно проговорила она.

Глаза его сверкнули – точь-в-точь зеленые льдинки. Похоже, на этот раз он ей поверил, но отступать было не в его правилах.

– И я говорю серьезно. Вы хотите меня так же сильно, как и я вас.

– Нет! – порывисто воскликнула Лаури.

– Ваше тело говорит само за себя, – спокойно продолжал он. – Я чувствую, как вы меня хотите. Одни мои руки способны вызвать у вас нестерпимое желание, так надо ли говорить, что могут сделать мои губы...

– Нет!

– А я хочу гораздо большего. Я жажду заняться с вами...

– Сексом? Вы это хотите сказать? – прервала Лаури его обольстительные речи. – Неужели вы думаете, что я с радостью брошусь в ваши объятия и с легкостью отдамся вам, когда вы заявили честно и откровенно, что не хотите от женщины ничего, кроме секса? Как же! Держите карман шире!

– Я говорил вам только то, что не желаю ни к кому привязываться. Это вовсе не означает, что, когда я держу в объятиях хорошенькую женщину, я не хочу ее.

– Вы же говорили, что любите свою жену.

– Не трогайте мою жену! – яростно рявкнул Дрейк.

От неожиданности Лаури попятилась. Какая же она иди-

отка! Надо же догадаться приплести сюда еще и Сьюзен! Мысль эта настолько разозлила Лаури, что она, вздернув подбородок, решительно ринулась в наступление.

– Я не отношусь к вашим пылким поклонницам! – сердито воскликнула она. – Я учительница, которую вы наняли для своей дочери, и прошу относиться ко мне соответственно.

Лаури хотелось, чтобы ее слова прозвучали как можно более убедительно. Сама она не очень-то в них верила. Ведь чувства, которые она испытывала к нему, на самом деле никуда не исчезли. Даже сейчас, с растрепанными волосами, в растерзанной одежде – благодаря ее стараниям – Дрейк был настолько хорош, что хотелось кинуться к нему и умолять его снова поцеловать ее. Но нет... Уж этого она никогда не сделает! Лицо Лаури стало непроницаемым.

– Хорошо, – сдержанно сказал он. – Даже доктор Хембрик никогда не прибегает к насилию, а уж Дрейку Ривингтону и подавно не приходилось этим заниматься.

С этими словами он повернулся и зашагал к двери, но на пороге задержался.

– Однако праздновать победу не советую, – со зловещей улыбкой предупредил он. – Вы хотите меня и рано или поздно будете моей. Это только вопрос времени. – И он вышел из комнаты, с силой хлопнув дверью.

Глава шестая

«Как он только посмел разговаривать со мной в таком тоне!» Мысль эта не давала Лаури покоя.

Ей казалось, что ночью она немного успокоится, отойдет, но, проснувшись утром и вспомнив последние слова, брошенные Дрейком на прощание, вновь вспыхнула от гнева. Своим неожиданным появлением Дрейк вчера застал ее врасплох. Как же, как же... Такой неотразимый красавчик, привыкший к тому, что женщины сами бросаются ему на шею. Наверное, рассчитывал, что и она последует примеру абсолютного большинства.

Ну, нет! Скоро он узнает, что Лаури Перриш не пронять его чарами. И в постель с Дрейком Слоуном она ляжет только тогда, когда рак на горе свистнет.

Храня на лице выражение мрачной решимости, Лаури спустилась на первый этаж и прошла на кухню. Мимоходом заглянув в гостиную, Лаури убедилась в правильности своих предположений: малышка уже встала и теперь наслаждалась обществом отца.

Лаури распахнула дверь и с хорошо разыгранным безразличием вошла в залитую солнцем комнату и замерла на пороге. Увиденная ею сцена дышала таким спокойствием и безмятежностью, что гнев и возмущение, клокотавшие в ней, потихоньку испарились.

– Доброе утро, – приветствовал ее Дрейк, изобразив сказанное жестами. – Дженифер ест на завтрак кашку, я кофе с тостом. А что вы будете?

«Бог ты мой, – подумала Лаури. – Как он красив!» Волосы в лучах струящегося из окна солнечного света отливали серебром. Рукава его спортивной рубашки были закатаны до локтей, и весь облик Дрейка дышал миром и покоем. Угроза, написанная на его лице прошлой ночью, сменилась ослепительной улыбкой, которая показалась Лаури абсолютно обезоруживающей.

– Доброе утро, – ответила она и наклонилась обнять Дженифер, усердно засовывающую себе в рот полную ложку каши.

Девчушка повернулась к Лаури и восторженно проговорила жестами:

– Лаури, папа приехал!

– Я знаю, – ответила Лаури. – Тебе грустно?

– Не-а, – протянула Дженифер. Слово это ей нравилось, и произносила она его без особого труда, только чуть нараспев.

– Ты злишься? – задала Лаури следующий вопрос.

Несколько дней назад она рассказала Дженифер об основных чувствах и теперь решила проверить, насколько хорошо ее ученица усвоила урок.

– Не-а, – хихикнув, ответила Дженифер.

– А какое ты испытываешь чувство, видя здесь папу?

Девочка на секунду задумалась, припоминая нужный

жест.

– Я счастлива. – И, когда Лаури зааплодировала, весело засмеялась и, в свою очередь, задала вопрос: – А ты счастлива, что папа здесь?

Лаури искоса бросила взгляд на Дрейка, надеясь, что он не смотрит в их сторону. Не тут-то было. Вскинул свои густые брови и ждет не дождется, когда она ответит.

– Ну же, Лаури, ответьте Дженифер. Вы счастливы, что я здесь?

Лаури почувствовала, что попала в какое-то дурацкое положение. Дженифер нетерпеливо ждала. Равно как и Дрейк. Обреченно вздохнув, Лаури сдалась.

– Да. Я рада, что Дрейк здесь.

Дженифер, удовлетворенная, занялась своей кашкой.

– Проверьте, пожалуйста, хорошо ли у нее надет слуховой аппарат, – попросил Дрейк.

Откинув с ушка белокурые волосы девочки, Лаури взглянула, правильно ли он надет и хорошо ли настроен. Все оказалось в полном порядке.

– Отлично. Так что вы будете на завтрак? – спросил Дрейк, щедро намазывая свой тост маслом.

– Я никогда не завтракаю. Пью только кофе. Глаза его внимательно прошлись по ее фигурке. Лаури вспыхнула.

– Следовательно, стройную фигуру приобрели благодаря воздержанию?

Избегая его оценивающего взгляда, Лаури подошла к сто-

лу и дрожащей рукой налила себе кофе. Дрейк последовал ее примеру и, подойдя к ней вплотную, легонько шлепнул по округлой попке, задержав руку чуточку дольше, чем это было необходимо.

– Однако не всякое воздержание идет на пользу. Отказ от многих удовольствий может сделать человека нервным, ворчливым и состарить раньше времени.

Лаури уже было раскрыла рот, чтобы выдать достойный ответ, но в это время задняя дверь с шумом распахнулась, и на пороге возникла Бетти – из головы торчат во все стороны розовые бигуди, стеганый халат небрежно завязан на обширной талии поясом, на ногах огромные меховые тапочки, в которых нога кажется на пять размеров больше.

Увидев за столом Дрейка, Бетти застыла как вкопанная. Ее карие глаза, казалось, сейчас вылезут из орбит, рот то открывался, то закрывался, как у вытащенной на берег рыбы. Не будь у нее такой потешный вид, Лаури наверняка почувствовала бы к подруге сострадание.

Едва сдерживаясь, чтобы не прыснуть, Лаури представила их друг другу.

– Бетти Гроувз, знакомься, это Дрейк Ривингтон. Дрейк, это та самая соседка, о которой я тебе уже говорила.

– Доброе утро, миссис Гроувз, – вежливо сказал Дрейк и, поднявшись из-за стола, устремился к Бетти с протянутой рукой.

Та, как автомат, подняла свою руку, и Дрейк легонько по-

жал ее.

– Лаури говорила мне, что без вас им с Дженифер пришлось бы очень тоскливо. Я чрезвычайно признателен вам, что вы присматривали за моими девочками в мое отсутствие.

Лаури возмущенно ахнула, но прежде чем успела вымолвить хоть слово, Бетти издала пронзительный вопль.

– О, Боже! Я выгляжу, как чучело! Забежала на секунду одолжить чашку песка. Я и понятия не имела, что вы, доктор Хем... мистер Слоун... то есть мистер Ривингтон, здесь. Почему ты мне не сказала, Лаури, что он должен приехать? – напустилась она на подругу.

– Я...

– Вы отлично выглядите, Бетти. Можно звать вас по имени? – вмешался Дрейк, прежде чем Лаури смогла сказать хоть что-либо в свое оправдание. – Где у нас сахар, Лаури?

У нас? Мои девочки? Что это он такое говорит? Ага! Усиленно дает Бетти понять, что у них все общее. Какой нахал, однако! Лаури бросила на него убийственный взгляд, на который Дрейк ответил самым невинным.

– В буйфете, – ледяным тоном бросила она, но Дрейк с Бетти, похоже, этого не заметили.

– Может, насыплете Бетти немного, пока я буду наливать ей кофе? – небрежно осведомился Дрейк, провожая очарованную им Бетти к столу.

Он играл роль суперзвезды, одаривающей почитательницу его таланта милостями, и эта роль была Лаури отврати-

тельна.

– Ой, а вы прямо такой же, как в фильме, – заметила Бетти, придурковато улыбаясь, и прошествовала к столу в сопровождении Дрейка. – Право, я отнимаю у вас столько времени, а меня дети ждут...

– Ну прошу вас, сделайте мне одолжение, выпейте со мной чашечку кофе.

Дрейк улыбнулся так обаятельно, что отказать ему было просто невозможно.

– Как же, как же, Лаури прошлой ночью говорила мне, что у вас двое детей.

Прошлой ночью! Лаури испугалась, что сейчас не выдержит и бросится на него с кулаками – надо же догадаться, намекнуть Бетти, что ночь они провели вместе и отнюдь не в разных комнатах. Пока Бетти распространялась на излюбленную тему, Дрейк взглянул Лаури в лицо и ехидно улыбнулся. Она насыпала для Бетти сахар и вне себя от ярости с силой захлопнула дверцу буфета.

Наконец Бетти отправилась восвояси, пообещав Дрейку, что придет со своими ребятами попозже на очередной урок жестов. В первый раз за все это время Лаури вздохнула с облегчением, когда Бетти ушла. Ей было неприятно видеть, как та преклоняется перед Дрейком, невыносимо выслушивать его тонкие намеки на их якобы интимные отношения – что Бетти и сама предположила в первый же день их знакомства и что Лаури так пылко отрицала.

– Пока вы будете с Дженифер заниматься, пойду распакую свои вещи, – не давая ей опомниться, сказал Дрейк.

Лаури уже успела заметить, что рядом с «Мерседесом» стоит еще одна машина. Дрейк объяснил, что взял ее напрокат в Альбукерке. Как-нибудь они все втроем отправятся туда на денек и тогда он вернет ее владельцам, обратно же в Уиспез приедут на машине Лаури.

Лаури отвела Дженифер в класс и начала урок, но тут на пороге возник Дрейк.

– Вы не могли бы освободить мне немного места в стенном шкафу, в том, что в большой спальне? – обратился он к ней.

Лаури подозрительно взглянула на него:

– Вам действительно это нужно или вы что-то замышляете?

– Действительно, – простодушно подтвердил Дрейк и одарил ее блистательной улыбкой, от которой у него тут же появилась на щеке хорошо знакомая ямочка.

«Артист, ничего не скажешь, – подумала Лаури. – Ему любое чувство изобразить – раз плюнуть!» Но не смогла сдержать ответную улыбку.

– Один из стеновых шкафов почти пустой. Только в самом дальнем углу стоят несколько коробок. Я уберу их, если хотите, – предложила она.

– Не смейте их трогать! – неожиданно рявкнул Дрейк.

Лаури как раз вставала со стула, такого же низенького, как

у Дженифер. Услышав этот резкий окрик, она поспешно подняла голову. Перемена в облике Дрейка поразила ее. Улыбки нет и в помине, губы плотно сжаты, глаза яростно сверкают.

– В них вещи Сьюзен. Пусть там и остаются, – спокойно сказал он.

Лаури похолодела. На несколько мучительных секунд, казалось, свет померк и вспыхнул вновь уже не такими яркими красками.

– Конечно, Дрейк, – пробормотала она. – Я только...

Ответом ей была тишина. Когда Лаури посмотрела в сторону двери, там уже никого не было.

Обычно Лаури с Дженифер занимались все утро, делая только небольшой перерыв, чтобы немного перекусить. Но и это время Лаури использовала в педагогических целях, объясняя Дженифер названия отдельных продуктов и их вкус.

Как-то они изучали вишни. Дженифер выучила жест, которым обозначается это слово, потом его написание и, наконец, произношение. Потом она попробовала вишневое желе, вишневый сок и вишневую конфетку, приучаясь таким образом связывать определенный вкус и запах с названием предмета.

В тот день Лаури с Дженифер закончили занятия как обычно, после полудня, и направились в столовую. Войдя, они обнаружили, что Дрейк уже приготовил для них ленч – суп и сэндвичи. На столе среди возможных подставок и салфеток сидел пушистый розовый игрушечный кролик.

Взвизгнув от восторга, Дженифер ринулась к столу и проворно схватила приглянувшуюся ей игрушку.

– Здорово вы это придумали, – заметила Лаури.

– Я знал, что он ей понравится, – ответил Дрейк и улыбнулся дочери.

Лаури подошла к Дженифер и опустилась перед ней на колени.

– Как ты назовешь своего кролика?

Дженифер с недоумением взглянула на свою учительницу, не переставая гладить свое сокровище по длинным ушам и что-то бормотать. Лаури жестом показала название игрушки.

Дженифер кивнула головой и, смеясь, повторила жест своими пухленькими пальчиками и постучала кролика по голове.

– Вот и окрестили, – улыбнулся Дрейк.

С Дженифер он оставался ласковым и нежным, с ней же, Лаури, держался отчужденно, а во время еды сидел, погружившись в свои думы.

А чего другого следовало ожидать? Нечаянное упоминание о Сьюзен – и он уже сам не свой. Лаури это было знакомо. Поль тоже частенько уходил в себя и днями бродил по дому в тоске – ни дать ни взять Гамлет или еще какой-нибудь трагический герой. Зная эту его особенность, Лаури взвешивала каждое слово, каждый шаг и жест, чтобы, не дай Бог, не обидеть его ранимую душу. Так что все это было знакомо и

надоело до чертиков. Хватит с нее подобных переживаний, решила Лаури и, сосредоточив взгляд на Дженифер, постаралась не обращать на Дрейка внимания.

Когда через некоторое время появилась Бетти с детьми на очередной урок, Дрейк примостился у стола вместе со всеми. Теперь это был совсем другой человек – ничего общего с мрачным типом, накрывающим стол к ленчу. Он дурачился и шутил, улыбался своей блистательной улыбкой, глаза так и искрились весельем. Как он мог перемениться за такое короткое время, недоумевала Лаури.

Но тут она вспомнила о его профессии. Что ж тут удивительного! Ему за это платят. Чувства актера переменчивы. Взять того же Поля. Когда ему предстояла встреча с рекламным агентом или с продюсером со студии звукозаписи, он бывал трезв, как стеклышко, полон сил и энергии, а после всех переговоров уже по дороге домой мог погрузиться в глубочайшую депрессию.

Лаури были не по душе эти внезапные перемены настроения у Дрейка. Как понять, каков он на самом деле, можно ли доверять его словам и поступкам? Да и когда целовал ее, было не ясно, действительно ли ему этого хочется или он изображает очередную любовную сцену. Уж она-то видела, как он целовал эту актрису на съемках сериала. Очень убедительно.

Лаури твердо решила и близко больше не подпускать Дрейка к себе. Если для него их поцелуи и объятия ничего

не значат, то для нее значат очень многое. Так много, что даже подумать страшно!

Вот такие мысли не давали ей покоя, пока она вела урок. Она настолько была погружена в них, что даже не понимала, что временами не сводит задумчивых глаз с Дрейка, однако он это прекрасно видел. Когда Лаури очнулась, то почувствовала, наконец, на себе его взгляд. Попыталась отвести глаза в сторону, ничего не получилось – словно магнитом притягивает. Оставив это бесполезное занятие, Лаури, уже не таясь, взглянула на него своими карими глазами и поняла – он знает, какие чувства она к нему испытывает.

И тут же получила подтверждение своей правоты. «Я не забыл веснушки», – сказал Дрейк на языке жестов и бросил выразительный взгляд на ее грудь. Лаури едва подавила желание прикрыть ее обеими руками.

Вспыхнув, она поспешно взглянула на Бетти и детей – только бы они ничего не заметили. Те, к счастью, оживленно болтали о покупке новых туфель.

Машинально взглянула на Дрейка – он дерзко усмехнулся. «А другие у вас есть?» – снова жестом спросил он.

«Нет!» – ответила Лаури и для пущей выразительности помотала головой.

«Я сам хотел бы в этом убедиться», – не отставал Дрейк.

«Что-то уж очень быстро он усвоил язык жестов», – подумала Лаури. Впрочем, он мог ничего и не говорить жестами – по глазам и так все было видно.

Лаури взглянула на детей. Они занимались тем, что давали названия различным животным, а Бетти проверяла по словарю жестов, правильно ли они говорят.

«Пожалуйста, прекратите», – обратилась Лаури к Дрейку.

«А вы позволите отыскать на вашем теле все заветные местечки, а потом целовать и ласкать их?»

Кровь бросилась Лаури в голову. Сердце так отчаянно забилось в груди, что, казалось, вот-вот выпрыгнет. Дыхание стало прерывистым.

«Нет!» – поспешно покачала она головой и нервно облизнула губы. Дрейк взглянул на кончик ее языка таким взглядом, словно больше всего на свете желал ощутить его божественную сладость.

«Тогда придется самому вообразить эти сокровенные местечки, – сообщил Дрейк, и его изумрудные глаза буквально пронзили ее насквозь, будто он уже приступил к выполнению своего обещания. – И, учтите, у меня очень живое воображение».

В этот момент Дженифер дернула ее за руку, за что Лаури была ей очень признательна.

– У... у... – промычала она, показывая Лаури, что у нее развязались кроссовки.

– Да, – рассеянно отозвалась Лаури и отвернулась.

– У! – повторила Дженифер уже громче, и в голосе ее зазвучали капризные нотки.

Лаури взглянула на ее ноги и кивнула, но не стала завя-

зывать шнуры, а сделала вид, что всецело занята поиском какой-то нужной книги.

– У!

На сей раз Дженифер с такой силой дернула Лаури за руку, словно собиралась выдернуть ее из плеча. Голос уже дрожал от едва сдерживаемых рыданий.

– Она хочет, чтобы вы завязали ей шнурок, – нетерпеливо сказал Дрейк.

Лаури холодно взглянула на него. Она терпеть не могла, когда кто-то лез в ее дела.

– Я прекрасно знаю, что она хочет, Дрейк. Пусть полным предложением попросит меня завязать ей шнуры.

– Неужели это так уж всегда необходимо? – раздраженно спросил Дрейк, всем своим видом давая понять, что он не разделяет этого мнения.

– Вы хотите, чтобы она научилась говорить или так и ходила всю жизнь, тыча пальцем в предметы и укая? – вскипела Лаури.

Дрейк поджал губы и не проронил больше ни слова. Дженифер все дергала и дергала Лаури за руку. Губы ее уже подозрительно дрожали. Сэм, Сэлли и Бетти молча наблюдали за этой тяжелой сценой.

– Продолжим урок, – спокойно сказала Лаури, не обращая внимания на Дженифер, лишь мельком взглянув на ее ноги и кивком головы подтвердив – да, мол, она видит, шнурок и вправду развязан.

Дженифер в припадке ярости бросилась на пол и засучила ножками.

– Сэм, расскажи нам об этой собачке, – попросила Лаури. – Начни с ее цвета.

Сэм сочувственно посмотрел на Дженифер и нерешительно взглянул на мать. Она кивнула, и мальчик робко начал свой рассказ. Однако мыслями он был не с собачкой, а с Дженифер, которая отчаянно рыдала, лежа на полу. Остальным тоже было явно не до занятий.

– Лаури, ради Бога... – начал Дрейк, но тут Дженифер быстро встала и подошла к Лаури.

«Лаури, завяжи шнурок», – жестами попросила она.

Лаури опять не отреагировала, тогда Дженифер круговым движением провела рукой по груди, что на языке глухонемых означает «пожалуйста».

Лаури улыбнулась и, посадив девчущку себе на колени, крепко прижала ее к груди.

«Конечно, я завяжу тебе шнурки, Дженифер. Только ты должна об этом попросить. А то как я узнаю, что тебе нужно, если ты не говоришь мне об этом?»

Дженифер крепко обняла пухлыми ручонками Лаури за шею, а потом проговорила жестами: «Я люблю тебя, Лаури» и произнесла имя любимой учительницы.

«Я тоже люблю тебя», – ответила Лаури и чмокнула девочку в макушку.

Бетти и ребята вздохнули с облегчением и тут же приня-

лись оживленно болтать. Дрейк ничего не сказал, но Лаури, встретившись с ним взглядом, почувствовала в его зеленых глазах вызов и затаенную зависть. Ничуть не смутившись, она не отвела глаз, ясно давая понять, что больше не потерпит никакого вмешательства в свои дела.

Несколько дней спустя произошло уж совсем из ряда вон выходящее событие.

Сразу после завтрака Лаури написала письмо родителям. Ей хотелось бросить его в почтовый ящик до прихода почтальона. Сказав Дженифер, что сегодня они начнут занятия попозже, Лаури отправила ее в свою комнату поиграть. Дрейк без дела слонялся по заднему двору.

Лаури дописала письмо, опустила его в почтовый ящик и пошла наверх за Дженифер – ей внезапно пришло в голову, что ее подопечную за последние полчаса что-то не видно не слышно.

Дженифер в комнате не оказалось. Внизу ее тоже не было – это Лаури знала. Тогда она решила навестить в свою спальню, но внезапно услышала из ванной комнаты какой-то приглушенный шум. Распахнув дверь, Лаури увидела нечто, повергшее ее в состояние шока.

Дженифер, оказывается, решила испробовать на себе ее косметику. Тени для век, карандаши для бровей, тушь для ресниц – все пошло в ход, причем в огромных количествах. Щеки и лоб были вымазаны румянами, блеском для губ и тональным кремом. В результате пухленькое личико Джени-

фер стало сильно напоминать палитру художника. Лосьоны, кремы, пудра были разлиты, размазаны, рассыпаны по мраморной поверхности туалетного столика и распространяли при этом самые немыслимые запахи.

Когда Дженифер увидела в зеркале лицо Лаури, она поняла – время для игр прошло, расплата неминуема. Попыталась закрыть крышкой баночку с ночным кремом, которую нечаянно уронила себе на колени, но у нее ничего не получилось. Тогда она оставила крем в покое и, схватив салфетку, попыталась вытереть туалетный столик, но только размазала все еще больше. Увидев, что ничего у нее не получается, Дженифер умоляюще взглянула на свою учительницу. Нижняя губка у нее задрожала.

– Дженифер, – строго сказала Лаури, – что это еще за безобразиие! Что ты натворила? Я очень тобой недовольна!

Она сопровождала каждое свое слово жестами, чтобы малышка лучше усвоила сказанное.

– Ты понимаешь, почему я на тебя сержусь? Дженифер кивнула и зарыдала от стыда.

– Взгляни мне в глаза, – продолжала Лаури. – Сейчас я тебя отшлепаю, чтобы ты в следующий раз знала, что нельзя трогать без спросу чужие вещи. Как ты думаешь, тебе будет приятно, если я разбросаю по комнате все твои игрушки или сломаю их?

Дженифер покачала головой.

Тогда Лаури без лишних слов подвела ее к стулу, села и,

положив девочку себе на колени попойкой вверх, три раза хорошенько шлепнула ее. Теперь Дженифер уже рыдала в голос.

– Что это, черт подери, вы делаете? – послышался за спиной голос Дрейка.

Лаури, поставив Дженифер на ноги, попыталась обнять ее, но девочка вырвалась и бросилась к отцу, который не сводил с обидчицы дочери свирепого взгляда.

– Сами видите, – спокойно ответила она. – Наказываю Дженифер по заслугам.

– Не смейте ее больше шлепать никогда! – коротко бросил он, подхватил девочку на руки и принялся ласково поглаживать ее по спине.

Дженифер между тем рыдала у него на плече.

– Еще как посмею! И буду вам весьма признательна, если вы не станете мне в этом мешать!

– Она ведь не понимает, почему вы ее наказываете!

– Еще как понимает! – отрезала Лаури, закипая все больше и больше. – Неужели вы думаете, что я оставлю подобное без наказания! К чему это приведет?

Дрейк спустил Дженифер на пол и, подбоченившись, так и впился в Лаури яростным взглядом.

– Вы что, садистка? Может, вам доставляет удовольствие измываться над беззащитными детишками?

Лаури еще никогда в жизни не доводилось испытывать такой ярости. Сердце бешено колотилось в груди, лицо стало

мертвенно бледным.

– Ах ты, самодовольный осел! – прошипела она сквозь стиснутые зубы. – Как ты смеешь такое говорить! – И она шагнула к Дрейку, горя единственным желанием – дать ему пощечину. – Как ты смеешь...

В этот момент кто-то дернул Лаури за ногу. Опустив глаза, она увидела Дженифер.

– У! – промычала та, тыча пальчиком в какой-то предмет. Глянув вниз, Лаури увидела, что девочка держит в руках тюбик с губной помадой, который она успела вытереть и закрыть крышкой. «Прости меня», – жестом показала малышка.

Лаури тут же забыла про Дрейка и, опустившись на колени, притянула девчущку к себе.

– Ну конечно, прощаю. Мне и самой ужасно жаль, что это случилось. – И, откинув с ее зареванного личика спутанные кудряшки, спросила: – Ты сможешь мне все прибрать?

Дженифер энергично закивала головой и бросилась подбирать с ковра разбросанные вещи.

Лаури встала и посмотрела Дрейку прямо в глаза, намереваясь продолжить свою тираду, но что-то в его лице ее остановило. Оно смягчилось, злость куда-то исчезла. Ласковым взглядом наблюдал он за своей дочуркой. Потом медленно поднял свои зеленые глаза на Лаури.

В их бездонной глубине она увидела искру понимания. Похоже, Дрейк начал осознавать, для чего она преподавала его

дочери столь суровый урок. Однако ему было еще далеко не все понятно, и, пристально вглядываясь в лицо Лаури, он пытался в нем найти разгадку.

Внезапно устыдившись своей чрезмерной впечатлительности, Дрейк опустил глаза и поспешно отвернулся.

– Ну, оставляю вас, дамы, одних, – пробормотал он и вышел из комнаты.

Глава седьмая

Следующие несколько дней не принесли с собой никаких эксцессов. Лаури продолжала заниматься с Дженифер по утрам, а Дрейк старался в это время как можно меньше попадаться им на глаза.

Лаури приятно было видеть, что усталые морщинки у него под глазами потихоньку исчезают, да и вообще выглядел он гораздо более спокойным, чем в тот день, когда приехал. Элегантные костюмы и рубашки с монограммами, которые он носил в Нью-Йорке, куда-то исчезли. Теперь Дрейк постоянно ходил в вылинявших Джинсах, подчеркивавших достоинства его фигуры. Ковбойские рубашки и ботинки делали его похожим на местного жителя.

Он по-прежнему подтрунивал над ее неприступным видом, но больше не делал ни малейшей попытки приблизиться. «Ну и слава Богу», – думала Лаури, но в глубине Души ей было неприятно такое откровенное пренебрежение – ведь сама она не могла ответить тем же.

Однажды утром Бетти собралась с детьми на пикник и предложила взять с собой Дженифер. Лаури была ей за это очень признательна. Она прекрасно понимала: Дженифер будет рада этому, – и, не сомневаясь ни секунды, поручила девочку заботам Бетти.

«Неплохо бы и самой прогуляться по лесу», – подумала

Лаури, откусывая кусочек сэндвича за ленчем. Осень стояла в самом разгаре, а деревья – в изумительных багряных и золотых уборах. Особенно хороши были осины. Лаури решила в полной мере насладиться чудесным деньком.

По пути к входной двери Лаури пришлось проходить мимо комнаты, где стояла стиральная машина. Из-за двери донесся приглушенный рокот. «Дрейк», – догадалась Лаури и решила сказать ему, что собирается погулять. Распахнув дверь, она уже раскрыла было рот, но увиденное настолько ошеломило ее, что она несколько секунд слова вымолвить не могла.

– Что это вы делаете? – выдохнула она наконец. Услышав ее голос, Дрейк обернулся.

– Привет! А где Дженифер?

– Бетти взяла ее с собой на пикник, – рассеянно ответила Лаури и, выпрямившись, повторила уже более резко: – Я вас спрашиваю, чем это вы занимаетесь?

– А вы как думаете? – ехидно спросил Дрейк, рассматривая изящный прозрачный бюстгальтер. – Разбираю грязное белье. В этом доме все заняты каким-нибудь полезным делом, вот и я собираюсь внести свою лепту. – И, сдвинув брови, он продолжил свое увлекательное занятие.

– Но... положите... это мой.

Лаури от возмущения – надо же, каков нахал, посмел копаться в ее белье! – не могла больше сказать ни слова.

– Ну, ясное дело, не Дженифер, – поддел он ее. – И уж ни-

как не мой. – Он принялся рассматривать ярлычок. – «Бледная роза». Гм... Почему бы не написать просто «розовый»? А это... – Он достал ее прозрачные крошечные трусики. – «Нарцисс». Тоже додумались! Нет бы написать «желтые».

– Вы что, извращенец! – вскричала Лаури. – Вам что, доставляет удовольствие рыться в моем грязном белье? Оставьте его в покое! Я сама все выстираю.

– Не беспокойтесь, Лаури, – снисходительно бросил он, и Лаури едва не задохнулась от гнева. – Я знаю, что их стирают не в машине, а руками, в холодной воде, пользуясь при этом высококачественным порошком или мылом. Разве вы забыли, что я снимался в мыльной опере? За семь долгих лет чему-нибудь да научился!

Поняв, что он просто-напросто издевается над ней, Лаури раздраженно притопнула ногой.

– Дрейк... – начала она, и на сей раз в ее голосе зазвучали угрожающие нотки.

Но он, не обращая на нее ни малейшего внимания, снова взглянул на ярлычок бюстгалтера.

– Тридцать четыре «Б». Маленький размер.

Он скользнул по ее груди оценивающим взглядом. Лаури почувствовала себя так, будто он дотронулся до груди рукой.

– Впрочем, – деловито продолжил он, – с большим бюстом вы бы выглядели очень смешно. Наверно ходить было бы довольно затруднительно. Все время падали бы вперед – грудь бы перевешивала.

Эту тираду он выдал совершенно бесстрастным тоном, однако смеющиеся глаза выдали его.

– Так, посмотрим... – протянул он, бросая белье на стиральную машину.

Прежде чем Лаури сообразила, что он собирается делать, Дрейк подошел к ней и закрыл глаза. Руки его на ощупь – и надо сказать, безошибочно – добрались до ее груди и принялись сначала нежно, неторопливо, потом все более грубо, требовательно поглаживать ее.

Лаури стояла, не смея шелохнуться, только порывисто дышала. Соски затвердели под его умелыми пальцами. Почувствовав это, Дрейк приоткрыл глаза и взглянул ей в лицо.

– Как я и думал, – прошептал он. – Полный тридцать четвертый «Б». – И губы его прижались к ее губам.

– Лаури уже нетерпеливо ждала этого момента – язык его скользнул ей в рот желанным гостем. Уста слились в страстном поцелуе. Дрейк отнял руки от ее груди, обнял Лаури за талию и тесно прижал к себе.

Она почувствовала его упругий, мускулистый живот и то, что ниже. Неутомимые руки прошлись по ее спине, добрались до бедер и с новой силой рванули ее к себе.

Обхватив его руками за шею, Лаури притянула к себе его голову и с восторгом ощутила сладкое прикосновение шелковистых усов. С наслаждением подставляла она им подбородок, губы, нос. Вот они коснулись ее век, и Лаури замерла. Как хорошо!

Дрейк позволял ей эту невинную забаву, но вскоре неутоленное желание взяло верх над простодушной игрой. Он снова жадно впился в ее губы. Лаури запустила руки в его волосы, с наслаждением теребя серебристо-каштановые пряди.

– Вы и представить себе не можете, Лаури, какая это для меня мука, – оторвавшись, наконец, от ее рта, прошептал Дрейк.

А чтобы до Лаури дошел смысл его слов, Дрейк обхватил руками ее затянутую в джинсы тугую попку и с силой прижал к себе.

Вдруг Лаури пронзило такое безудержное желание, что она испугалась – вот сейчас не выдержит и позволит ему сделать с собой все, что он захочет. Она прекрасно понимала, что Дрейк уже не владеет собой, но ведь кто-то из них двоих должен не терять головы. Значит, это просто обязана быть она. Ведь если они будут продолжать в том же духе, понятно, что за этим последует. Но ясно также и то, что она ни в коем случае не должна этого допустить, иначе придется платить слишком дорогую цену.

– Дрейк! – выдохнула она. – Мы не должны... Прижав губы к ее уху, он порывисто прошептал: «Нет, должны! Иначе меня сейчас разорвет!»

– Дрейк, ну пожалуйста! – взмолилась Лаури, пытаясь оттолкнуть его. – Нет!

Больше всего она боялась, что не выдержит и поддастся на его уговоры.

Дрейк поднял голову – страсть была в его глазах. Руки его, словно стальные клещи, сдавили ей плечи.

– Но почему? Черт подери, почему?! – Он с силой встряхнул ее. – Вам что, доставляет удовольствие так меня мучить? – И он, обхватив ее бедра, снова рывком прижал ее к себе, чтобы Лаури ощутила его возбужденную плоть.

Лаури смущенно потупилась, опасаясь встретиться с его горящим взглядом. Она понимала, насколько страстно он ее желает, но заставила себя не думать об этом. Ее так и подмывало сказать: «Если бы вы любили меня, я отдалась бы вам тут же, не колеблясь ни минуты. Но я не могу спать с человеком, который не в состоянии забыть свою жену и которому я нужна только время от времени, когда очень уж приспичит!»

Но она не могла ему этого сказать. А если бы и сказала, ничего бы это не изменило – он по-прежнему будет любить, если не саму Сьюзен, то память о ней.

– Дрейк, мы играем с огнем, а этого делать нельзя. Если мы поддадимся сиюминутному порыву, мне придется бросить Дженифер и уехать. Я согласна жить с вами под одной крышей, но не в одной постели. Поль тоже пытался заставить меня уступить ему до свадьбы, но я не поддаюсь на его уговоры. Не поддамся и сейчас. Может, это звучит старомодно, но уж так меня воспитали.

– Да ну? – хмыкнул Дрейк. – А я вот воспитан в современном духе, и эти ваши капризы не приносят мне ничего, кроме боли в одном месте, сами знаете, в каком.

Лаури даже задохнулась от возмущения, насколько покорила ее его грубость.

– Это отвратительно! Отпустите меня!

Грубо оттолкнув ее, Дрейк отступил на шаг назад. Как же он был поражен, равно как и сама Лаури, также шагнувшая назад, когда она неожиданно ткнулась ему лицом в грудь. Не поддержи он ее – она бы обязательно упала.

Увидев, что Дрейк залился смехом, Лаури в недоумении уставилась на него.

– Что... – начала было она, но закончить он ей не дал.

– Не знаю, чья это вина, но, похоже, мы навеки связаны друг с другом.

– Что?! – недоверчиво воскликнула Лаури.

– У нас пряжки на ремнях зацепились друг за Друга.

Лаури глянула на свой ремень и увидела, что Дрейк прав. Он был одет в джинсы, подпоясанные кожаным ремнем с мощной витиеватой пряжкой. На Лаури тоже были джинсы с ремнем, и, хотя пряжка у нее на ремне оказалась попроще, она каким-то образом умудрилась зацепиться за пряжку Дрейка.

Лаури в ужасе взглянула на Дрейка:

– Что же нам делать?

Его же щекотливое положение, в которое они попали, похоже, только рассмешило.

– Можно здорово повеселиться, – ответил он, но, увидев, что глаза ее расширились от испуга, поспешно добавил: – А

можно попытаться отцепиться. Но в том или другом случае, прежде чем на что-то решиться, нужно посмотреть, что мы имеем. Сдвиньтесь немного вбок, а то мне не видно.

Лаури послушно сдвинулась, при этом ее грудь скользнула по его груди, и у нее перехватило дыхание. Она осторожно взглянула: заметил ли Дрейк, – и по его восторженно-глуповатой ухмылке поняла – ничто не укрылось от его взгляда.

– Видите, как весело, – поддразнил ее он.

– Можно побыстрее? – нетерпеливо заторопила она. – А то что будем делать, если в доме вдруг начнется пожар?

– Ну, тогда пожарникам до конца жизни будет, о чем поговорить!

– Дрейк! – возмутилась Лаури.

– Ладно, ладно, не сердитесь. Дрейк принялся внимательно, насколько позволяло его положение, разглядывать металлические пряжки.

– Суньте-ка руку за пояс моих джинсов, – наконец сказал он.

– Ну, это уж слишком! – в ярости воскликнула Лаури.

Дрейк усмехнулся.

– Я не шучу. Делайте, что вам говорят, а когда скомантую, надавите на пряжку изнутри.

Лаури вздохнула и, робко взглянув на него, осторожно просунула руку за пояс тугих джинсов. Полы рубашки разошлись под джинсами в разные стороны, и рука ее скользнула по теплой коже, покрытой шелковистыми волосами. Нечаян-

но подняв глаза, Лаури увидела, что грудь его покрыта темными жесткими курчавыми волосами. Разница между теми и другими была настолько потрясающей, что у Лаури захватило дух. Инстинктивно пальцы ее двинулись дальше – не терпелось узнать, что там у него интересного.

На секунду глаза его потемнели, губы плотно сжались, на щеках заиграли желваки, и он поспешно перевел взгляд на пряжки.

– А теперь моя очередь, – заявил он и рука его скользнула Лаури за пояс джинсов.

У Лаури бешено заколотилось сердце, и она инстинктивно втянула в себя живот, что только облегчило Дрейку свободу действия.

– Дальше, чем это необходимо, я лезть не стану, – насмешливо сказал он, однако его слова разошлись с делом.

Пальцы прошлись по гладкой коже живота, и сердце у Лаури забилось еще быстрее.

– Поверните голову влево, – скомандовал Дрейк.

Его горячее дыхание опалило ей щеку, легкие каштановые завитки волос на висках затрепетали. Чувствуя на своем теле его неутомимые пальцы, Лаури еще теснее прижалась к нему, не решаясь, однако, поднять на него глаза.

– Хорошо. А теперь нажмите на мою пряжку.

Лаури послушно выполнила его просьбу. Дрейк же нажал на ее пряжку. Щелк! Фу! Наконец-то расцепились...

Лаури быстро вытащила руку, однако Дрейк не спешил.

Прежде чем Лаури отступила назад, он еще разок прошелся по ее гладенькому животу.

– И к чему все эти сложности? – раздраженно бросила она. – Почему это я не могла нажать на свою пряжку, а вы на свою?

Небрежно пожав плечами, Дрейк прислонился к стиральной машине.

– Конечно, могли бы, но это было бы труднее, поскольку мы стали бы пихать друг друга локтями. Да и видно плохо. – В глазах его вдруг зажглись веселые искорки. – Кроме того, это не было бы так возбуждающе.

– Вы... вы... – возмущенно начала Лаури, но, не закончив, оттолкнула Дрейка и сунула в корзину свое кружевное белье. – Не смейте больше трогать мои вещи! Я и без вас справлюсь со стиркой! – сердито закончила она, притопнув от злости ногой, и выбежала из комнаты.

Вдогонку ей неся веселый смех.

– Я открою! – крикнула Лаури, услышав из гостиной звонок.

Они только что позавтракали. Дрейк как раз на кухне мыл посуду, а они с Дженифер направлялись в классную комнату – пора было начинать урок.

С той злополучной истории со стиркой прошло уже три дня, но и сейчас при воспоминании о ней Лаури охватывало непонятное возбуждение. Это сильно раздражало ее, и она приняла решение: как можно меньше попадаться Дрейку на

глаза. Однако это лишь дало повод для новых насмешек. В ответ Дрейк подкарауливал Лаури, где только можно, и отпускал всякие колкости, а потом смотрел, какова будет ее реакция. Лаури обычно выходила из себя, что еще больше веселило Дрейка. Получался замкнутый круг.

Лаури открыла входную дверь, На пороге стоял огромный бородатый детина.

– Ой, Джон! – радостно приветствовала она гостя. – Заходите.

– Спасибо, Лаури. Надеюсь, не помешал?

– Нет-нет! Мы с Дженифер, правда, собирались заниматься, но это подождет, Она будет просто счастлива вас видеть, ведь вы ее любимец. – Лаури приветливо улыбнулась человеку, которого за глаза называла «ласковым и нежным великаном».

А познакомились они с ним так. Как-то они бродили с Дженифер по холмистым улочкам Уиспез и наткнулись на магазинчик деревянных изделий. Владельцем его был Джон Медоуз. Внушительных размеров мужчина с широченными плечами, могучей грудью и торсом; ноги толстые, точно стволы деревьев. Его темно-каштановые волосы свисали почти до плеч, путаясь в роскошной густой бороде. Из-под мохнатых бровей глядели на мир грустные карие глаза.

В общем, великан, способный напугать кого угодно, пока не услышишь его голос – мягкий, ласковый, доброжелательный. Он был просто очарован, увидев в своем магазине

молоденькую девушку с рыжевато-каштановыми волосами, державшую за руку ангелоподобную девчушку.

Маленький магазинчик был битком набит всевозможными деревянными поделками, а воздух пронизан едким запахом лака и дерева. Джон занимался изготовлением мебели и вырезал из дерева прелестные фигурки. Его огромные волосатые руки ловко управлялись со сложным инструментом.

Лаури пришла в восторг, когда он заговорил с Дженифер на языке жестов, и вскоре все трое стали хорошими приятелями. Несколько раз в неделю, отправляясь в город, Лаури с Дженифер заходили в мастерскую Джона.

Когда Лаури сказала Дженифер, кто к ним пришел, девочка тут же выскочила из классной комнаты и помчалась к Джону, сияя от радости. Он подхватил малышку на руки и высоко подбросил. Дженифер завизжала от восторга.

На шум из кухни вышел Дрейк. Прищурив глаза, он с любопытством уставился на громадного мужчину в рабочей одежде, который с такой бесцеремонностью обращался с его дочерью.

«Дженифер, я принес тебе подарок», – жестами сказал Джон, поставив девочку на пол и опустившись перед ней на одно колено.

Порывшись в глубоких карманах, он вытащил коробочку, завернутую в папиросную бумагу.

Дженифер нерешительно взяла ее в руки и взглянула на Лаури – что ей дальше делать.

– Что нужно сказать Джону, Дженифер? – подсказала Лаури.

«Спасибо», – жестом показала Дженифер.

«Пожалуйста», – так же ответил Джон.

– Ну же, открывай, – разрешила Лаури, видя, что Дженифер лишь теребит красную ленточку, не решаясь развязать ее.

Дженифер смущенно хихикнула, дернула за ленточку и развернула бумагу. В коробочке оказались три медведя, искусно вырезанные из дерева. Девочка ахнула от восторга и тут же вытащила на свет Божий потрясающие игрушки.

– Я подумал, что они могут пригодиться, когда вы будете рассказывать ей сказку «Три медведя». Это папа-мишка, мама-мишка и их сынок, – ласково улыбаясь, проговорил Джон, обращаясь к Лаури.

– Ой, Джон! Они просто прелесть! – восторженно воскликнула Лаури, нагибаясь, чтобы получше рассмотреть игрушки. – Конечно, они мне понадобятся. Спасибо вам огромное и от меня, и от Дженифер. Я уверена, они ей долго не наскучат.

– Кажется, я не имел удовольствия с вами раньше встречаться, – вмешался Дрейк, и в голосе его слышались насмешливые нотки.

Он шагнул к Джону, протягивая руку.

– Дрейк Ривингтон. Отец Дженифер. Лаури показалось, что он специально подчеркнул, что Дженифер его дочь.

– Ой, простите, Дрейк. Я не заметила, как вы вошли, иначе непременно бы вас познакомила, – сказала Лаури. – Это наш с Дженифер друг – Джон Медоуз. Он мастер по дереву. У него в Уиспез совершенно восхитительный магазинчик. Мы познакомились, когда только приехали сюда, и с тех пор частенько заходим к нему. И каждое посещение для нас – истинное наслаждение.

– Здравствуйте, мистер Ривингтон. – На секунду рука Дрейка исчезла в огромной лапе Джона. – Очень рад познакомиться с вами. У вас прекрасная девочка. Общаться с ней – одно удовольствие. Не говоря уж о Лаури.

Его карие глаза взглянули на Лаури с явной теплотой. Ни он, ни она не заметили, каким недобрый взгляд одарил их Дрейк.

– Вы давно живете в Уиспез? – спросил он. Джон, наконец, отвел глаза от Лаури и вежливо ответил:

– Почти восемь лет. С тех пор, как окончил колледж.

– И долго вы там учились? Наверняка получили не одну ученую степень.

Услышав эту откровенную насмешку, Лаури от возмущения потеряла дар речи. Она видела, что Дрейк специально обижает Джона, но не могла понять почему. Она бросила на него раздраженный взгляд, который он, впрочем, проигнорировал.

На Джона же явная враждебность Дрейка, казалось, не произвела никакого впечатления.

– Нет, только одну. По философии, – ровным голосом ответил он.

– Гм... – хмыкнул Дрейк, всем своим видом давая понять, что он так и думал.

У Лаури все внутри кипело, но она, с трудом сдержавшись, обратилась к Джону:

– Может быть, выпьете с нами чашечку кофе?

– Нет, спасибо. Пора возвращаться и открывать магазин. Я уже и так на час припозднился. Очень уж хотелось отнести игрушки Дженифер.

Он взглянул на девочку, которая сидела на полу со своими медведями и о чем-то оживленно с ними болтала, не ведая о напряженности, возникшей между тремя взрослыми.

– А еще мне нужно было предупредить вас, что в этот вторник вечером мы не сможем увидеться как обычно. Мне нужно поехать в Санта-Фе за кое-каким материалом, и я собираюсь пробыть там несколько дней.

Краешком глаза Лаури увидела, что Дрейк выпрямился и раздраженно скрестил руки на груди.

– Ничего, Джон. Увидимся, когда вернетесь.

– Хорошо. – Он ласково улыбнулся Лаури и повернулся к Дрейку. – Рад был с вами познакомиться, мистер Ривингтон. Пожалуйста, заходите как-нибудь ко мне в магазин.

– Сомневаюсь, что когда-нибудь представится такая возможность, но буду иметь в виду. – Он окинул Лаури циничным взглядом и добавил: – Впрочем, пока я здесь, не думаю,

что Лаури с Дженифер будут к вам так уж часто заходить. Я постараюсь, чтобы они без вас не очень-то скучали.

От злости Лаури бросило в жар. Краска стыда залила лицо. От Джона не укрылся истинный смысл слов Дрейка. Он удивленно вскинул брови, и на лице его появилось озадаченное выражение. Но, когда секунду спустя он взглянул на Лаури, в его карих глазах светилось лишь понимание, в них не было ни грамма отчуждения. Лаури хотелось расцеловать его за доброту и терпимость.

Джон наклонился к Дженифер и что-то тихонько ей сказал. Лаури тем временем попыталась завладеть вниманием Дрейка, но он сделал вид, что не замечает ее взгляда, всецело занятый созерцанием своего большого пальца.

– Простите, что оторвал вас от дела, Лаури, – сказал Джон, выпрямившись. – Надеюсь, скоро увидимся.

– Еще раз спасибо за подарок. Заходите в любое время, – искренне пригласила Лаури.

Джон робко взглянул на Дрейка, но тот лишь кивнул и коротко бросил:

– До свидания, мистер Медоуз.

Приглашения заходить в гости не последовало.

Джон кивнул в ответ, потом попрощался с Лаури, вышел из дома и, тяжело ступая, спустился с крыльца.

Лаури тихонько закрыла дверь, хотя ее так и подмывало шибануть ею со всей силой, выразив тем самым свое возмущение поведением Дрейка. Медленно обернувшись, она

взглянула ему в лицо. Тот уже ждал этого момента – стоя руки в боки и насмешливо глядя на нее.

– Вы вели себя по отношению к этому скромному, порядочному человеку просто отвратительно, и я хочу знать, почему! – дрожащим от ярости голосом начала она.

– А я хочу знать, почему это вы таскаете мою дочь к какому-то великовозрастному хиппи!

– Хиппи?! – гневно воскликнула Лаури. – Да как вы смеете такое говорить!

– Очень даже смею! Потому что он такой и есть. Грязный, волосатый... Странно еще, что он не увешан с ног до головы металлическими цацками! Такие, как он, делают вид, что не могут жить в реальном мире, поэтому становятся вечными студентами либо забиваются в какие-нибудь Богом забытые дыры и называют себя ремесленниками. А уж эта его борода...

– Вы сами носите бороду, мистер Ривингтон! – раздраженно перебила его Лаури.

– Я умею за ней ухаживать! Не то, что этот тип. Грязная, свалявшаяся, вся в засохшей зубной пасте! – закричал Дрейк.

– Я не позволю вам так говорить о нем! – теряя остатки самообладания, завопила Лаури.

Дрейк кинул на нее взгляд, не обещавший ничего хорошего, в два прыжка очутился рядом и, схватив за руку, притянул к себе:

– Что это у вас с ним за свидания каждый вторник вечером, а? Вы что, и Дженифер на них таскаете?

Лаури решительно освободилась:

– Да! Каждый вторник Джон закрывает магазин на час позже. Мы приходим к закрытию и вместе идем обедать.

– И будучи «скромным, порядочным» человеком, он, конечно, провожает вас домой, – насмешливо бросил Дрейк. – И на сколько он здесь остается? Наверное, на следующее утро открывает свой магазинчик на час попозже? – сладким, как патока, голосом закончил он, хотя его глаза при этом горели от ярости.

То, на что он намекал, было настолько нелепо, что, не будь Лаури так рассержена, она подняла бы его на смех.

– А вот это не ваше дело, черт подери! – выругалась она.

– Еще какое мое! Это мой дом!

– Не судите о людях по себе, мистер Ривингтон! Не все идут на поводу у своих низменных страстей!

– Сейчас я покажу вам, что такое низменная страсть! – взревел Дрейк. – Я уже давно жду этого момента!

И он снова крепко схватил ее, но на сей раз так, что вырваться не было никакой возможности – руки были крепко-накрепко прижаты к бокам. Лаури понимала, что шансов высвободиться у нее нет никаких, но решила не сдаваться без боя. Не получит он от нее никакого поцелуя, и все тут! Почувствовав на своих губах его горячие губы, она так крепко сжала рот и зубы, что и захочешь – не разомкнешь.

Почувствовав тщетность своих усилий, Дрейк поднял голову. Лаури и глаза успела закрыть, но любопытство взяло свое, и она, чуть приоткрыв их, увидела над собой его лицо.

– Вы ведь боитесь моих поцелуев! Знаете, что с вами происходит всякий раз, когда я вас целую, не так ли?

Лаури ушам своим не поверила. Нет, каков наглец!

– Неправда!

Он усмехнулся и разжал руки.

– Неужели? Ну, так докажите, что вам все равно. Поцелуйте меня и посмотрим, – насмешливо предложил он.

Глаза его так и шарили по ее телу, задерживаясь на тех местах, которые – он знал по собственному опыту – наиболее чувствительны к ласкам.

Если бы он принялся домогаться ее силой, Лаури дала бы достойный отпор. Но его насмешливый тон окончательно вывел Лаури из себя. Ярость ее достигла наивысшей точки. Драться с ним, естественно, она не могла – это было бы просто смешно, но можно было попытаться победить его другим способом. Нужно показать этому нахалу, что она не поддастся его очарованию, как каждая вторая женщина. И плевать ей на его обаяние и сексапильность!

Прищуриив глаза, отчего они стали похожи на горящие угли, Лаури подняла руки и обхватила ладонями его голову. Секунду поколебалась, но, увидев, что Дрейк вопросительно вскинул брови, потянула его голову к себе. Для него пока что это была лишь игра.

Она осторожно коснулась губами его губ. Он выжидал, предоставив ей инициативу. Легонько куснув его за нижнюю губу, Лаури почувствовала, что он вздрогнул, и это придало ей силы. Сейчас она ему покажет!

Она провела языком по его губам, раз, другой, третий, пока они не раздвинулись. Отмахнувшись от гласа рассудка, Лаури проникла розовым язычком в сладкую влажность его рта. Будто электрический ток прошел по ее телу, но Лаури попыталась убедить себя, что это ей только показалось, на самом деле она остается холодной, как лед, а вот он, Дрейк, начинает потихоньку воспламеняться. Уговаривая себя таким образом, Лаури тесно прижалась к его груди.

Однако Дрейк и не думал ее обнимать. Он покорялся, и только.

Лаури начала терять терпение. Нет, она не позволит ему себя победить! Не хватало еще, приняв его вызов, стать жертвой собственной стратегии! И, тем не менее, пока что все шло к тому. Именно у нее шла кругом голова, а сердце быстро-быстро колотилось в груди. Хоть и не хочется в этом признаваться, но сейчас единственное желание – очутиться в его объятиях.

Но чтобы он узнал об этом – ни за что! Она должна во что бы то ни стало скрыть свои истинные чувства, иначе грош ей цена.

Вдоволь насытившись его губами, Лаури прильнула к его щеке, робко коснулась рукой ворота рубашки, ощутив на гру-

ди жесткие курчавые волосы. Поборов застенчивость, убедив себя в том, что все, что она делает, продиктовано лишь желанием победить, а не вспыхнувшей страстью, Лаури сунула руку за ворот рубашки, провела по грудным мышцам, покрытым темными волосами.

Дрейк вздрогнул. «Отлично, – подумала Лаури. – Кажется, сработало». Не останавливаясь на достигнутом, она еще раз провела губами по шее. Рука ее между тем нащупала в густых волосах твердый сосок и легонько прошла по нему.

С губ его слетел протяжный стон, сердце отчаянно забилося в груди, и, обхватив Лаури обеими руками, он с такой силой прижал ее к себе, что она чуть не задохнулась. Обняв его за шею, она прильнула к его зовущему рту, и тела их, охваченные пламенем страсти, встретились.

Язык его властно проник в сладкую влажность ее рта, заявляя о своих правах собственности и отменяя все могущие возникнуть возражения. Лаури поняла – все, детские игры кончились. Нет теперь нужды притворяться холодной и безразличной. Если Дрейк и дальше будет так ее целовать, придется признать свое поражение. И она сделает это с величайшей радостью.

К действительности их вернула Дженифер. Она играла на полу со своими новыми игрушками, когда вдруг заметила, что папа с Лаури целуются. Девочка встала и потянула Дрейка за штанину, призывая обратить на себя внимание и показывая, что и сама не прочь включиться в эту новую веселую

игру.

Дрейк отстранился от Лаури и долго смотрел на нее. Глаза его были затуманены желанием, и Лаури поняла, что победа не досталась ни ей, ни ему. Он точно так же возбудился от ее поцелуя, как и она от его.

Дженифер между тем настойчиво требовала к себе внимания. Она не хотела смириться с тем, что позабыта-позаброшена. Дрейк, наконец, оторвал от Лаури взгляд, нагнулся и подхватил на руки пышущее негодованием дитя.

– Кто это у нас тут такой? Никак не пойму, кто это меня дергает? – весело проговорил он и пощекотал девочку по животику.

Она залилась веселым смехом и, обхватив одной пухлой ручонкой за шею отца, а другой Лаури, притянула их головы к себе, как бы говоря, что неплохо бы им всем поцеловаться. За одним поцелуем следовал другой, затем еще и еще, и, наконец, они уже втроем хохотали от всей души.

– Ну, что, надо полагать, занятия сегодня отменяются? – спросил Дрейк Лаури, глядя на нее поверх белокурой головки дочери. – Эта машина, которую я взял напрокат, стоит мне приличных денег, а все стоит без дела. Почему бы нам не поехать в Альбукерке и не вернуть ее в контору по прокату? Мы могли бы там перекусить, а потом вернуться обратно. Как вы думаете, Дженифер выдержит такое путешествие? Не устанет?

– Конечно, нет! Кроме того, ей не мешает отдохнуть. А

что мне надеть?

Лаури задала этот вопрос, потому что, чтобы одеться соответственно, ей нужно было знать, куда он собирается их повести. Если в «Мак-Дональд'с», то и в джинсах сойдет, а если в какой-то приличный ресторан – тут уж нужно подумывать.

Дрейк окинул взглядом ее изящную фигурку.

– Вот уж, что меня меньше всего волнует, – протянул он, а взгляд его красноречиво говорил, что больше всего его устроило бы, если бы на ней вообще ничего не было надето.

Несмотря на то, что они всего несколько минут назад пылко обнимались и страстно целовались, Лаури вспыхнула от смущения и забрала у него Дженифер.

– Через полчаса будем готовы, – бросила она и стала быстро подниматься по лестнице на второй этаж.

Глава восьмая

Этот день внес в их монотонную жизнь приятное разнообразие. Дженифер отправилась в Альбукерке вместе с отцом, в машине, которую он взял напрокат, а Лаури ехала за ними в «Мерседесе». Она была рада одиночеству – есть возможность привести в порядок свои беспокойно мечущиеся мысли. Не стоит им с Дрейком больше так целоваться – была первая из них. Ни к чему хорошему это не приведет. Она уже предупреждала его – опасно играть с огнем. Так ведь нет! Ему хоть кол на голове теши.

Впрочем, Лаури все время пыталась себя уговорить, что от невинных поцелуев никому хуже не будет. Однако в глубине души понимала, что не права. Во-первых, не такие уж они невинные, а во-вторых, она не знала, как долго сможет продержат Дрейка на расстоянии, а главное, захочет ли она сама этого. Уступить ему – означает конец занятиям с Дженифер. От этого пострадают все, и в первую очередь малышка. Безрассудное поведение двух взрослых людей, которым не хватило ума держать себя в руках, поставит под удар ее будущее.

Конечно, в покойном салоне роскошной машины, мчащейся по извилистым горным дорогам в город, дать себе зарок никогда больше не позволить Дрейку дотронуться до себя было проще простого. Казалось, стоит только дать себе

слово – и делу конец. А уж что-что, а слово свое Лаури всегда умела держать.

Итак, решено. Она не позволит больше Дрейку прикасаться к себе. Теперь следовало претворить это решение в жизнь.

А вот это было уже куда сложнее. Когда они, наконец, добрались до конторы по прокату машин, Дрейк подошел к ее «Мерседесу» и протянул руку, помогая вылезти. Лаури без колебаний оперлась на нее, и они пошли рядышком. Лаури приятно было ощущать прикосновение его сильного, стройного тела.

Дело с машиной было улажено моментально, а потом они отправились по самым дорогим магазинам города. Дрейк купил Дженифер лыжную куртку ярко-синего цвета, по мнению Лаури, непомерно дорогую. Но когда она сказала об этом Дрейку, тот лишь беспечно махнул рукой. Девочке обнова настолько понравилась, что она хотела тут же надеть ее, но Лаури объяснила, что такую теплую куртку носят зимой, когда по-настоящему холодно, а не в прохладный осенний день, как сегодня. Но малышка согласилась, чтобы курточку завернули в бумагу и положили в коробку, лишь когда Дрейк купил ей шерстяной свитер с капюшоном, отделанным мехом.

Как обычно, продавщицы, обслуживавшие их, волновались сверх меры, что никак не прибавляло им расторопности. Другие покупатели, увидев такую знаменитость, как Дрейк, вообще забывали, зачем сюда пришли. Стояли, рази-

нув рты, и бросали на них такие взгляды, что Лаури было не по себе.

Некоторые женщины смотрели на нее с нескрываемой завистью. Выражение их лиц ясно говорило: будь их воля, они бы Лаури на клочки разорвали из-за своего любимца. От Дрейка, естественно, ничего не укрылось, но ему, похоже, было ровным счетом наплевать на почитательниц его таланта и их чувства к Лаури. Он то и дело обращался к ней за советом и вообще вел себя с ней довольно фамильярно.

Все это действовало Лаури на нервы. Единственное, за что она была ему признательна, – это за его отношение к Дженифер. Он разговаривал с ней на языке жестов без всякого смущения. Казалось, его абсолютно не волнует, что поклонницы увидят, какая у него дочь. Собираясь в город, Лаури решила одеться не слишком просто и не слишком вычурно. Выбор свой она остановила на светло-коричневой шерстяной юбке и желтовато-зеленой шелковой блузке. Когда они вышли из машины, чтобы идти в ресторан, ей показалось, что на улице довольно прохладно, и она решила надеть шерстяной жакет кремового цвета.

Дрейк, как истинный джентльмен, помог ей надеть жакет, а потом жестом собственника обнял ее за плечи.

Так они и вошли в вестибюль. «Просто образцово-показательная семья», – подумала Лаури, направляясь следом за метрдотелем к столику, но тут же спохватилась. Да какая там семья! Что она такое придумала! Ведь прекрасно знает ис-

тинные чувства и намерения Дрейка – он и не думал их скрывать. Физическая близость – ради Бога, но сердце его навсегда останется со Сьюзен.

По дороге домой Дженифер начала клевать носом и, наконец, заснула, положив головку Лаури на колени и крепко прижимая к себе кролика – он стал у Дженифер любимой игрушкой, и она повсюду таскала его с собой.

Дрейк потихоньку включил радио и, покрутив ручку настройки, нашел какую-то спокойную мелодию. Протянув руку, принялся гладить Дженифер по кудрявой головке, пока не убедился, что она крепко спит.

Внезапно сердце Лаури куда-то ухнуло – она вдруг ощутила на своем бедре его ласковую руку. Лаури взглянула на залитый лунным светом пейзаж за окном, потом посмотрела на приборную доску с подсветкой, на спящего на коленях ребенка – на что угодно, только не на сидящего рядом с ней мужчину.

Но помимо воли глаза ее остановились на его идеальном профиле. Почувствовав на себе ее взгляд, Дрейк повернул голову и мягко улыбнулся.

Рука его вновь заскользила по ее бедру, но Лаури и в голову не пришло ее сбросить. Она и думать забыла, что совсем недавно давала себе слово ни при каких обстоятельствах не разрешать ему дотрагиваться до себя. И рука осталась там, где она была, пока не показались огни Уиспез, и Дрейку ничего не оставалось, как обеими руками взяться за

руль, чтобы, не дай Бог, никуда не врезаться – холмистые, извилистые улочки этого городка к романтике за рулем не располагали. Приехав домой, первым делом уложили в постель Дженифер, что, впрочем, не составило большого труда – девчушка и так уже почти спала. После молитвы и поцелуев, составлявших ежевечерний ритуал, Дрейк выключил в ее комнате свет.

– А что если затопить сегодня камин? – спросил он Лаури, когда та вышла в гостиную.

– Звучит заманчиво. Я бы с удовольствием немного отдохнула, прежде чем лечь в постель. Столько впечатлений за день!

– Может, я смогу помочь вам расслабиться? – вкрадчивым голосом спросил Дрейк.

– Вы невыносимы! – Лаури делала вид, что сердится, но ее глаза смеялись. – Пойду приму ванну, а потом спущусь вниз.

– Ну, к тому времени огонь будет полыхать вовсю! Я ведь, знаете ли, был когда-то бойскаутом.

– Да ну? Быть того не может! – поддразнила Лаури и поспешно захлопнула за собой дверь, не дав ему возможности связвиться в ответ.

Искупавшись, Лаури надела теплый фланелевый халат и подпоясалась. Персикового цвета ткань и атласные отвороты выгодно оттеняли красоту ее волос и бархатистость кожи.

Прожив с Дрейком под одной крышей несколько дней, Лаури мало-помалу перестала его стесняться. Она уже не пря-

талась по углам и не пыталась прошмыгнуть мимо незамеченной, если была в одном халате или без косметики. Между ними возникло даже что-то вроде близости.

Так что Лаури безо всякого смущения надела халат и спустилась вниз.

Войдя в гостиную, подошла к окну и задернула шторы, машинально потянулась к выключателю, но, услышав голос Дрейка, замерла.

– Может, не будем включать свет? По-моему, камина вполне достаточно.

Он выходил из кухни с двумя бокалами и бутылкой белого вина в ведерке. Из стереосистемы, спрятанной в книжном шкафу, доносилась негромкая музыка. В камине и, правда, ярко горел огонь – у Дрейка слова не расходились с делом.

– Ну что ж, расслабляться так расслабляться, – согласилась Лаури, но голос ее прозвучал несколько натянуто.

«Расслабляться и соблазняться», – усмехнулась она про себя. Дрейк сменил слаксы и спортивную куртку на старые потертые джинсы и белоснежный свитер с высоким воротом.

Лаури села, поджав под себя ноги, в уголке дивана лицом к камину. Дрейк поставил перед ней на журнальный столик ведерко с бутылкой и бокалы.

– Выпьете со мной вина? – спросил он, усаживаясь рядом. – Ну хоть немного!

– Я...

– Ну пожалуйста! Только один бокал. Хуже от этого не

будет.

– Хорошо. Но только один, – согласилась Лаури, впрочем, он уже наполнял бокал вином.

Дрейк протянул ей бокал, и пальцы их на секунду соприкоснулись. Лаури сделала маленький глоток. Дрейк не сводил с нее глаз. Ей было неловко под его пристальным взглядом, и она принялась смотреть на огонь в камине.

– Как хорошо, Дрейк, что вы догадались затопить камин. Спасибо вам. Тепло и уютно.

– Рад вам услужить. По мне так чересчур тепло. Не раздражаете?

И прежде чем Лаури успела ответить, он стянул с себя свитер.

За последние дни Лаури неоднократно лицезрела его без рубашки, и всякий раз при виде широкой мощной груди, покрытой жесткими волосами, у нее начинало бешено колотиться сердце. Грудь плавно переходила в упругий, плоский живот. Джинсы Дрейк застегивал немного ниже талии, и был хорошо виден круглый пупок, а еще ниже – под плотно облегающей джинсовой тканью – явственно вырисовывался символ его мужского достоинства. В горле вдруг отчего-то запершило – пришлось срочно отпить еще вина.

– Как вы приятно пахнете, – Дрейк наклонился к ней так близко, что его горячее дыхание опалило ей щеку. – Чем это?

– Я... это... – пролепетала Лаури, но договорить не смогла и, собравшись с силами, сделала еще одну попытку. – Ничего

особенного. Обычный крем, и не из дорогих. Я купила его в аптеке.

– Что это вы говорите таким тоном, словно извиняетесь. Этот ваш дешевый крем выше всяких похвал.

От этих слов – а может, от близости его тела? – Лаури вздрогнула. Хотя она выпила не больше половины бокала, вино уже начало оказывать свое действие. Сделав последний глоток, Лаури поставила фужер на столик и откинулась на спинку дивана. Дрейк придвинулся к ней ближе.

Он не сводил глаз с ее волос.

– Какие у вас потрясающие волосы, – прошептал Дрейк. – А в свете пламени они еще красивее, чем всегда.

И он провел рукой по ее блестящим волосам.

Языки огня отбрасывали на его лицо причудливые тени. Глаз под густыми бровями было почти не видно, но Лаури знала, что они внимательно вглядываются в ее лицо, отмечая каждую черточку. Вот взгляд задержался на губах, – и у Лаури вдруг перехватило дыхание. Обмакнув указательный палец в золотистое вино, Дрейк поднес его к ее губам. Не спеша провел по верхней губе, потом по нижней. Под нежным натиском губы распахнулись, словно лепестки цветка.

Тогда Дрейк наклонился и прильнул к ней губами, вбирая в себя пьянящую сладость вина. Лаури показалось, что у нее сейчас остановится сердце. Дрожь прошла по всему телу, дыхание перехватило.

– Вы еще восхитительнее, чем это вино. И действуете еще

более возбуждающе, – выдохнул Дрейк, оторвавшись наконец от ее губ.

Он поставил бокал на столик, и Лаури ждала, что он сейчас обнимет ее.

Но Дрейк лег на спину, вытянулся во всю длину и положил голову к ней на колени. Взяв ее за руку – Лаури и не думала сопротивляться, – нежно поцеловал ладонь и положил ее себе на живот, прикрыв сверху своею.

– Райское наслаждение, – он пристально посмотрел на Лаури. – Да и вид отсюда такой, что пренебрегать им никак не следует.

Взгляд его скользнул по груди, обтянутой тонкой тканью халата, Лаури вспыхнула, и Дрейк расхохотался, но через секунду глубоко, удовлетворенно вздохнул.

– Мне здесь нравится. А вам, Лаури? В голосе его прозвучали такие серьезные нотки, что она поразилась.

– В Уиспез? Да, здесь просто чудесно. Однако, признаюсь, я считала, что вы к этому времени уже давно вернетесь в Нью-Йорк.

– Иногда я и в самом деле скучаю по огням рампы, не скрою. Но как подумаешь, что предстоит возвращаться к бестолковой жизни доктора Глена Хембрика, просто оторопь берет.

– Правда?

Должно быть, в голосе ее прозвучало удивление, и Дрейк это почувствовал, потому что открыл глаза и ответил:

– Ну да.

– Тогда почему вы стали артистом, если эта работа вам не по душе?

– Сьюзен уговорила меня пойти на прослушивание.

Когда Лаури услышала имя его жены, сердце у нее болезненно сжалось, однако Дрейк остался спокоен.

– И я оказался как раз тем, кого они искали, – продолжал он. – Я поцеловал ту актрису, которую вы видели. Она была в то время ведущей. И, видимо, сделал это достаточно убедительно, потому что все решили, что мы прекрасно смотримся. Я и опомниться не успел, как роль была уже у меня в кармане.

– А чем вы, Дрейк, хотели бы заниматься?

– Как и всякий серьезный актер, обладающий немалой долей тщеславия, я мечтал создать свой театр и быть в нем режиссером, а не актером. Однако, пожив в Нью-Йорке несколько лет, я понял, что это требует приличных средств. Нужно платить за аренду помещения, на что-то жить, ну и тому подобное. – Дрейк невесело усмехнулся. – Приходилось работать, не жалея сил, так что времени на учебу на режиссерских курсах совсем не оставалось.

Лаури машинально погладила серебристо-каштановые волосы Дрейка. Его голова так уютно устроилась у нее на коленях, словно это было не первый раз. Да и весь их разговор, неспешный, несколько интимный, Доставлял Лаури истинное наслаждение.

– А где вы родились, Дрейк? Кто ваши родители? Странно, он никогда не упоминал, откуда он родом.

– Я родился и вырос в Иллинойсе. Видите, Лаури, я так же, как и вы, со Среднего Запада. – Он поерзал головой, чтобы было удобнее смотреть на нее, и сладкая дрожь пробежала по телу Лаури. – Отец мой работал страховым агентом и, надо сказать, преуспевал, хотя богатыми мы никогда не были. Он умер, когда я еще учился в академии. Мама умерла два года назад. У меня есть брат. Он адвокат. Тоже артист в своем роде. – Дрейк хмыкнул. – Отучившись два года в колледже гуманитарных наук, я поехал в Нью-Йорк и поступил в Американскую академию драматического искусства, а окончив ее, ходил на все просмотры в надежде получить работу.

– И как вы только выдержали? Повторять одну и ту же сцену миллион раз в надежде получить какое-то место... С ума сойти можно!

– Человек в здравом уме никогда на такое и не пойдет, – рассмеялся Дрейк. – То еще испытание! Как-то, помнится, я пробовался на роль рокера в одной музыкальной комедии. Я был уверен, что подхожу для этой роли как нельзя лучше. В течение нескольких недель я вживался в образ – ходил в черной кожаной куртке, ругался, как сапожник, и не выпускал изо рта сигарету. На просмотре я унижался, как последний кретин. Пел, танцевал... Тогда-то я и понял, что никогда в жизни не буду сниматься в музыкальной комедии. Но каково было мое негодование, когда меня не взяли даже в массовку!

Сказали, что в свете прожекторов мои волосы отливают серебром, как у старика, а им старики ни к чему. Нужны только молодые. Я пообещал выкрасить волосы в черный цвет, если мне дадут какую-нибудь роль, хотя бы и без слов. Ничего не вышло.

Дрейк ненадолго замолчал и погладил ее руку, которая все еще покоилась на его голом животе.

– Вот так-то я и познакомился со Сьюзен. На этом самом просмотре. После она подошла ко мне и сказала, что рада, что я не получил роль. Ей ужасно не хотелось, чтобы я перекрашивал волосы.

Лаури почувствовала, как у нее защемило сердце. Боль все нарастала, не отпуская ни на миг. Голос Дрейка снизился до шепота и стал как-то глуше. Похоже, Сьюзен была еще неотделима от его жизни, хотя умерла целых три года назад. Зная, что он ей ответит, Лаури, тем не менее, тихонько спросила:

– А она была красивая?

– Да, – тут же отозвался Дрейк и закрыл глаза, словно отгородившись от нее. – Она была балериной, причем классического направления, Для кордебалета ну никак не подходила, так что зачем явилась на просмотр в эту музыкальную комедию – непонятно. Ее тоже не взяли. В конце концов, она пристроилась в труппу «Американский театр балета».

Балерина! Лаури ждала всего, что угодно, но только не этого. Должно быть, была изящной, женственной, грациоз-

ной и, как он сказал, красивой.

Нужно срочно сменить тему, иначе их задушевная беседа превратится в пытку для нее.

– А какая ваша самая любимая роль, Дрейк? – Поспешно спросила Лаури.

– Брик в «Кошке на раскаленной крыше», – ответил он. – Я играл его еще в студенческом спектакле. Потрясающий характер! За два с половиной часа, что идет спектакль, показаны все нюансы его отношений с женой, отцом, братом, друзьями. – Голос Дрейка звучал восторженно. – Но мне всегда хотелось самому поставить этот спектакль. Представляете, выставлять на суд зрителя работу, в которую ты вложил всю душу! Что может быть интереснее!

Секунду он молчал, уставившись в темноту, будто представляя сцену, а на ней актеров, готовых воплотить его мечту. Потом перевел взгляд на Лаури и долго смотрел на нее.

В отсветах пламени ее рыжевато-каштановые волосы отливали золотом. На розовом, разгоряченном после мытья лице поблескивали капельки пота. Халат призывно запахнул на груди.

– Вы нисколько не похожи на учительницу, – тихонько заметил Дрейк.

– А вы очень похожи на артиста, – прошептала она в ответ. Он чуть приподнялся и обнял ее рукой за талию.

– А если поточнее? Актеры бывают разные. И хорошие, и плохие.

Лаури рассмеялась:

– Не беспокойтесь, вы отличный актер. Лучше и не бывает.

– Да ну? Как вы думаете, гожусь я на роль романтического героя, а, миссис продюсер? Может, посмотрите меня? Мне бы этот просмотр доставил истинное наслаждение.

Говоря это, Дрейк потянул за поясok ее халата и тот развязался.

– Вот видите, я уже вхожу в образ.

Рука его скользнула под халат и накрыла ее грудь.

– Единственное, что мне сейчас нужно, так это хороший партнер, – добавил он и прижался к ее зовущим губам.

Последовал долгий страстный поцелуй. Одной рукой Дрейк продолжал ласкать ее грудь, а другой зарылся в ее густые каштановые волосы. Обняв его за голые плечи, Лаури ласково провела рукой по груди, нежно касаясь каждой выпуклости, пока не добралась до пояса.

Наконец он оторвался от ее рта:

– Надеюсь, под этим одеянием, кроме вас, ничего больше не обнаружится?

Приспустив халат с плеч, он коснулся губами ароматной кожи.

– Когда вы такая теплая, мягкая и спокойная, в вас появляется что-то материнское, а это мне так необходимо.

Губы его скользнули по ее шее, добрались до груди.

– Накорми меня, Лаури, – хрипло прошептал он.

Его губы сомкнулись вокруг нежного розового бутона, и Лаури, дрожа от наслаждения, изогнулась. Его язык творил с ней чудеса, и она, не выдержав этой сладкой пытки, тихонько застонала, а он все ласкал ее сосок нежно, ласково, неторопливо.

Прижавшись щекой к его волосам, Лаури легко и одновременно жадно провела рукой по его груди, животу. Наконец робко коснулась ремня на джинсах. Дрейк, ткнувшись лицом в глубокую ложбинку на груди, срывающимся, приглушенным голосом прошептал:

– О Боже! Ну пожалуйста, Лаури! Умоляю!

Она расстегнула «молнию»...

Дверной звонок прозвучал, как колокол, заглушая ее прерывистое дыхание, доносящуюся музыку, шипение и потрескивание дров в камине.

Дрейк яростно выругался и с трудом сел.

– Кто это, черт подери?

– Может, уйдут... – с надеждой в голосе сказала Лаури.

Звонок прозвучал снова, давая понять, что, кто бы там ни был за дверью, сдаваться он не собирается. Дрейк чертыхнулся, с трудом встал и направился к входной двери. Лаури ничего не было видно из-за его спины. Она хотела сказать, чтобы он надел свитер, но не успела – он уже открывал дверь.

– Ой! Вы здесь? Вот уж кого не ожидали! – раздался знакомый голос.

Лаури с дивана как ветром сдуло. Ноги так дрожали, что

она едва не грохнулась на пол. Трясущимися пальцами попыталась она привести себя в божеский вид, завязать пояс. Однако ей это плохо удавалось.

– О Боже! – тихонько простонала она, едва не заплакав от отчаяния.

– Кто... – начал было Дрейк, но договорить ему не дали.

– Я Реверенд Эндрю Перриш, отец Лаури. Она здесь?

Глава девятая

– О, добрый вечер, – услышала Лаури голос Дрейка. – Я...

– Мы знаем, кто вы, молодой человек. Лаури нам о вас все рассказала. Мама уже соседям все уши прожужжала, что ее дочка работает у Дрейка Слоуна.

– Ах, я просто поверить не могу, что вижу вас вот так, воочию! Соседки, когда я им об этом скажу...

– Мама, прошу тебя, – перебил ее отец. – Ты же видишь, что молодой человек стоит на холоде раздетый. Можно нам войти, мистер Сл... то есть мистер Ривингтон?

Лаури, как сквозь сон, слушала этот разговор. Ноги словно приросли к полу. Единственным ее желанием было убежать на второй этаж и спрятаться, но проскочить так, чтобы родители ее не заметили, не могла.

«Зачем они сюда приехали? – лихорадочно думала она. – Наверняка подумают... Господи, что же делать?»

Лаури наспех запахнула халат, кое-как пригладила растрепанные волосы. На большее времени у нее не хватило – Дрейк ввел родителей в комнату.

– Мамочка! Папочка! – фальшивым голосом воскликнула она и бросилась к ним навстречу.

Понимала – действовать нужно понаглее, иначе так и будут считать, что она и в самом деле в чем-то провинилась.

– Лаури, девочка моя! Ну как ты?

Элис Перриш крепко обняла дочь, и Лаури вдруг с ужасом поняла: мать почувствовала, что у нее под халатом ничего нет. Глянула на Дрейка поверх материнского плеча – тот лишь беспомощно пожал плечами. Он и сам выглядел не самым лучшим образом – лицо бледное, волосы растрепанные. Мало того, джинсы не застегнуты и то, что он возбужден, видно невооруженным глазом.

«Только этого не хватало!» – чуть не плача подумала Лаури.

Мать поцеловала ее в губы, которые все еще горели от поцелуев Дрейка. «Интересно, чувствует ли она это?» – подумала Лаури. Потом настала очередь отца обниматься и целоваться.

Наконец время объятий подошло к концу. Наступило неловкое молчание. Родители обвели взглядом комнату, в которой все, казалось, дышало сладострастием – словно это слово было написано на всех четырех стенах. Из стереосистемы все еще доносилась приглушенная, интимная музыка. Комната, освещенная лишь пламенем камина, была погружена в полумрак, полный причудливых теней. С журнального столика ведерко с бутылкой и недопитые бокалы словно кричали: «Смотрите, смотрите! Вот чем они занимались!» Об этом сообщали и смятые подушки на диване. Одна валялась на полу – Дрейк столкнул ее ногами, когда устраивался поудобнее.

Если бы не эта ужасная ситуация, в которую ее угораздило

попасть, Лаури была бы рада видеть родителей. Они всегда были близки. Родители просто обожали свою дочь и всегда желали ей только добра. Ничего, кроме любви, она от них не видела.

Лаури взглянула на мать – изящную миниатюрную женщину, которая едва доставала мужу до плеча. Волосы ее были того же рыжевато-каштанового оттенка, что и у Лаури, однако с годами несколько выцвели. Кожа гладкая, как у девушки, только в уголках рта притаились смешливые морщинки – свидетели счастливой жизни.

Эндрю Перриша, напротив, Господь явно не обидел ростом. Весь его облик дышал достоинством. Темные волнистые волосы, в которых мелькала седина, были откинuty назад, оставляя открытым высокий лоб. Серые глаза так и лучились спокойствием и добротой. Он никогда не повышал голос, но каждое произнесенное им слово, казалось, было на вес золота. Прихожане относились к нему с любовью и уважением. Единственное, в чем он всегда придерживался старомодных взглядов, – это в вопросах морали и нравственности. Современные вольные нравы были ему, мягко говоря, не по душе.

Радость свидания с младшей дочерью омрачалась представшей перед родителями картиной. Лаури видела, как по их таким родным и любимым лицам промелькнула тень разочарования. Сердце разрывалось на части при одной мысли, что о ней думают ее родители.

– Наверное, это Дрейк открыл вам дверь, – затараторила она, зная, что несет чепуху, но ей хотелось во что бы то ни стало нарушить гнетущее молчание. – А зачем вы приехали? Не то, чтобы я не рада вас видеть, – поспешно добавила она. – Просто я...

– Мы хотели сделать тебе сюрприз, дорогая, – перебил ее отец. – Нас с мамой пригласили на конференцию священнослужителей, которая начнется завтра вечером в Санта-Фе. Мы решили приехать на день раньше и побыть с тобой.

– И правильно сделали. Я очень рада, – сказала Лаури.

– Но мы не ожидали увидеть здесь мистера Ривингтона, – заявил Эндрю, глядя на Дрейка, который во время этого разговора, взяв валявшийся на диване свитер, принялся натягивать его на себя.

Отец всегда отличался тем, что сразу, как говорится, брал быка за рога, хотя сейчас Лаури хотелось бы, чтобы он этого не делал или делал помедленнее – ей нужно было время, чтобы придумать какое-нибудь правдоподобное объяснение. «Впрочем, в данном случае никакого времени не хватит», – печально подумала она. Внезапно ей показалось, что у мамы дрожат губы. Но, приглядевшись повнимательнее, с облегчением поняла, что это ей только показалось. Ну зачем они приехали именно сегодня! А что если бы вошли не сейчас, а минут пятнадцать спустя! От одной этой мысли Лаури даже похолодела и, вздрогнув, обхватила себя руками. Даже подумать страшно!

Облизнув губы, Лаури попыталась взять себя в руки, чтобы слова ее прозвучали спокойно и весомо:

– Дрейк... приехал несколько дней назад повидать Дженнифер. Вот подожди, когда увидишь ее, мама. – Голос Лаури дрогнул. – Она тебе очень понравится. – Никто не проронил ни слова, и она поспешно продолжала: – Знаешь, он так по ней скучал... Отпросился с работы... И она была так рада его видеть...

На большее ее не хватило. Что бы она ни говорила, не имело смысла – у всех на уме было другое: ее грехопадение.

Эндрю скользнул взглядом по двум недопитым бокалам. «Он был здесь с тобой!» – казалось, говорили его глаза, и в них промелькнула боль. «Господи, что же делать! Что сказать, чтобы они поняли!» – лихорадочно думала Лаури. Чтобы не видеть их расстроенных, недоуменных лиц, она на секунду закрыла глаза.

– Лаури, дорогая, давай-ка им все-таки, скажем, – раздался за спиной ласковый голос Дрейка.

Он подошел к ней и, нежно обняв за плечи, притянул к себе. Лаури в ужасе взглянула на него – что он еще придумал. Он ласково улыбнулся:

– Знаю, знаю... Мы собирались держать это некоторое время в секрете, но мы и понятия не имели, что приедут твои родители. Боюсь, они уже подумали самое худшее.

И оказались правы, хотелось сказать Лаури, но, ошеломленная его внезапным натиском, она и слова вымолвить не

могла.

– Сэр, – официально начал Дрейк, обращаясь к ее отцу. – Мы с Лаури поженились сегодня в Альбукерке. И сейчас у нас медовый месяц.

Если бы не рука Дрейка, поддержавшая ее, Лаури рухнула бы на пол. Вся кровь бросилась ей в голову. Сердце, казалось, готово было выскочить из груди. В ушах звенело от восторженных восклицаний, которыми разразились ее родители, понявшие наконец, что произошло. Лаури видела, что у них словно гора с плеч свалилась.

Все шумели, смеялись, галдели, выкрикивали изумленно-радостными голосами поздравления. Мама бросилась к Дрейку и, пылко обняв его, чмокнула в щеку.

– Добро пожаловать в нашу семью, Дрейк! – восторженно воскликнула она.

А Эндрю хлопнул его по спине, приговаривая:

– Ну и напугали же вы меня! Я ведь уже Бог знает что подумал!

Потом все бросились обнимать Лаури, выказывая ей свою родительскую любовь и благословение. Она же стояла, как неживая, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, а уж говорить и подавно.

– Эндрю, ты хоть понимаешь, что у нас теперь есть еще одна внучка? – восторженно всплеснула руками Элис, обращаясь к мужу. – Лаури, можно нам на нее взглянуть? Ты ведь только что говорила, что она просто чудо. Не бойся, я ее не

разбужу. Мне так и так хотелось на нее посмотреть, а уж теперь, когда я знаю, что она наша, и подавно.

Карие глаза Элис светились таким восторгом, что Лаури не нашла в себе силы отказать ей.

– Она наверху, мама. В маленькой спальне. Почему бы вам с папой не подняться к ней? А я тем временем приготовлю кофе. Похоже, вы настолько застали меня врасплох, что я и думать забыла про гостеприимство, – пролепетала она.

Лаури едва могла придумать, что бы ей такое сказать, а уж выразить мысль и вовсе оказалось невероятным трудом.

– Пошли, Эндрю. – Элис подхватила мужа под руку, и тот возвел глаза к небесам, делая вид, что ему все на свете осточертело.

– Эта женщина, Дрейк, просто помешана на детях. Придется привыкать к этому ее чрезмерному увлечению.

– Нам с Дженифер это будет только в радость, – ласково заверил его Дрейк.

«Ну почему он так спокоен? – лихорадочно думала Лаури. – Неужели не понимает, что этому обману рано или поздно придет конец? И зачем он только сказал, что мы поженились?»

Когда родители поднялись на второй этаж и скрылись из вида, она стремительно обернулась к Дрейку, горя праведным гневом и сжав кулаки. Он же безмятежно смотрел на нее. Лаури пришла в такое негодование, что готова была вцепиться ему в волосы. Он еще смеет изображать из себя

невинного младенца!

– Зачем вы это сделали, Дрейк! – трагическим шепотом напустилась она на него. – И как вам только в голову пришло сказать такую чушь!

– А что? Отличный вышел спектакль! За такой вполне «Оскара» можно получить. А вы должны мне быть благодарны, Лаури. Ведь я просто спас вас. Ваши родители сразу сделали правильные выводы, так что нужно было их как-то разубедить, – заметил он, включая свет. – А что мне еще оставалось делать? Невооруженным глазом было видно, что мы только что целовались, и неплохо доложу я вам, и...

– Прекратите сейчас же! – шикнула на него Лаури, топнув ногой. – Господи, Дрейк, что же мне делать? Родители считают, что мы с вами муж и жена... Что же будет, когда они узнают правду?

– Ничего особенного. Скажите им, что мы не сошлись характерами и расстались, – беспечно отозвался он.

Лаури бессильно опустилась на диван, закрыв лицо руками.

– Когда мы с Полем разошлись, они чуть с ума не сошли от горя. Я не хочу, чтобы они прошли через такое еще раз.

С минуту Дрейк молчал, потом не спеша сказал:

– Тогда я сам скажу им, что просто домогался вас. А вы расскажите им подробности нашего с вами здесь житья-бытья. Они поймут и простят. Ведь прощение – это как раз то, чем занимается ваш отец ежедневно, не так ли?

Его добродушное подтрунивание подействовало на Лаури, как удар хлыста.

– Не смейте, Дрейк! – гневно воскликнула она свистящим шепотом, и в глазах ее появился опасный блеск, вызванный отнюдь не отблеском каминного пламени.

Заметив это, Дрейк сразу стал серьезным:

– Извините. Я вовсе не собирался издеваться ни над профессией вашего отца, ни над вашим затруднительным положением.

Слова его прозвучали довольно искренно, и Лаури, вздохнув, сменила гнев на милость.

– Ладно, это неважно. Для вас, я уверена, все произошедшее не более чем забавный спектакль, а для меня это жизнь. И я не вынесу, если из-за меня будут страдать мои родители!

– Лаури, ну что вы такое говорите! – воскликнул Дрейк. – Ведь вам уже почти тридцать лет! У вас своя жизнь, у родителей – своя. Им в вашей жизни вряд ли все приходится по душе. И ничего тут не поделаешь. Это вечная проблема отцов и детей.

– Нет, вы не понимаете, – простонала Лаури. – Они всегда мне верили, во всем доверяли. Если бы я когда-нибудь совершила такой поступок, за который, несомненно, они бы меня не похвалили, то сделала бы все возможное, чтобы скрыть его. Но только ради них самих, а не ради меня.

– Но вы ведь ничего не сделали! – забывшись, воскликнул Дрейк, но тут же понизил голос. – Уж я-то знаю, насколько

вы целомудренны, поверьте. У меня до сих пор все болит.

При этих словах сердце у Лаури забилося чуть быстрее, и она поспешно отвернулась от него.

– Да, совесть моя чиста, и если бы я им все рассказала, они бы мне поверили. Просто... – Лаури пощелкала пальцами, пытаясь подобрать подходящие слова. – Просто мы с ними люди разных поколений. Они никогда, ни при каких обстоятельствах не одобряют того, что я живу с женщиной просто так, не выходя замуж. Наверное, вы никогда никого не любили так сильно, как я, и вам все равно, что о вас подумают.

Вдруг Лаури поняла, что говорить последних слов не стоило. Но слово не воробей: вылетит – не поймает. Черты лица его сразу как-то ожесточились, губы плотно сжались. Сунув руки в карманы джинсов, Дрейк резко отвернулся к затухающему камину.

На лестнице послышались шаги – это возвращались родители.

– Поступайте, как знаете. Я на все согласен, – тихо сказал он, не поворачивая головы.

Элис принялась щебетать еще с середины лестницы.

– Дрейк, она просто прелесть! Я уже ее люблю и жду не дожусь, когда она утром проснется, чтобы поиграть с ней.

Лицо матери светилось таким счастьем, что Лаури почувствовала себя преступницей.

– Простите, – быстро произнесла она. – Все еще никак не дойду до кухни, чтобы сварить вам кофе.

Она встала и направилась было на кухню, но отец остано-вил ее.

– Не стоит из-за нас беспокоиться. Староваты мы уже пить на ночь такой крепкий напиток. Вдруг не сможем заснуть. Так что лучше уж пойдем поищем пристанища, а утром, если все будет хорошо, вернемся.

– Чепуха, – вмешался Дрейк. – Куда вам идти на ночь глядя, в доме и так полно комнат.

– Ну что вы! – смутилась Элис. – Ведь у вас с Лаури медовый месяц...

– Ну и что, – пожал плечами Дрейк. – Одно другому не мешает. А ты как считаешь, дорогая?

– Я... не знаю, то есть... ну, конечно, оставайтесь, – про-бормотала Лаури, пытаясь понять, что он еще такое задумал.

– Рядом с кухней есть небольшая комната. Я там спал последние несколько дней, а сегодня так и так собирался пере-браться в другое место.

– Оно и понятно! – захохотал Эндрю, хлопнув мнимого зятя по спине. – Я бы, конечно, предпочел остаться у вас, чем тащиться в какой-то мотель. А ты что скажешь, мама? – обратился он к Элис.

О Лаури, похоже, все и думать забыли. А она при упоми-нании о «другом месте» наконец-то поняла, чего добивается Дрейк, и пришла в негодование, однако изменить что-либо было не в ее власти.

– Естественно, я была бы рада остаться здесь, поближе к

своей доченьке, – промурлыкала Элис.

– Решено, – твердо сказал Дрейк. – Я заберу кое-какие вещи из этой комнаты, а Лаури постелет постель, и вы наконец-то сможете поспать. Наверное, с ног падаете от усталости.

Последующие полчаса в доме царила суматоха.

Дрейк сновал из одной спальни в другую, держа в руках то бритвенные принадлежности, то какие-то личные вещи. Он успел облачиться в велюровый халат и, проходя по гостиной, то и дело подмигивал Лаури, которая сидела, выслушивая подробный отчет родителей о путешествии – сначала на самолете до Альбукерке, потом на машине до Уиспез – и бросала на него испепеляющие взгляды.

Потом она стелила чистое белье, аккуратно и не спеша, в надежде, что Дрейк зайдет в комнату. Ее так и подмывало поделиться с ним своими соображениями насчет предстоящей ночи, но он ее явно избегал. Наконец все приготовления были закончены. Дрейк обхватил Лаури обеими руками за талию и по-хозяйски прижал к себе.

– Рад, что у меня появился такой зять, как вы, Дрейк. Берегите мою дочь и любите ее. Большого я не прошу, – сказал отец.

– Обязательно буду, сэр, – торжественно пообещал Дрейк, и Лаури почувствовала непреодолимое желание пнуть его хорошенько в живот.

Пожилая чета направилась в свою спальню. Лаури по-

слушно пошла следом за Дрейком наверх, но как только за ними закрылась дверь, тут же накинулась на него:

– Я знаю, что вы замыслили, Дрейк, но и не мечтайте, ничего у вас не выйдет!

– А что я такое замыслил? – невинно спросил он и во второй раз за сегодняшний вечер принялся стаскивать свитер.

– Чтобы я спала с вами в одной постели.

– Ну что вы! Такого у меня и в мыслях не было – небрежно бросил он, расстегивая джинсы.

– Что вы делаете? – ахнула она.

– Раздеваюсь, по-моему. А вы как думаете? – и, продолжая свое занятие, заметил: – У меня, знаете ли, есть одно качество – я начисто лишен скромности. Так что, если вам неловко, отвернитесь.

Плавки на нем были бледно-голубого цвета, крохотные, плотно прилегающие. У Лаури отчего-то вдруг мурашки побежали по телу. Дрейк между тем стянул с себя джинсы, небрежно швырнул их на стул и, отвернувшись от нее, откинул одеяло на просторной кровати.

– Я буду спать внизу на диване, – заявила Лаури и достала из стенного шкафа одеяла.

– Как вам будет угодно. Однако имейте в виду, хоть ваш отец и священник, ничто человеческое ему не чуждо. Что вы скажете родителям, когда поутру они обнаружат вас в гостиной? Что молодожены поссорились?

Лаури готова была влечь ему хорошую пощечину, но,

когда обернулась, увидела, что опоздала – он уже лежал в постели, укрывшись до пояса одеялом.

– Я проснусь до того, как они встанут.

– Рад, что вы все предусмотрели. – Дрейк зевнул и опустил голову на подушку. – Спокойной ночи.

Не придумав достойного ответа, Лаури вылетела из комнаты с одеялами в руках и начала осторожно спускаться по лестнице, освещенной лишь отблесками в камине.

Внезапно комната озарилась ярким светом – кто-то включил люстру, – и Лаури вздрогнула от неожиданности.

– О Боже! Я тебя не напугала? Как раз собиралась подняться к тебе и попросить несколько одеял, – раздался голос Элис. – Я решила спать на диване. Папа так сильно храпит, особенно когда устанет, что я глаз не сомкну до утра. А ты куда это несешь?

– Я... я подумала, вдруг вы с папой замерзнете. Сейчас по ночам довольно свежо... – выкрутилась она, а в голове тем временем билась навязчивая мысль: «Что же теперь делать? Мама собирается спать на диване...»

– Ну, теперь-то я уж точно не замерзну. В крайнем случае, подброшу в камин еще одно полено. А папа, сама знаешь, спит так крепко, что его и пушкой не разбудишь. Так что отправляйся наверх к своему мужу и перестань беспокоиться о нас, Мама чмокнула Лаури в щеку и принялась устраиваться на диване. Она была в халате, который младшая дочь подарила ей на прошлое Рождество. Знакомый запах крема

явственно напомнил Лаури детство, когда мама заходила к ним с сестренкой в спальню подоткнуть поуютнее одеяло и пожелать им спокойной ночи.

– Доброй ночи, мамочка, – тихонько проговорила она и пошла наверх.

У дверей спальни Лаури остановилась. Ей вдруг пришла в голову мысль, что можно было бы переночевать в комнате Дженифер. Но она тут же отмела ее. Кровать у малышки была односпальная, и если она вдруг нечаянно разбудит девочку, как объяснить свое присутствие в ее комнате? Выбора нет: придется идти к Дрейку и лечь на его широченную кровать.

Лаури осторожно приоткрыла дверь, надеясь, что он уже заснул. Надежды оказались напрасными. Дрейк моментально повернулся к ней лицом и насмешливо поглядел на нее. Лунный свет, струящийся через окно, падал на кровать, и Лаури отчетливо разглядела под одеялом его силуэт. Сердце отчего-то быстрее забилось в груди.

– Что, передумали?

– Вовсе нет! – с вызовом ответила она. – Просто на диване спит мама. Папа храпит во сне, и она решила уйти в другую комнату.

– Надеюсь, вы не унаследовали от отца эту дурную привычку, – ворчливым голосом проговорил Дрейк и, откинувшись на подушку, повернулся к ней спиной.

Нет, каков нахал! Лаури едва не задохнулась от возмуще-

ния. Просто несносный тип! Она пошла в ванную и, все еще пылая гневом, принялась чистить зубы и умываться, стараясь как можно меньше шуметь. Потом решительно скинула с себя халат и направилась к спальне, но у дверей в ужасе остановилась. Что же это она делает? Хоть и привыкла за последнее время спать без ничего, но не станешь же в таком виде ложиться в постель с посторонним мужчиной.

Лаури открыла шкаф, вытащила оттуда трусики и бюстгальтер, надела их. Немного, конечно, но уж лучше, чем ничего. Можно было бы лечь в халате, но до Утра будешь мокрая, как мышь. А, ладно, и так сойдет! Под одеялом он все равно ничего не разглядит. Лаури на цыпочках добралась до кровати, залезла под одеяло и улеглась на самом краешке. Положив голову на подушку, она закрыла глаза, дав своему телу команду расслабиться. Когда ей это почти удалось, из темноты вдруг раздался голос:

– Ну что, нацепили свои доспехи?

– Заткнитесь и оставьте меня в покое! – рявкнула Лаури, но голос ее прозвучал не очень убедительно.

– Что я и собираюсь сделать, – ответил Дрейк. – На какое-то время. А там видно будет.

И он, похлопав ее под одеялом по попке, повернулся на другой бок.

«Ну и слава Богу, – с облегчением подумала Лаури. – Хоть не пристаёт. Радоваться надо». Но на самом деле радости почему-то не было.

Мягкий сиреневый рассвет забрался в спальню. Но не этот предвестник утра пробудил Лаури от глубокого сна. Она лежала на животе, зарывшись лицом в подушку. Внезапно она ощутила теплые прикосновения к спине. Лаури пребывала в блаженном состоянии между сном и бодрствованием и не сразу догадалась, что это такое. Но хотелось, чтобы это восхитительное «что-то» длилось вечно.

Чьи-то ловкие пальцы расстегнули застежку бюстгалтера, и тоненькая полоска ткани распалась надвое. Лаури, наконец, сбросила с себя остатки сна.

– Дрейк? – прошептала она.

– Что? – послышался его голос.

Невозможно было злиться на него – ведь он своими умелыми руками вызывал в ней такие потрясающие чувства.

– Что вы делаете? – задыхаясь, пролепетала она.

– Завтракаю, – пробормотал он, легонько касаясь губами ее теплых, мягких плеч.

Руки его заскользили по ее бедрам, добрались до округлой попки, погладили ее.

– Просто восхитительный завтрак, – едва слышно выдохнул он.

Влажный, шелковистый язык одаривал вниманием каждую клеточку ее спины, и Лаури, еще глубже зарывшись лицом в подушку, не смогла сдержать стоны.

Дрейк прижал ее к кровати и продолжил сладкую пытку. Добрался до талии и начал сначала – теперь уже снизу вверх.

Дойдя до подмышки, Дрейк осторожно перевернул Лаури лицом вверх и, откинув с ее лица спутанные волосы, заглянул в сонные янтарные глаза.

– Доброе утро, – сказал он.

– Доброе утро.

Он потянул за ляпочки бюстгальтера – тот легко соскочил – и взглянул на нее – теплую и розовую со сна. Лаури закрыла глаза, не в силах выдержать его горящего взгляда.

Она почувствовала на себе горячее тело Дрейка. Приподнявшись на локтях, он стал осыпать мелкими, жгучими поцелуями нежную кожу ее плеч. Лаури уже была готова плакать от счастья. Потом губы его коснулись ее ключицы, шеи и, наконец, губ, которые, мягкие и податливые, казалось, уже нетерпеливо ждали этого.

Усилия его не пропали даром – Лаури ответила на его поцелуи с такой страстью, какой ни он, ни она не ожидали.

Однако чувство голода, снедавшее Дрейка, не было удовлетворено, и странное ощущение вдруг овладело им. С одной стороны, ему хотелось, чтобы он наконец-то насытился, а с другой – чтобы как можно дольше оставался голодным.

– Какая ты теплая, мягкая... Такая милая... – шептал он, склоняясь все ниже и устремив взгляд на ее грудь, ждущую прикосновений его губ. И когда, наконец, рот его сомкнулся вокруг розового бутона, Лаури, вздрогнув, с силой сжала руками его плечи и, выдохнув его имя, тихонько застонала. Она старательно отбрасывала от себя всякие ненужные

мысли, желая только одного – наслаждаться выпавшим на ее долю счастьем, но они все кружили и кружили над ней, как коршуны. Лаури прекрасно понимала, что Дрейк сейчас находится во власти безудержного желания. Но это сейчас, а что будет потом, когда он утолит свою жажду? Уйдет невредимым, оставив ее с разбитым сердцем? Ведь он не любит ее! Им движет одна мысль – похоть... Нет! Она не должна этого допустить! Можно вынести все – его насмешки, притворство, презрение, гнев, но только не безразличие. А оно непременно им овладеет, после того, как он добьется своего.

Все это, конечно, так... Умом-то Лаури все понимала, но со своим телом ничего поделать не могла. Сама, сладострастно изгибаясь, прижималась к его сильной груди. А он, уже оставив ее сосок в покое, скользнул губами ниже, лаская нежную, благоухающую кожу ее живота.

Пальцы пришли на помощь губам. Вот они уже коснулись горячей влажности между ног... Лаури резко вздрогнула и моментально пришла в себя. Интересно, понимает ли он, кто лежит под ним? А что если думает о Сьюзен? Представляет...

В панике и гневe Лаури со всей силы руками уперлась в его плечи.

– Не надо, Дрейк, пожалуйста!

Подняв голову, он увидел искаженное страданием и залитое слезами, которых Лаури не ощущала, лицо. Скапливаясь в уголках глаз, слезы бежали по щекам и исчезали в спутан-

ных прядях рыжевато-каштановых волос, разметавшихся по подушке.

– Что с вами, Лаури? – ласково спросил он и, приподнявшись на локте, вытер одну слезинку рукой, а другую слизнул языком. – Я не собираюсь вас насиловать.

В голосе его не было насмешки.

– Похоже, я поступаю несколько не по-людски. Ваши родители так радушно приняли меня в свою семью, что я просто не имею права овладеть вами, как бы я этого ни хотел. Ведь они спят себе внизу в полной уверенности, что мы с вами муж и жена. – Он провел пальцем по ее виску, стирая остатки слез, и прошептал: – Не нужно меня бояться. – И только коснулся губами ее губ.

Его горячее дыхание опалило ее лицо.

– Об одном прошу. Позвольте еще раз прикоснуться к вашей груди.

Он, наклонив голову, припал к груди. И не было в его жесте страсти, лишь тихая нежность. Лаури охватило ощущение тепла и покоя.

Наконец Дрейк выпустил ее из своих объятий и спрыгнул с кровати. Натягивая джинсы, бросил через плечо:

– По-моему, Дженифер проснулась. Пойду одену ее. Встретимся внизу.

Он подошел к двери, но на пороге остановился:

– За то, от чего я сегодня отказался, меня, бесспорно, можно причислить к лику святых.

Он ласково улыбнулся Лаури и вышел из комнаты.

«Что ж, пока все идет отлично», – с облегчением подумала она.

Глава десятая

Однако на самом деле все оказалось не так уж хорошо, и Лаури вскоре не замедлила в этом убедиться. Сидя за столом с родителями, Дрейком и Дженифер, она чувствовала себя преступницей. Мама вызвалась приготовить роскошный завтрак в честь новобрачных, и одного этого было достаточно, чтобы Лаури мучилась чувством вины.

За столом Элис потчевала присутствующих рассказами об Элин и ее семье, показывала фотографии двух ее сынишек, которые Дрейк рассматривал с должным вниманием. Потом добралась до Лаури и принялась вспоминать смешные случаи из ее детства. Лаури то краснела, то бледнела, а Дрейк то и дело заливался веселым смехом. Со стороны казалось, что он наслаждается происходящим, но Лаури знала, что это далеко не так. Просто играет очередную роль – на сей раз новоиспеченного зятя, который из кожи вон лезет, чтобы произвести на тестя с тещей благоприятное впечатление.

Он расточал комплименты матери Лаури, а когда отец взялся рассказывать по своему обыкновению какую-то длинную и нудную историю, слушал с глубочайшим вниманием. Потом разговор зашел о пресловутой мыльной опере, в которой снимался Дрейк. Элис не терпелось узнать мельчайшие подробности закулисной жизни артистов. Кто за кем замужем, так же хороша главная героиня в жизни, как в кар-

тине, разрешают ли актрисам брать себе платья, в которых они снимаются, кто готовит еду для съемок? И так далее, и тому подобное. Дрейк терпеливо и обстоятельно отвечал на все вопросы и даже несколько приукрашивал свой рассказ, чтобы сделать его еще более занимательным.

Все слова сопровождались жестами. Для Дженифер. Хотя та мало что понимала из разговора. Семья Перриш привыкла постоянно пользоваться языком жестов, поскольку старшая дочь Элин была глухонемой, и делали это они автоматически. Дженифер и родители Лаури с первого взгляда полюбили друг друга.

Были ли у Дженифер другие бабушка и дедушка, Лаури понятия не имела. Родители Дрейка умерли, а о его жене она почти ничего не знала и как-то ни к чему было спрашивать, видятся ли ее родители со своей внучкой.

После завтрака Дрейк вызвался помочь Элис помыть посуду. Эндрю устроился в гостиной с газетой, а Дженифер усе-лась у него на коленях с книжкой комиксов.

Лаури отправилась наверх убирать постель. Внезапно ей стало до того жаль себя, что комок подкатил к горлу и слезы готовы были брызнуть из глаз, но она усилием воли подавила их. Как было бы чудесно, если бы они с Дрейком и вправду поженились. А так... Обман и ложь! Дрейк оттачивает свое актерское мастерство в новой роли и, надо отдать ему должное, играет блестяще. Может гордиться собой.

Застилая просторную постель, в которой они спали ря-

дышком совсем недавно, Лаури вспомнила, каким Дрейк был ласковым и нежным, и она отвечала ему с такой готовностью, как до него ни единому мужчине. Воспоминания вдруг нахлынули на нее, воспоминания о ее прежней жизни. Жизни с Полем...

В первую брачную ночь она легла в его постель девушкой. Под его нетерпеливым руководством ее посвящение в любовь не произвело на нее должного впечатления – если не сказать по-другому, – и Лаури решила, что все рассказы о прелести любовных утех явно преувеличены. А может, она сама ждала слишком многого?

Живо припомнилась одна ночь. Поль тогда работал над очередной песней, которая ему никак не удавалась, и это приводило его в бешенство. Обычно когда он бывал раздражен, то бесцеремонно будил ее и заставлял выполнять супружеские обязанности, ища тем самым выход своему недовольству. Так было и на этот раз. Лаури, еще не до конца проснувшись, сделала то, что от нее требовалось. Удовлетворив свою похоть, Поль встал и принялся натягивать джинсы.

– Ты явно не перетрудишься. Лежишь себе, как бревно! – вдруг едко бросил он.

Лаури будто по щеке ударили. Да как он смеет! Ни нежности, ни любви она от него не видит. Хотя бы погладил, попытался ее как-то подготовить... Так ведь нет! Бросается на нее, как дикий зверь, да еще требует от нее страсти.

Сон как рукой сняло. Сев в кровати, Лаури порывисто

воскликнула:

– Я тебе не выключатель, Поль! Захотел – включил, не захотел – выключил. Если бы ты действительно любил меня, то прежде, чем лезть ко мне, хотя бы поцеловал...

– Не смей меня учить! Я и сам знаю, что нужно делать!

– Так покажи мне! – закричала Лаури. – Я хочу научиться доставлять тебе удовольствие!

Она жаждала его любви. И тело, и душа кричали об одном: «Только будь со мною поласковее, и я все для тебя сделаю!»

Он с шумом, словно ставя точку, застегнул «молнию».

– Да что толку! Ты навсегда останешься святошей, славной дочерью своего папаши-ханжи!

С этими словами он повернулся и вышел из спальни, а Лаури разразилась рыданиями и не успокоилась до тех пор, пока не заснула.

И теперь, стоя перед кроватью, на которой спал Дрейк, и разглаживая покрывало, Лаури вздрогнула, вспомнив, какими нежными были его прикосновения. Он ласкал ее так, как Полю никогда и в голову не приходило. С любовью смотрел он на ее тело, изучал его, любил его, а не просто использовал. Лаури всегда с ужасом ждала того момента, когда плоть Поля соединится с ее плотью. Уже не говоря о боли, которую она при этом испытывала, Лаури считала это грубейшим насилием.

Она инстинктивно догадывалась, что с Дрейком такого не будет. Он возьмет ее, словно бесценный дар, и, насладив-

шись им, в свою очередь одарит ее, и она, Лаури, познает всю полноту наслаждения.

Приказав себе больше не думать об этом, Лаури быстро оделась и сошла вниз с твердым намерением позаниматься со своей ученицей. Но Дженифер оказалось не так-то просто согнать с теплых коленей своего нового дедушки. Она ни за что не хотела отправляться с Лаури в классную комнату, но строгая учительница стояла на своем – ведь вчера они целый день бездельничали, поскольку ездили в Альбукерке.

«Неужели это было только вчера?» – подумала она. На помощь Лаури пришел отец – он попросил разрешения посидеть на уроке, и Дженифер сменила гнев на милость. Лаури понимала, что отец будет ей только в помощь – он заставит ее ученицу, обычно постоянно отвлекающуюся, сконцентрироваться на уроке. Подобный опыт у него уже имелся – в свое время он обучал Элин.

Дрейк тоже предложил свою помощь – но уже Элис. Спросил, не хочет ли она осмотреть город, и та пришла в восторг от его приглашения. Пообещав вернуться к ленчу, они уехали.

Ленч оказался еще более праздничным, чем завтрак.

Все, казалось, наслаждались жизнью, обмениваясь утренними впечатлениями. Все, кроме Лаури. Она чувствовала раскаяние. «Так не может больше продолжаться! – не давала покоя навязчивая мысль. – Но что же делать?»

Угрюмо насупив брови, думала она свою невеселую думу.

Дрейк время от времени бросал взгляд в ее сторону, и на лице его появлялось озадаченное выражение. «Нечего притворяться, будто не знаешь, что со мной происходит!» – негодовала Лаури, бросая на него гневные взгляды.

– У вас тут столько ручейков стекает с гор. – Голос отца прервал ход ее невеселых мыслей. – Вы ходите на рыбалку?

– Да, сэр. Хотите, пойдём сейчас?

– Я бы с удовольствием, только не взял с собой соответствующей одежды.

Отец был явно раздосадован этим обстоятельством.

– Ну, у нас здесь все без церемоний, – рассмеялся Дрейк. – Никаких особенных костюмов и не нужно. Можем просто постоять на берегу да поудить на муху. Ну как, уговорил?

Дрейк улыбнулся своей ослепительной улыбкой, и Лаури разозлилась на себя – надо же, он ведет себя как ни в чем не бывало, а она только и делает, что дергается!

– Может, и в самом деле сходишь, дорогой? – поддержала Дрейка мама. – Ведь тебе предстоит целых три дня провести взаперти на всяких там совещаниях и заседаниях, а горный воздух пошел бы тебе только на пользу.

Эндрю задумчиво потер пальцем переносицу. Взгляд его остановился на Дженифер, и он, протянув руку, потрепал малышку по кудрявой головке.

– Только если с нами пойдет Дженифер, – сказал он. – Пойдешь? – жестом спросил он ее.

Девочка живо обернулась к Лаури. Как и всякий ребенок,

она прекрасно понимала значение слова «идти».

– Куда, Лаури? – спросила она, быстро-быстро перебирая пухлыми ручонками.

– Ловить рыбу, – объяснила Лаури, но по недоуменному взгляду девочки догадалась, что та не понимает, о чем идет речь.

– Пойдем с нами, Лаури – предложил Дрейк. – Для Дженифер это будет отличный урок.

– Нет, я должна остаться дома с мамой.

– Ну что ты, дорогая, в этом нет никакой нужды, – тут же вмешалась Элис. – Во-первых, я захватила с собой вязание, а во-вторых, хочется немного вздремнуть. Дома я не могла позволить себе такую роскошь – телефон прямо-таки разрывался целыми днями.

– Значит, решено, – подытожил Дрейк, вставая. – Пошли, Эндрю, проверим снаряжение. Оно на заднем дворе в сарае.

Эндрю не нужно было повторять дважды – он тут же устремился следом за Дрейком, а за ним засеменила Дженифер.

– Лаури, дорогая, иди пока переоденься, а посуду я сама помою, – сказала Элис и принялась убирать со стола.

– Ладно, – уныло согласилась Лаури.

Все шло своим чередом. Лаури бессильна была что-либо изменить и, поняв это, махнула на все рукой.

Она переделалась в самые старые джинсы и туфли, которые не жалко было, если придется вывозить в грязи. Взяла курт-

ки для Дженифер и для себя, несколько старых одеял и спустилась вниз. В кухне Элис тоже без дела не сидела. Складывала в большую дорожную сумку домашнее печенье, фрукты, прохладительные напитки и термос с кофе.

– Мамочка, куда же ты столько набираешь! – ужаснулась Лаури. – Мы ведь через час уже вернемся домой.

– Знаю. Но на свежем воздухе обычно так хочется есть, – возразила она.

– Ничего, что мы оставляем тебя одну?

– Ну конечно! Скоро я постоянно буду на людях, так что сейчас хочется насладиться тишиной.

Все четверо помахали ей на прощание и направились к подножию гор. Шествие возглавлял Дрейк. Он нес почти все рыболовные снасти, однако Эндрю вызвался помочь – ему достались одеяла и коробочка с крючками и поплавками. Дженифер тащила маленький садок для рыбы и свою любимую игрушку – кролика, а Лаури – провизию, которой снабдила ее мать.

Подходящее местечко удалось найти без труда. Природа здесь была великолепная. Осень стояла в самом разгаре. Осины, в изобилии растущие у подножия гор, шумели золотистой листвой; под ногами шуршали опавшие листья. Дрейк облюбовал для рыбной ловли ручеек, который, журча, спускался с гор. Кристально чистая вода сверкала в лучах яркого солнца. Над головой раскинулось лазурное небо, воздух был свежий, бодрящий. Казалось, пей его – не напьешь-

ся. В общем, отличный осенний денек!

Достав снасти, мужчины приступили к рыбной ловле. Дрейк предупредил, чтобы на многое Эндрю не рассчитывал, и его прогноз оправдался: в основном они проводили время, забрасывая в ручей спиннинги, а потом сматывая их. Несколько раз на крючок попадалась небольшая форель. Дженифер внимательно рассматривала ее со всех сторон, а потом рыбешку бросали обратно в воду.

Девочке не терпелось узнать как можно больше. Она забросала Лаури вопросами о том, что как называется, и та едва успевала отвечать. Ей очень нравилась рыбалка, но, когда Лаури сказала, что рыбу обычно ловят для того, чтобы есть, нижняя губка Дженифер начала подозрительно дрожать, и Лаури поспешно отвлекла внимание девочки, переводя разговор на другую тему – показала малышке белку, весело прыгающую с дерева на дерево. Потом Лаури хотела объяснить своей ученице, откуда мы берем еду и мясо, но, заметив, что девочка перевозбуждена увиденным, решила перенести этот урок на другое время и в другое место.

Вернулись мужчины. Им надоело ловить рыбу, они проголодались, были убеждены, что устали, и хотели отдохнуть. После еды Дрейк встал и направился было обратно к ручью, но Эндрю его остановил.

– Ну, пожалуй, хватит, – сказал он. – Сейчас отведу Дженифер домой, и мы почитаем книжку или поиграем.

– Я пойду с вами, – быстро подхватила Лаури.

– Нет-нет! Я и сам найду дорогу, кроме того, мне хочется побыть одному с внученькой. А ты оставайся с мужем. Я ведь не забыл, что у вас медовый месяц. Не буду вам мешать.

И Эндрю подмигнул Дрейку, который широко ухмыльнулся в ответ своему мнимому тестю. Лаури почувствовала сильное желание вlepить ему пощечину. Но поделаться ничего не могла – волей-неволей придется остаться с ним здесь один на один. Чтобы оттянуть минуту расставания, она застегивала Дженифер курточку как можно дольше. Но все на свете имеет конец. Скоро Эндрю и Дженифер ушли, оставив «молодоженов» наедине. Лаури слышала, как по дороге отец объяснял малышке, что такое осенние листья.

– Правда уютно? – спросил Дрейк, придвигаясь к ней поближе. – Давайте завернемся в одеяло. Лаури резко оттолкнула его.

– Приберегите ваши сладкие речи для другого случая, – резко ответила она. – Здесь, кроме нас, никого нет. Так что нечего разыгрывать из себя любящего молодожена. Увольте!

– Похоже, одно мое присутствие вас из себя выводит, верно?

Он почти вплотную приблизил к ней свое лицо, и Лаури разглядела в его зеленых глазах золотые и рыжеватые крапинки.

– Да! – с вызовом бросила она.

– Советую быть поосторожнее, – нараспев протянул Дрейк и погрозил ей пальцем. – А то очень уж заметно.

– О чем это вы?

Схватив Лаури за подбородок своими сильными пальцами, Дрейк заставил ее смотреть ему прямо в глаза.

– Если бы я был вам так уж безразличен, вы бы не злились на меня, – едва слышно прошептал он и, прежде чем Лаури успела ответить, крепко поцеловал ее в губы и вскочил.

Лаури смотрела, как он небрежной походкой направляется к берегу ручья. Внутри все клокотало от гнева, но, вдумавшись в его слова, Лаури поняла, что он прав. Зачем она себя мучит? Гнев – только одно из чувств, которые он пробуждал в ней. Были и другие, и их она не могла скрыть.

Изобразив равнодушие, которого она вовсе не испытывала, Лаури повернулась к Дрейку спиной и растянулась на одеяле. Осеннее солнышко ласкало ей лицо, и Лаури закрыла глаза, целиком отдавшись волшебному теплу. Знал бы он, как волнует ее каждый его поцелуй, каждое прикосновение! Сердце готово выскочить из груди при одном воспоминании о его сегодняшних ласках. Незаметно для себя Лаури задремала.

Внезапно она проснулась – что-то щекотало ей ухо. Лаури попыталась отмахнуться, но Дрейк – а это был он – не дал. Придерживая ее руку, он продолжал покусывать мочку уха. Потом губы его скользнули к шее и принялись покрывать ее легкими поцелуями, от которых у Лаури закружилась голова.

Отогнув ворот рубашки, чтобы было удобнее, он опустился все ниже, и Лаури невольно вытянула шею, давая ему

больше простора для деятельности. Наконец Дрейк поднял голову и пристально взглянул на нее.

– Похоже, будить вас уже вошло у меня в привычку, – заметил он. – Должен сказать, однако, что выглядите вы просто потрясающе.

– Лгун! Я выгляжу ужасно. Со сна видок у меня, наверное, тот еще!

– Неправда! – вкрадчивым голосом произнес Дрейк. – Вы всегда выглядели божественно, даже в тот первый день, когда я вас увидел. Помните, вы еще стояли у этого бутафорского столика страшно напуганная, но полная решимости постоять за себя.

Лаури рассмеялась:

– Вы тогда нагрубил... как ее... кажется, Луизе. Ведь так ее звали? – Дрейк кивнул. – Надо же догадаться, сказать женщине, что от нее несет пиццей с анчоусами!

– Да не было никогда такого! – возмущенно воскликнул Дрейк.

– Как это не было! Муррею даже пришлось... – Лаури замолчала, поняв, что он ее разыгрывает, и оба они расхохотались. – Не представляю, как можно целоваться с тем, кого не выносишь, и так, чтобы зрители при этом умилялись: ах, как они любят друг друга.

– Ну, это очень легко, – улыбнулся Дрейк. – Этому обучают уже на первом курсе актерского факультета.

– Правда? – не поверила Лаури.

– Ну да! – хвастливо проговорил Дрейк. – Ну-ка, сядьте на минутку.

Лаури села к нему лицом.

– Итак, приступим, – профессорским тоном начал Дрейк. – Первый поцелуй, с которого обычно начинают, этакий небрежный, легкий, таким рассеянный муж обычно одаривает свою жену. Вот так. – И Дрейк чмокнул в воздухе губами где-то в районе ее виска. – Или вот так. – И он, легонько коснувшись губами ее щеки, поспешно отвернулся. – Можно вложить в этот поцелуй немного больше чувства, если он предназначен для какой-нибудь незамужней тетушки, которая нежданно-негаданно заявила к вам в гости, или для близкого друга семьи.

– Вы это серьезно? – сухо спросила Лаури.

– Абсолютно. Мы даже сдавали по поцелуям экзамен.

– Экзамен по поцелуям?! – поразилась Лаури.

– Ага. И я получил отлично! – похвастался Дрейк и радостно улыбнулся, блеснув из-под усов зубами.

– Не сомневаюсь.

– Ну что, продолжим урок? – нетерпеливо спросил он.

Лаури кивнула.

– Так вот. Есть еще один вид поцелуя. Поспешный и грубый. Он обычно продиктован каким-то сильным чувством – страхом, гневом, отчаянием. Выполняется он вот так.

Дрейк, как клещами, вцепился в ее руку и, рывком пригнул к себе, впился в ее губы. Лаури и ахнуть не успела, как

он уже оттолкнул ее от себя.

– Поняли, где тут собака зарыта? Губы должны быть плотно сжаты, – менторским тоном произнес он.

– Хоть за это спасибо, – пробормотала Лаури, осторожно коснувшись пальцем саднивших губ.

– Но самый важный поцелуй, конечно, это поцелуй любовников, – ровным голосом продолжал Дрейк. – Чтобы как следует его отработать, обычно репетируют очень долго. Он должен выполняться убедительно, так, чтобы зрители поверили. Обычно актер обнимает свою партнершу вот так. – Дрейк крепко обнял ее. – Потом губами касается ее губ, так, чтобы у публики не создалось впечатление, что ее дурачат. Потом актер...

Дрейк не смог закончить фразу – губы его прижались к губам Лаури. Та, всецело отдавшись этой игре, обвила его руками.

Однако продолжать поцелуй Дрейк не стал.

Подняв голову, он пристально взглянул на Лаури зелеными глазами.

– Существует еще один поцелуй. Он называется недвусмысленным, – хрипло проговорил он. – Вот он-то интересный. Давайте попробуем.

С этими словами Дрейк опрокинул ее на одеяло, а сам лег сверху. Кончиком языка коснулся он уголков ее губ, потом нижней губы и, наконец, проник в сладкую влажность ее рта. Лаури с жаром ответила. Наконец, задыхаясь, они отпрянули

друг от друга.

– Вы, оказывается, не только были отличным учеником, но и стали прекрасным преподавателем, – нетвердым голосом проговорила она.

– Только с одаренными ученицами, – усмехнулся он.

Играя серебристо-каштановыми прядями его волос, Лаури ревниво спросила:

– И много было таких?

– С тысячу наберется. – Он провел пальцем по ее губам – у Лаури перехватило дыхание – и продолжал. – Когда Сьюзен стала брать уроки актерского мастерства...

Палец замер. Имя так и повисло в воздухе, невидимое, но оттого не менее весомое. В зеленых глазах, только что таких ласковых и нежных, появились холодные льдинки. Несколько секунд они лежали, чувствуя, как нарастает напряжение. Первым пошевелился Дрейк.

– Может, вернемся домой? – предложил он, отодвигаясь от Лаури подальше.

Она лишь кивнула. Ответить была не в силах – в горле застрял горячий комок.

Молча собрали вещи. Лаури казалось, что свет померк. Сьюзен... Вечно эта Сьюзен!

Они направились к дому по дорожке, усыпанной яркой осенней листвой. Дрейк попытался завязать разговор, но, почувствовав тщетность своих попыток, замолчал. Поняв, видимо, что Лаури не до разговоров.

Подойдя к дому, они увидели рядом с «Мерседесом» и машиной, которую взяли напрокат родители Лаури, незнакомый небольшой фургон.

– Кто это к нам пожаловал? – спросил Дрейк, подходя к входной двери.

– Не знаю, – отозвалась Лаури. – Во всяком случае, не Бетти.

Дрейк распахнул дверь и пропустил ее вперед. Лаури вошла в дом и зажмурилась, ослепленная вспышками невесть откуда взявшихся кинокамер. Ошеломленная, она испуганно попятилась и инстинктивно прижалась к Дрейку. Тот крепко обнял ее.

– Какого черта! – воскликнул он. Последовала еще одна вспышка.

– Ну, пока хватит, сынок, – послышался голос Эндрю. – Дайте им хотя бы войти в дом.

Наконец, когда ярко-красные круги перед глазами сменились бледно-желтыми, Лаури с Дрейком разглядели незнакомого молодого человека с кинокамерой в руках. Одет он был в джинсы, кроссовки, куртку и спортивного покроя рубашку, с которыми как-то не вязался строгий темный галстук.

– Привет, мистер Слоун. Я Боб Скотт из «Скуп шит». Ну и удивили же вы нас!

Он восторженно затряс головой, его торчащие во все стороны космы заколыхались, и вся голова стала похожа на огромную лохматую губку.

Лаури понятия не имела, что этот нагловатый молодой человек делает здесь в компании ее родителей и Дженифер, восседающей у Эндрю на коленях и с живым интересом наблюдающей за происходящим. Однако о печатном издании, которое назвал Боб Скотт, она знала. Это был еженедельный журнал, пачками продававшийся по всей стране в бакалейных лавчонках и мелких магазинчиках, торгующих всякой всячиной. Обычно он пестрел сенсационными заголовками и был битком набит всякими не вполне правдоподобными историями о жизни сильных мира сего. «Что ему здесь понадобилось?» – недоумевала она.

Возбужденный донельзя представитель прессы опять взялся за свою кинокамеру, но голос Дрейка остановил его.

– Не могли бы вы оставить эту... – тут у него чуть не сорвалось ругательство, но искоса взглянув на Эндрю с Элис, он спохватился, – вашу... кинокамеру в покое и сказать мне, что вам нужно в моем доме.

Самоуверенности у Боба Скотта сразу несколько поубавилось. И немудрено – тон Дрейка не предвещал ничего хорошего.

– Я... я... видите ли, сэр, я гоняюсь за вами уже несколько недель. Тут было множество разных толков насчет того, почему вы больше не снимаетесь в «Отклике сердца». Ваш продюсер или режиссер, как бишь его... ага, Муррей, был нем, как рыба. Наконец мне удалось вытянуть из одного оператора, что вы поехали в Нью-Мексико, чтобы какое-то вре-

мя побывать со своей дочерью. Я напал на ваш след – аэропорт, машина, взятая напрокат, и прочее – и, наконец, сегодня обнаружил вас здесь.

– Ну и теперь, когда вы меня здесь обнаружили, что вы хотите из меня вытянуть?

Дрейк на своем веку перевидал множество репортеров самых разных скандальных газетенок и хорошо знал, что от них просто так не отвяжешься. Лучшее средство поставить их на место – это держать себя понаглее.

– Ну, я думаю, узнав о вашей женитьбе, все отпадут! – осклабился репортер, но, столкнувшись с ледяным взглядом Дрейка, понял, что зашел слишком далеко и, смешавшись, пробормотал, обращаясь к Элис и Лаури. – Прошу прощения у дам.

Лаури стояла ошарашенная. Никак не могла поверить в случившееся. Со страхом ждала она, что Дрейк сейчас станет все отрицать. Что же она тогда скажет родителям?!

Но тут к Дрейку подошла Элис и умоляюще положила руку ему на плечо:

– Дрейк, простите меня ради Бога. Он приехал вскоре после того, как вы ушли. И начал, и начал... Тараторит, закидывает меня вопросами... Не знаю, как получилось, что я ему рассказала про вас с Лаури. Я так виновата, ведь вы хотели некоторое время держать вашу женитьбу в секрете. – Голос ее дрогнул. – Простите меня...

– Ну что вы, – ласково сказал Дрейк и, отпустив нако-

нец, талию Лаури, по-отечески обнял Элис за плечи. – Я ведь знаю, что репортер, почуявший сенсацию, может выудить у тебя все, что ему нужно. Кроме того, вы избавили меня от хлопот самому уведомлять прессу о нашем событии.

Если бы Лаури уже не любила его, после этих слов чувство это непременно бы возникло. Какой же он молодец! А ведь мог просто-напросто выругать ее мать, поскольку – Лаури отлично это понимала – такой поворот событий его вовсе не устраивал.

После этих слов Боб Скотт вздохнул с облегчением и поспешно сказал:

– Не считите за грубость, мистер Слоун, но девочку вы отхватили, что надо.

И он подмигнул Лаури, которая все еще стояла, как столб, не в силах поверить в происходящее.

– Только не особо об этом распространяйтесь, – ухмыльнулся Дрейк и сурово нахмурил брови, изображая из себя этакое грозного мужа. – Хочется, чтобы хоть какое-то время мы побыли одни, а ваша братия покоя не даст, это уж точно.

Лаури видела, что он пустил в ход свое актерское обаяние, и этот наглый репортер уже смотрит ему в рот.

– Полагаю, вы уже успели познакомиться с родителями моей жены? – учтиво спросил Дрейк. Боб Скотт кивнул.

– А это моя дочка, Дженифер. Дрейк взял девочку на руки и ласково погладил ее по спине.

– Мы все знали, что у вас где-то есть маленькая дочка, которую вы почему-то от нас скрываете. Это из-за того, что она глухая?

Лаури ахнула, ожидая, что сейчас последует мощный удар в челюсть. Однако ничего подобного не произошло. На секунду лицо Дрейка исказила гримаса боли, но тут же, справившись с собой, он ровным голосом проговорил:

– Нет. Я хотел защитить ее от людей, которые не столь деликатны, как вы, мистер Скотт. А стыдиться своего ребенка мне нечего!

Репортер нервно облизнул губы и пробормотал:

– Ну что вы, мистер Слоун. Я вовсе не это имел в виду... то есть...

– Поздоровайся с Бобом, – жестами попросил Дрейк девушку, прервав тем самым лепет незадачливого репортера.

Дженифер выполнила просьбу отца, улыбнувшись своей ангельской улыбкой, которая привела в умиление всех присутствующих.

– А как мне ответить? – спросил Боб Скотт.

Дрейк показал, и Дженифер весело рассмеялась, когда тот неуклюже повторил. «Иди к бабушке», – жестами сказал Дрейк своей дочурке и, когда малышка подчинилась, нагнулся и погладил ее по головке.

– А это Лаури. Учительница Дженифер, – сказал он, выпрямившись.

И, подойдя к ней, по-хозяйски обнял за талию.

– Здорово! А как вы познакомились?

Дрейк раздул историю их знакомства до невероятных размеров, но рассказал настолько красноречиво и убедительно, что Лаури и сама чуть в нее не поверила. Когда он, наконец, закончил, репортер спросил:

– Можно мне еще снимать?

– Только немного, а потом я буду вынужден попросить вас удалиться. Родители моей жены уезжают сегодня в Санта-Фе, и мы хотим провести с ними как можно больше времени.

– Ну конечно! Как скажете, мистер Слоун.

Теперь, когда Боб Скотт завладел самым сенсационным материалом недели, из него можно было веревки вить.

В следующие несколько минут Лаури терпеливо снималась, сначала с Дрейком, потом с Дженифер. Принимая участие во всей этой суете, она чувствовала себя, как идиотка. Единственная мысль не давала покоя – что будет, когда все откроется.

Когда репортер уже убирал свою аппаратуру в чехлы, в комнату со стороны кухни влетела Бетти Гроувз.

– Что происходит, Лаури? – привычно запыхавшись, затараторила она. – Перед вашим домом столько машин! Мы только что вернулись из Альбукерке.

Лаури была рада, что Бетти уехала на несколько дней к родственникам. Это избавляло ее от непереносимого знакомства подруги со своими родителями.

Теперь же, увидев перед собой Бетти с вытаращенными от изумления глазами и глуповатой улыбкой на круглом лице, Лаури показалось, что она видит какой-то кошмарный сон, а проснуться никак не может. «О, Боже, что же еще произойдет?» – ужаснулась она, И словно отвечая на этот вопрос, в комнату, как Ураган, ворвались Сэм и Сэлли и устремились к Дженифер, которая с неменьшим энтузиазмом приветствовала своих закадычных друзей.

– Кто все эти люди? – завопила Бетти, стараясь перекрыть визжащих детей.

Дрейк лишь бессильно развел руки и громко рассмеялся. Тогда ему на помощь пришли Элис и Эндрю. Они подошли к Бетти и представились. Боб Скотт тоже внес свою лепту во всеобщую неразбериху – он, моментально сориентировавшись, вытащил кинокамеру и теперь щелкал ею в свое удовольствие.

– Ее родители? – услышала Лаури голос Бетти. – Очень рада...

– ...их свадьба... – раздался мамин голос.

– ...поженились... – а это голос отца.

– Господи, что за бардак! – послышался приглушенный шепот. Это не выдержал Дрейк.

Наконец Бетти, уразумев, в чем тут дело, подскочила к Лаури и обняла ее своими пухлыми руками.

– Так вы поженились! Ой, Лаури! Дрейк! Как я рада за вас! Я ведь все время говорила – спросите Джима, если не

верите, – что вы просто созданы друг для друга! Я так и знала, что вы любите друг друга! А что думает по этому поводу малышка Дженифер? Ой, я сейчас разревусь!

С этими словами Бетти и вправду разразилась рыданиями и плакала до тех пор, пока Дрейк не выпроводил Боба Скотта из дома и чуть ли не силой затолкал в машину.

Преисполненный благодарности за теплый прием, репортер пообещал «счастливой чете» поместить цветные фотографии и душещипательную историю их знакомства на первую полосу. Дрейк что-то коротко ответил и решительно захлопнул дверцу машины. Окрыленный успехами, мистер Скотт отбыл восвояси.

Бетти любезно предложила забрать Дженифер на какое-то время к себе, чтобы Лаури, Дрейк и родители смогли хоть немного прийти в себя после всех волнений и переживаний. Родители отправились в свою комнату и начали собираться к отъезду. Им нужно было выехать через час, чтобы успеть на конференцию священников, которая должна состояться этим вечером.

Лаури поднялась наверх и пошла в ванную. Там сбросила с себя всю одежду и встала под душ, пустив воду погорячее, чтобы хоть немного расслабиться.

Когда же она, наконец, выключила воду и открыла стеклянную дверь, чтобы взять полотенце, то едва не вскрикнула от неожиданности – на пороге стоял Дрейк.

Лаури схватила полотенце и попыталась прикрыться им.

– Не утруждайте себя. Я уже видел все, что мне нужно, – хрипло проговорил он, направляясь к ней.

– Хорошо, не буду, – резко бросила Лаури и принялась вытираться.

Что-то в ее облике остановило его, должно быть, Догадался, что она взвинчена до предела. Спокойно и тщательно вытирала она свое тело, не обращая на него ни малейшего внимания, и это смутило его, чего никогда бы не произошло, попытайся она прикрыться хоть чем-нибудь.

– Я как-то уже предупреждал вас, что может произойти, если вы будете расхаживать по дому в таком виде, – заметил Дрейк.

– Я принимала душ и понятия не имела, что за мной подсматривают.

Закончив вытираться, Лаури вытащила из шкафа трусики и, натянув их, аккуратно расправила. Не отрывая от нее глаз, Дрейк прислонился к туалетному столику.

Лаури, снова порывшись в шкафу, вытащила кружевной бюстгальтер. Но надеть его не успела – Дрейк, как коршун, бросился к ней и, выхватив у нее из рук прелестную вещь, швырнул на пол. Лаури лишь равнодушно пожалала плечами и прямо на голое тело натянула свитер. По-прежнему не удастая Дрейка ни единым взглядом, Лаури взяла слаксы и натянула их.

Но застегнуть не успела. Дрейк одним прыжком очутился рядом и рывком притянул ее к себе. Губы впились в ее

рот с такой страстью, что Лаури чуть не задохнулась. Руки неумолимо забродили по спине. Лаури пришлось призвать на помощь всю силу воли, чтобы оставить его порыв без ответа. Наконец, поняв, что ничего не добьется, Дрейк поднял голову и заметил:

– Вы расстроены.

– Можно и так сказать, – согласилась Лаури, отстраняясь от него.

Взяв в руки щетку, она прошлась по волосам.

– Все немножко запуталось, правда? – помолчав, заметил Дрейк.

– Да. – Лаури положила щетку на туалетный столик и взглянула ему прямо в глаза. – Вы хоть понимаете, какую сумятицу внесли в мою жизнь и жизнь моих родителей? Неужели вам на всех, кроме себя, наплевать? – Она судорожно вздохнула. – Прошу простить мою маму за то, что она выдала наш секрет репортеру, но она это сделала не нарочно. И вообще, родители здесь ни при чем. Ничего бы не произошло, если бы вы с самого начала не начали врать, – закончила Лаури, решительно вздернув подбородок.

– А я что, перекладываю вину на кого-то другого? – спокойно спросил Дрейк. – Вы что, считаете, лучше было бы во всем признаться?

– У вас на все готов ответ! – Лаури хотела выйти из ванной, но Дрейк остановил ее.

– Лаури, маленькая вы моя девочка. Почему вы все время,

как колючий ежик? Только и знаете, что нападаете на меня? Ну почему бы хоть разок не уступить? – Он легонько коснулся губами ее виска. – А вам не приходило в голову, что мне приятно, что все думают, будто вы моя жена? Это сразу укоротило бы сплетникам языки. И мы могли бы...

Лаури оттолкнула его с такой силой, что он отлетел к стене.

– Что могли бы? – завопила она. – Продолжать жить в выдуманном вами мире? – Она невесело рассмеялась. – Ваши самомнение, наглость и толстокожесть, Дрейк, не устают меня удивлять! Неужели вы хоть на секунду могли подумать, что я буду притворЯТЬСЯ вашей женой?

Он повернулся к ней спиной и глубоко засунул руки в карманы. Этот жест она уже хорошо знала – Дрейк начинал заводиться.

– У меня была жена, – пробормотал он. – Я вам уже говорил...

– Ну как же, помню! – усмехнулась Лаури. – И впрямь говорили. Что любили ее. И что привязываться больше ни к кому не желаете.

Она подошла к нему и, схватив за руку, с силой повернула к себе лицом:

– А теперь послушайте меня! Я не хочу быть вашей женой, ни мнимой, ни настоящей. Меня ваше предложение, мистер Слоун, не прельщает. Ну ни капельки! И я никак не могу уразуметь, почему вам так не терпится затащить меня в по-

стель? Не кажется ли вам, что нам с вами да еще с призраком вашей почившей в бозе жены будет там несколько тесновато?

Он так крепко сжал губы, что вокруг рта обозначились морщины, и Лаури на секунду показалось, что он сейчас ее ударит. Но этого не случилось. Дрейк рванул ее к себе. Лаури видела, что он вне себя от ярости.

– Лаури, Дрейк! Можно мне войти? Я хотел бы с вами поговорить, если вы не очень заняты, – послышался робкий стук в дверь и голос Эндрю.

Дрейку понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя: его гнев несколько поутих, хватка ослабла, и он бессильно опустил руки.

– Что тебе, папа? – дрогнувшим голосом спросила Лаури.

– Мне ужасно не хочется вам мешать, но поверьте, это важно. По крайней мере, для нас с мамой.

Лаури тревожно глянула через плечо на Дрейка и, войдя в спальню, пригласила:

– Заходи.

Эндрю поспешно вошел и еще раз извинился.

– Нам скоро уезжать, и я подумал, может, вы не откажете старику в его прихоти.

Краешком глаза Лаури заметила, что Дрейк подошел и встал с ней рядом. Словно защищаясь, она сложила руки на груди.

– В какой, папа? – притворно спокойно спросила она.

– Я всегда чувствовал, что вы с Полем не разошлись бы

так быстро, если бы я обвенчал вас в нашей церкви. Знаю, знаю, это звучит старомодно, – быстро добавил он, видя, что дочь уже готова возразить, – но прошу вас, Лаури, Дрейк, позвольте мне перед отъездом совершить обряд венчания.

Глава одиннадцатая

Несколько секунд Лаури с недоумением смотрела на отца. Но наконец, сообразив, чего он добивается, похолодела. «Господи, ну почему? За что?» – вихрем пронеслось в голове. Дрейк стоял рядом. Она почти физически ощущала его взгляд. Отец ждал, что она скажет.

– К чему это, папа? – подавив нервный смешок, проговорила она.

– Ну прошу тебя, доченька, уважь старика. Мы с мамой никогда не могли смириться с тем, что первый твой брак с абсолютно незнакомым нам человеком не был освящен церковью. Когда оказалось, что замужество не принесло тебе счастья – не спорь, не спорь, я прекрасно знаю, что не принесло, – мы почувствовали себя в какой-то мере виновными, и на сей раз мне хотелось бы быть причастным к твоему замужеству.

Глаза отца потеплели, и он обеими руками взял ее безжизненную руку.

– Самым страстным моим желанием было обвенчать и тебя, и Элин. С Элин все получилось на славу. Помнишь, как я совершал свадебный обряд в нашей церкви?

Еле сдерживая слезы, Лаури кивнула.

– Прощу тебя, позволь мне обвенчать и тебя с Дрейком.

Лаури силилась ответить, но в горле застрял комок и сле-

зы набежали на глаза. Как не хотелось ей обманывать этого добрейшей души человека, который подарил ей жизнь и взамен хотел лишь одного – чтобы она была счастлива. Лаури открыла было рот, чтобы сказать ему правду, но губы так пересохла, что она не смогла вымолвить ни слова. На помощь пришел Дрейк. Обняв ее за плечи, он спокойно сказал:

– Почтем за честь, сэр. Я говорю от имени нас обоих.

– Вот и прекрасно! – просиял Эндрю, радостно потирая руки; глаза его при этом так и искрились счастьем. – Пойду скажу маме. Она будет очень рада. Ждем вас внизу.

И он быстро вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Лаури так никогда и не смогла понять, как это случилось, но вдруг оказалось, что Дрейк бережно и крепко прижимает ее к себе, а она рыдает у него на плече. Вся злость, обида, боль и чувство вины выплеснулись в этом потоке слез. Они все лились и лились, пока рубашка Дрейка на груди не промокла насквозь.

Дрейк не проронил ни слова, просто ласково гладил ее по голове, по спине, и она явственно ощущала его безмолвное участие. Но мало-помалу поток слез иссяк, и Лаури, обессиленная, уткнулась лицом ему в грудь. Когда она, наконец, обрела дар речи, голос ее прозвучал настолько глухо, что Дрейку пришлось нагнуться, чтобы что-то услышать.

– Господи, какая же я лицемерка! Поношу вас последними словами за то, что вы лжете, а сама делаю то же самое. – Она громко шмыгнула носом. – Но я просто не в состоянии

причинить ему боль...

– Можете мне не верить, но я тоже не в силах причинить вашим родителям горе. Мне ужасно не хочется, чтобы они во мне разочаровались. Когда я увидел, что вы собираетесь сказать ему правду, я понял, что не вправе этого допустить. Пришлось вмешаться.

Дрейк ласково отстранил Лаури от себя и вытер слезы, которые все бежали у нее по щекам:

– Давайте пройдем через это испытание достойно. Мы ведь знаем, что это венчание ровным счетом ничего не значит – оно незаконно. А позже придумаем, что сказать вашим родителям. – Он увидел, что глаза ее вспыхнули яростным огнем, и понял почему. – Не бойтесь, я не собираюсь взваливать на вас все бремя ответственности. А теперь идите умойтесь. Они нас ждут.

И прежде чем Лаури успела удалиться в ванную, легонько поцеловал ее в лоб.

– Объявляю вас мужем и женой. Пусть то, что соединено самим Господом, не сможет расторгнуть ни один человек. – Эндрю торжественным голосом произнес слова, которые при других обстоятельствах могли бы связать их жизни навсегда. – Поцелуй свою жену, сын мой.

Дрейк, положив руки Лаури на плечи, повернул ее к себе, наклонился и нежно коснулся ее губ. Поцелуй был преисполнен такой значимости, что у Лаури мороз прошел по коже.

На торжественной церемонии присутствовали Эндрю с Элис, Бетти и все трое детей. На этом настояла Элис. Это она позвонила Бетти и пригласила ее с ребяташками на праздничный обряд. Сентиментальная Бетти проплакала всю дорогу, зато дети стояли, не шелохнувшись, благоговейно вслушиваясь в слова и не отрывая глаз от рук Эндрю. Чтобы Дженнифер было понятно, он сопровождал свою речь жестами, равно как и Лаури с Дрейком, когда они произносили слова клятвы.

В любое другое время о лучшей свадьбе Лаури и мечтать не могла бы. Пускай нет на ней настоящего подвенечного платья и находятся они не в храме, а в доме, – это все пустяки. Главное – слова клятвы шли от самого сердца. Она обещала, что будет верна мужу душой и телом не потому, что так требовал обряд, а потому, что искренне верила в это.

Губы ее произносили слова, уже давно звучащие в душе. Лаури понимала, что то глубокое, щемящее, сладостное чувство, которое она испытывала к Дрейку, есть не что иное, как любовь. Да, она любила его. При всех его недостатках – нахальстве, безудержной самоуверенности, вспыльчивости и еще Бог знает чего – по-другому относиться к нему она не могла. Временами она его ненавидела и все же была в него влюблена.

«И зачем только!» – горько усмехнулась про себя Лаури. Он уже любил однажды, сильно, страстно, и нет у него в сердце места для другой женщины. Ну что ж, по крайней мере,

он и не скрывал этого, подвела Лаури итог своим невеселым мыслям.

Между тем Дрейк звонко чмокнул хлюпающую носом Бетти в щеку, радостно улыбаясь, обнял свою новоявленную тещу и энергично потряс руку тестю, а тот в свою очередь восторженно хлопнул его по спине. Потом нагнулся, подхватил на руки Дженифер и, прижав девчушку к могучей груди, пощекотал усами ее щечку, и та залилась звонким смехом.

У всякого, кто был бы свидетелем этой церемонии, могло сложиться впечатление, что это самый радостный день в жизни жениха. Лаури же не была похожа на счастливую невесту: бледное, как снег, лицо; по телу то и дело пробегают дрожь, словно невеста изо всех сил пытается сдержать бушующие чувства. Что и говорить, – не очень-то веселое зрелище.

Некоторое время спустя родители уехали. Сначала загрузили чемоданы в багажник взятой напрокат машины, а потом в последний раз поднялись на крыльцо попрощаться.

У Элис слезы выступили на глазах, когда она целовала Дженифер. Лаури порывисто обняла сначала маму, потом отца. У нее было такое чувство, словно они расстаются навеки. Потом родители уселись в машину и тронулись в путь, махая из окошка.

– Звоните! Пишите! – доносились до Лаури их голоса.

Все это время Дрейк стоял с ней бок о бок, играя роль любящего мужа. На одной руке у него сидела Дженифер, дру-

гой он крепко обнимал Лаури.

– О Господи, ну и денек! – воскликнул он, когда они, наконец, вернулись в гостиную. – Лаури, не готовьте ничего сегодня на ужин. Вы, должно быть, тоже смертельно устали. Так, перехватим что-нибудь.

– Хорошо, Дрейк. Сейчас соберу на стол. – Она поспешно ушла на кухню.

И почему это ей вдруг стало не по себе! Неужели его присутствие так подействовало?

После легкого ужина Лаури занялась малышкой – выкупала ее и уложила в кровать. Уже во время ужина девчушка, утомленная обрушившимися на нее впечатлениями, начала капризничать.

Наконец-то отправив хнычущего ребенка в постель, Лаури вздохнула с облегчением. Она вернулась на кухню, чтобы составить грязную посуду в посудомоечную машину, но обнаружила, что Дрейк ее опередил – работа была уже почти закончена.

– Не стоило беспокоиться, Дрейк. Я сама бы убрала со стола.

Он улыбнулся ей через плечо:

– Я взял на себя самое легкое, а вам оставил самое трудное – хнычущее дитя.

– Она просто устала. Вы ведь знаете, что Дженифер никогда не капризничает просто так, без повода, особенно когда вы рядом. Только бы не заболела, – взволнованно доба-

вила Лаури, и от этой внезапно пришедшей в голову мысли ей стало не по себе.

Дрейк рассмеялся и, подойдя к Лаури, обнял ее.

– Ну точь-в-точь заботливая мама, – прошептал он.

– Неужели? – холодно сказала Лаури.

Отстранившись, она подошла к раковине и, набрав стакан воды, поднесла к губам, сделав вид, что ей вдруг очень захотелось пить.

Подобная реакция Дрейка ни капельки не смутила. Подойдя сзади, он прижался к Лаури всем телом, руками упираясь в раковину. Теперь Лаури и шелохнуться не могла. Отведя носом волосы с ее шеи, он принялся легонько покусывать нежную кожу.

– Дрейк...

– Какая мягонькая... – пробормотал он и коснулся кончиком языка мочки уха.

Лаури словно током пронзило.

– Пожалуйста, Дрейк... – прошептала она.

Попыталась повернуться. Он ей это позволил, но лишь пока она не оказалась к нему лицом, а потом своим сильным телом прижал ее к раковине, да так, что Лаури при всем желании вырваться бы не смогла.

Взяв ее руки, он положил ладони к себе на грудь. Лаури почувствовала, как истступленно бьется его сердце, ощутила теплоту поросшей курчавыми волосами груди, явственно прощупывавшейся под мягкой тканью рубашки.

– А вы знаете, Лаури, что в некоторых странах брак не считается законным, если жених с невестой не обвенчались в церкви? То есть если их союз не благословил сам Господь. Так что мы с вами муж и жена на самом деле. Гражданская церемония ровным счетом ничего не значит.

Он зарылся руками в ее густые волосы, потом коснулся пальцами висков и стал нежно поглаживать их.

После этого настал черед поцелуев. Начав со лба, Дрейк коснулся губами ее закрытых век, потом добрался до щек. Каждый поцелуй был преисполнен такой нежности, словно он вкладывал в него всю душу.

Вдоволь насладившись щеками, Дрейк спустился ниже, к губам. Он коснулся их совсем легонько, словно играючи, потом чуть сильнее, вбирая в себя пьянящую сладость, пока не проглотил их целиком. У Лаури перехватило дыхание. Ноги ее подкосились. Не прижимай он ее так сильно к раковине – непременно упала бы. Казалось, вся ее сила перешла в руки, когда они, соскользнув с его груди, крепко-накрепко сомкнулись вокруг шеи. Она прижалась к нему еще теснее, ощущая своим мягким, податливым телом каждый сантиметр его сильного мужского тела, и в который раз подивилась, насколько ей уютно в его объятиях. Верно говорила Бетти – они и впрямь созданы друг для друга.

– Лаури, – задыхаясь, прошептал Дрейк. – Вы Держите меня где-то между раем и адом. Клянусь Богом, слаще этого ада я никогда в жизни ничего не ощущал.

Он вновь коснулся ласковыми губами ее лица, и Лаури охотно подставляла его, упиваясь блаженным Чувством, которое вызывали эти неутомимые губы. Казалось, они лучше ее самой знали самые чувствительные места ее тела. Им не надо было искать – они сразу же безошибочно находили их и без колебания совершали сладостные набег.

Лаури понимала: она его жена в полном смысле этого слова. Она хотела ею быть больше всего на свете и в глубине души считала себя таковой. Совесть ее была чиста. Перед самым Господом и служителем его, священником, она вручила этому человеку свою жизнь и свою любовь. И ничто не могло поколебать ее уверенности в том, что клятва, которой она себя с ним связала, крепка и нерушима.

Но так считала она. А вот что думал Дрейк?

Конечно, и он вслед за священником повторил знакомые слова. Но он лишь играл роль. Ради нее самой, из-за уважения к ее родителям. И играл, надо признаться, довольно убедительно. Любви здесь не было никакой, и Лаури это прекрасно знала. Любовь покинула его навсегда в тот самый миг, когда не стало на свете его жены – она унесла ее с собой в могилу. И ничего поделать с этим Лаури не могла.

Сейчас, конечно, Дрейк нуждается в ней. Страсть бурлит в нем ключом. Все пронизано ею – и его объятия, и поцелуи. Но если Лаури уступит ему сейчас, наверняка пройдет совсем немного времени, и он остынет. Уйдет в свой собственный мир, забыв о ней, как это сделал в свое время Поль. А

если вдруг наступит черный день и ей будет по-настоящему плохо, от Дрейка потребуются вся любовь и нежность, чтобы помочь ей, но способен ли он будет на это? Да нет, конечно.

Так что уж лучше жить вообще без его любви, чем с жалкой ее копией, решила Лаури.

Дрейку, конечно, было невдомек, какие сомнения и переживания ее гложут. Прошло довольно много времени, прежде чем он понял, что отчаянные телодвижения Лаури вызваны отнюдь не страстью. Она просто-напросто вырывалась из его объятий. Это настолько поразило его, что он тут же разжал руки. Выбежав из кухни, Лаури бросилась к лестнице. Когда она добралась до середины, немного пришедший в себя Дрейк окликнул ее.

Голос его прозвучал тихо, но Лаури показалось, будто разорвалась бомба.

Она застыла, как вкопанная. Однако оборачиваться не стала, понимая: если посмотрит ему в лицо – все, она пропала.

Но даже сейчас, если бы он только сказал, что любит, она, не раздумывая, слетела бы с лестницы и бросилась ему на шею, сбросив с себя, наконец, груз сомнений и переживаний, не дававший ей покоя с самого начала их знакомства.

«Ну скажи, скажи, что любишь!» – безмолвно умоляла она.

Тщетно...

– Спокойной ночи, Лаури, – лишь услышала она в ответ

на свой немой призыв.

Среди ночи Лаури проснулась с ясным ощущением, что что-то произошло. Прислушалась. Тихо. Но на душе отчего-то было беспокойно и, сбросив одеяло, она вылезла из постели. Взяв со стула халат, натянула его на себя и вышла в темный холл.

Первая мысль была о Дженифер, и Лаури направилась к малышке в комнату. Кровать оказалась пуста. Подавив охватившую ее панику, Лаури направилась в ванную комнату, примыкающую к спальне. Никого.

Путаясь в полах халата, Лаури сбежала по лестнице вниз и бегом осмотрела комнаты первого этажа. Тщетно. Оставалась последняя надежда, что девочка захотела пить или есть. Лаури бросилась на кухню и включила свет. Дженифер здесь тоже не оказалось, но задняя дверь была распахнута настежь, и по кухне уже гулял свежий ночной ветерок. Сердце у Лаури замерло. Похитили – была первая мысль. Ну конечно, похитили. Дрейк ведь знаменитость, так что какому-нибудь идиоту вполне могло прийти в голову украсть его дочь с тем, чтобы потом вытянуть из него побольше денег или, в свою очередь, прославиться.

Первым побуждением было выскочить за дверь и самой броситься на поиски ребенка, но, не добежав до двери, Лаури остановилась. А что, если похитители не успели уйти далеко и она их и вправду догонит? Что она сможет им сделать? Да ничего! Слабая безоружная женщина... Да они и ее еще

с собой прихватят! Нет, нужно действовать иначе.

Лаури кинулась в комнату Дрейка, подбежала к кровати и, схватив его за голое плечо, несколько раз основательно встряхнула. – Дрейк, просыпайтесь!

Неужели это ее голос? Такой тоненький, дрожащий от страха...

– Дрейк, ну проснитесь, пожалуйста! Он, наконец, сел и устался на Лаури ничего не понимающим со сна взглядом.

– Лаури? Что случилось?

– Дженифер пропала. Я проснулась... Показалось, хлопнула входная дверь... Подумала... может, похитители... – бессвязно пролепетала она.

Но для Дрейка и этого невнятного лепета оказалось достаточно, чтобы понять – случилось нечто ужасное.

Откинув одеяло, он одним прыжком выскочил из кровати. В этот момент он был похож на разъяренного зверя.

Сорвав с крючка на двери велюровый халат, натянул его на себя и устремился вслед за Лаури, уже бежавшей на кухню.

Остановившись у распахнутой двери, он пристально взгляделся в непроглядную тьму, пытаясь хоть что-то рассмотреть.

– Может, позовем полицию? – дрожащим голосом проговорила Лаури и в отчаянии заломила руки. – О, Дрейк...

Продолжить она не смогла – рыдания перехватили горло.

– Успокойтесь, Лаури. Слезами горю не поможешь. Да,

позвоните в полицию, а я тем временем схожу в сарай за фонарем.

– Но ведь они еще могут быть во дворе! Не нужно, Дрейк, не уходите! – взмолилась она.

– Кто это они? Мы даже не знаем, что произошло. Но клянусь Богом, если что-то случится с Дженифер, я убью...

– Не этого ли лунатика вы ищете?

Лаури с Дрейком одновременно обернулись, да так и застыли в изумлении. Перед ними стояла Бетти с Дженифер на руках.

– О Господи! – облегченно воскликнула Лаури и, подскочив к подруге, выхватила девчущку у нее из рук.

Прижав малышку к себе, принялась покачивать ее, все еще не веря, что та дома, в безопасности.

– Что произошло? – дрогнувшим голосом спросил Дрейк, поглаживая Дженифер по спине.

– Я крепко спала, – начала объяснять Бетти, – когда услышала шум у задней двери. Естественно, я сразу же подумала, что это грабитель или насильник, и чуть с ума не сошла от страха. Никак, знаете ли, не привыкну, что Джима постоянно нет дома, и мне приходится оставаться одной.

Ее круглые карие глаза никак не могли оторваться от волнующего зрелища – голой груди Дрейка, видневшейся в треугольном вырезе роскошного велюрового халата.

– Ну вот, – продолжала Бетти свой рассказ. – Я решила, что это какой-то уж совсем неопытный насильник. Дверь он

пытался открыть со страшным шумом. Мне стало не столько страшно, сколько любопытно, и я пошла на кухню и выглянула в окно. И кого бы вы думали я там увидела? Дженифер собственной персоной. Стоит себе на пороге и пытается открыть дверь. Когда я впустила ее, она направилась напрямик в комнату Сэлли. Она забыла сегодня у нее своего любимого кролика. А когда взяла то, за чем пришла, отправилась обратно домой. Вот я и подумала, что лучше уж на всякий случай самой отвести ее, а то вдруг еще куда-нибудь забредет. Нет, вы представьте себе только! Бродит себе среди ночи, уйдя из дома, никого не спросив!

– Она так устала, что, засыпая, о кролике и не вспомнила, а когда проснулась и не увидела его рядом, естественно, отправилась добывать своего любимца, – завершила Лаури трогательную повесть.

И она улыбнулась девочке, которая не выпускала из рук кролика и при этом сонно зевала. Откинув с ее личика спутанные кудряшки, Лаури звонко расцеловала малышку в пухлые щечки с ямочками.

Дрейк взял у нее из рук ребенка и, поставив девочку на пол, присел перед ней на корточки.

– Дженифер, ты вела себя очень плохо! – начал он. – Не смей больше никогда убегать от меня или от Лаури! А то нам становится... – Не зная, как изобразить слово «страшно», Дрейк обратился за помощью к Лаури, и, когда та подсказала, продолжал: – ...страшно за тебя. Мы ведь не знаем,

где тебя искать. Если ты еще раз так сделаешь, мне придется тебя отшлепать.

Поняв, что отец говорит вполне серьезно, Дженифер испугалась, и нижняя губка у нее задрожала. Видя, что воспитательный процесс возымел свое действие, Дрейк крепко обнял дочурку. Лицо его исказилось гримасой боли при одной мысли, что и в самом деле могло бы с ней произойти. Все еще не выпуская из рук кролика, Дженифер обхватила отца за шею, и он понес ее в комнату.

– Бог мой, как я... – начала было Бетти, но Лаури ее перебила:

– Спасибо тебе, Бетти. Я тебе передать не могу, что пережила. А сейчас прямо гора с плеч свалилась. Мы ведь с Дрейком уже представляли себе самое худшее.

Лаури и впрямь была признательна соседке, но меньше всего была сейчас настроена наслаждаться ее красноречием.

– Ну, пойду домой, к своим охламонам. А ты отправляйся наверх. Надеюсь, теперь до утра доживем без приключений. Спокойной ночи.

И, ласково потрепав Лаури по руке, Бетти заспешила во-свояси. Лаури захлопнула за ней дверь, закрыла ее на замок, а потом несколько раз подергала за ручку. Лаури все еще никак не могла прийти в себя. Вроде все хорошо. Дверь надежно заперта.

Немного успокоившись, Лаури отправилась в комнату Дженифер.

Дрейк сидел на краешке кровати и гладил дочку по голове, хотя та уже спала безмятежным сном. Когда Лаури наклонилась поцеловать малышку, он взял ее за руку.

Из комнаты они вышли вместе. В холле Дрейк заметил:

– Да вы вся дрожите!

– Не знаю, от холода или от страха.

– Хотите выпить бокал вина или еще чего-нибудь, чтобы согреться?

– Нет, спасибо. Обойдусь без горячительных напитков, – отказалась Лаури.

Подняв голову, она взглянула ему в глаза и улыбнулась, но улыбка тут же погасла, когда Лаури увидела выражение его лица – в глазах откровенная жажда обладания, отмахнуться от которой было никак нельзя.

Долго они смотрели друг на друга. Дрейк не дотрагивался до нее, да это было и не нужно. Лаури и так живо ощущала его присутствие. Их неудержимо тянуло друг к другу, как магниты, имеющие противоположные заряды, которые неотвратимо должны соединиться. И когда, наконец, тела их соприкоснулись, они прильнули друг к другу так, словно боялись, что какая-то сила сможет разлучить их навеки.

Лаури и в голову не пришло сопротивляться, когда он подхватил ее на руки, отнес в спальню и осторожно опустил на кровать. Одно мимолетное движение – и халат вместе с плавками уже валяется на стуле. Он лег рядом с ней с такой непринужденной грацией, словно был и не человеком вовсе,

а неким языческим богом, собирающимся исполнить любовный обряд.

– Лаури, не говори ничего. И не думай. Ради Бога, не думай! Только чувствуй...

Он провел рукой по ее телу, словно знакомясь со всеми его выпуклостями и впадинами. Лаури была в халате, а ему хотелось видеть ее всю – с головы до ног – Дрейк поспешно сорвал ненужную сейчас одежду.

Порывисто притянул он Лаури к себе и крепко, жестом собственника, прижал к мощной груди. Но вместе с тем он был на удивление нежен. Губы его прижались к ее губам, а руки ласкали, гладили ее тело, как бы передавая ему ту страсть, которой он сам был охвачен.

Насытившись ее губами, Дрейк наклонил голову и горячим ртом коснулся груди. Рука его заскользила по ее телу. Все ниже, ниже...

Прикосновения его были нежны и деликатны, и Лаури всецело отдалась чувству, которое никогда прежде не испытывала.

– Лаури... хорошая моя... красавица моя... обожаю... – задыхаясь, невнятно бормотал он.

Но даже если бы он не произнес ни слова, Лаури все равно бы поняла, что он хотел сказать. Его ласковые губы, нежные, преисполненные благоговения прикосновения – все говорило об одном: он страстно желает ее.

Внезапно ей припомнились оскорбительные слова Поля.

Никогда она не могла ему угодить! Вечно он был всем недоволен. Лаури поспешно отогнала от себя неприятные мысли. Теперь-то она понимала, что недостаточно любила своего бывшего мужа, чтобы доставлять ему удовольствие. А вот с Дрейком совсем другое дело. Ей хотелось подарить ему такую же радость, какую он дарил ей.

Пальцы ее сомкнулись вокруг упругой плоти, осторожно массируя ее, но мало-помалу, отбросив ненужную скромность, Лаури, дрожа от нетерпения, самозабвенно предалась этому восхитительному занятию.

– Лаури... да... дорогая... еще... – сдавленно простонал Дрейк, уткнувшись лицом в ее шею и еще крепче прижав ее к себе.

Это придало ей уверенности в себе, и презрительные слова Поля тут же были позабыты. Задыхаясь от наслаждения, Дрейк прерывистым шепотом снова и снова повторял ее имя, и его горячее дыхание обжигало ей кожу.

Наконец, взяв ее лицо в свои ладони, он страстно прильнул к губам. Лаури почувствовала: еще секунда – и он овладеет ею. Однако он замер и, подняв голову, взглянул ей прямо в лицо, как бы спрашивая разрешения. Тогда она, протянув руку, коснулась любимого лица – прошла по шелковистым усам, дотронулась до губ. Глаза их встретились, и несколько долгих секунд они, не отрываясь, смотрели друг на друга.

– Лаури... – выдохнул Дрейк.

Она почувствовала, как он осторожно входит в нее, и, притянув к себе его голову, негромко вскрикнула.

Ощущение, которое она испытывала сейчас, ей было незнакомо. Шепча ласковые слова, Дрейк проникал в нее все глубже, и пламя, сжигавшее его, перетекало в нее. И вот они уже оба горят яростным огнем. Лаури чувствовала, что все, больше она не выдержит, умирает! Она все умирала и умирала, а Дрейк крепко держал ее за бедра, прильнув к ней с такой силой, что казалось, нет ни ее, ни его, а есть только они оба, одно единое целое.

– Такого со мной еще никогда не было, – робко прошептала Лаури в кромешной тьме.

Голова ее покоилась на груди Дрейка, их ноги под одеялом переплелись, и он крепко прижимал ее к себе. Дрейк рассеянно погладил ее по спине.

– Да ну? – недоверчиво спросил он, но в голосе слышались горделивые нотки. – А с Полем?

– Нет, конечно, – ответила она, с грустной улыбкой покачивая головой.

При этом волосы на его груди зашевелились ей нос, и Лаури на секунду показалось, что она сейчас чихнет.

– Я и не представляла, что способна на такие чувства, – призналась она.

Дрейк тихонько рассмеялся, но Лаури, приникшей к его груди, смех показался довольно громким.

– Ну вот, теперь будешь знать, на что ты способна, – сказал

он.

Протянув руку, он легонько похлопал ее по попке, но вскоре игривое похлопывание превратилось в ласковое поглаживание.

Умом Лаури понимала, что должна испытывать раскаяние за то, что произошло. Но, странное дело, ничего подобного она не чувствовала. Ведь все, что только что произошло, она совершила, руководствуясь великим чувством, имя которому – любовь. Она понимала, что и впредь ей не избежать близости с Дрейком. Хочешь – не хочешь, это теперь неизбежно. И не стоит ей бороться с этим чувством.

Лаури еще теснее прижалась к своему любимому.

– Замерзла? – заботливо спросил он.

– Немножко.

– И немудрено. Одеяло куда-то сбилось... Простыни все скомканы. И как это все получилось? – с притворным изумлением проговорил Дрейк.

– Вот уж не знаю, – хихикнув, подхватила она. Расправив простыни и укрыв их обоих одеялом, Дрейк притянул ее к себе и шепнул на ушко:

– Торжественно обещаю на этот раз одеяло не сбивать.

– На этот раз? – недоверчиво переспросила Лаури. – Ты хочешь сказать опять? Сейчас?

– А ты не хочешь? – спросил Дрейк, и даже в темноте Лаури увидела, как он насмешливо вскинул брови.

– Ну... я...

Но он, не дослушав, жадно приник к ее губам, и Лаури к своему изумлению услышала свой собственный сбивчивый шепот:

– Да, да...

Глава двенадцатая

Следующие несколько дней царила полная идиллия. Дрейк почти никогда не выпускал Лаури из поля зрения, не сводил с нее восторженных глаз. Ему мало было находиться с ней в одной комнате – он то и дело дотрагивался до нее, обнимал, целовал. Ночи их были полны безудержной страсти, приводившей их обоих в изумление. Днем, когда с ними рядом бывала Дженифер, они изливали свое счастье на ребенка, и девочка купалась в его лучах.

Часто ходили они в деревню, бродили по магазинам, расположенным по обеим сторонам холмистых живописных улочек. Однажды они заглянули в магазинчик деревянных изделий Джона Медоуза. Он тепло встретил их, даже намеком не дав понять, что помнит, как грубо с ним обошелся Дрейк в прошлый раз.

Лаури была очень признательна Дрейку за то, что он проявил искренний интерес к работе Джона и вежливо расспрашивал его обо всем, касающемся резьбы по дереву. И оба они, такие разные, пустились в неторопливый разговор. Однако, разговаривая с Джоном, Дрейк не убрал руку с плеча Лаури, ясно дав тем самым понять, что имеет на нее кое-какие права. И этот жест собственника не укрылся от Джона.

Лаури с Дрейком обожали эти вылазки в город, однако самыми приятными минутами считали тихие вечера дома у

камина за бутылочкой вина.

Лаури любила примоститься в уголке дивана, а Дрейк, улегшись на спину, клал голову к ней на колени, как в тот вечер, когда к ним неожиданно-негаданно появились ее родители. Он рассказывал ей о своих планах и надеждах.

Но каким бы серьезным и обстоятельным ни был их разговор, мало-помалу он затихал. Руки, которыми Дрейк только что экспрессивно жестикулировал, начинали гладить ее, сначала вроде бы невзначай, потом все настойчивей, пока огонь в камине уже не шел ни в какое сравнение с пожаром, разгоравшимся между ними.

Когда перед возвращением в Небраску Лаури позвонили родители, ей уже не было нужды притворяться, что она счастлива. Счастье и в самом деле переполняло ее. Она пригласила родителей заехать в Уиспез, однако обстоятельства вынуждали их сразу же после конференции спешить домой. Лаури, прежде чем повесить трубку, заверила родителей, что несказанно счастлива, и, говоря это, ничуть не кривила душой.

Обычно после того, как Лаури с Дженифер заканчивали занятия, и до того, как на урок жестов заявлялась Бетти с детьми, они шли бродить по лесу. Лаури частенько брала с собой еду, и они, усевшись у ручья на старенькие одеяла, неторопливо принимались за трапезу. А над головой шуршали голыми ветвями осины – зима была не за горами.

Однажды ясным осенним деньком они как обычно отпра-

вились на пикник. Поев, Дженифер, утомленная занятиями, прикорнула на одеяле и крепко заснула. Дрейк, прислонившись спиной к дереву, притянул Лаури к себе, и она прильнула к его широкой груди.

– С удовольствием последовала бы примеру Дженифер, – сонно пробормотала она, устроившись поудобнее.

– Давай, – ответил Дрейк и натянул на них еще одно одеяло.

Он принялся тихонько покачивать ее, убаюкивая, и Лаури мало-помалу задремала. Это блаженное состояние между сном и бодрствованием внезапно нарушила одна неприятная мысль, которую Лаури давно уже гнала от себя. И мысль эта была о Сьюзен. Хотя Лаури и понимала, что за последнее время Дрейк очень к ней привязался, ей было обидно до боли, что ни разу, даже во время самых страстных любовных утех, он не обмолвился, что любит.

Интересно, сидели ли они вот так в обнимку со Сьюзен, размышляла она. А как занимались любовью? С такой же страстью или еще большей? Хотя больше уж вроде некуда... Сможет ли он хоть когда-нибудь полюбить ее, Лаури? Вряд ли... Лаури беспокойно пошевелилась, Дрейк тут же обнял ее еще крепче и прошептал:

– Что, плохой сон увидела?

Лаури покачала головой, но червь сомнения уже проник в ее сознание, отравляя блаженное состояние.

Она хотела было отодвинуться от Дрейка, как вдруг по-

чувствовала на своем теле его руки. Они скользнули к ней под свитер, добрались до пояса джинсов. Лаури почувствовала, как внутри постепенно начинает разгораться огонь желания, ее вдруг охватила привычная приятная истома.

Между тем руки Дрейка легонько коснулись ее груди и принялись ласково поглаживать ее. Прикосновение было таким нежным и осторожным, словно в первый раз. Он отлично знал ее тело и, тем не менее, всякий раз, когда дотрагивался до нее, Лаури охватывало ощущение, будто это происходит впервые.

– Дрейк, – пробормотала она.

– Не отвлекай мужчину, когда он занят, – шутливо проговорил он ей на ухо.

Внезапно Лаури захотелось, если уж не признаться ему в любви, то хоть намекнуть.

– Я только хотела сказать тебе, что всякий раз, когда ты... мы... вместе, я... в общем, для меня это очень важно.

Руки его замерли. Лаури напряженно ждала, что он ей на это ответит.

– Лаури, – наконец послышался его хриплый голос. – Взгляни на меня. Она запрокинула голову.

– Для меня это тоже очень важно. И он поцеловал ее, да так, что у Лаури САОВНО огонь пробежал по жилам.

Руки его скользнули к талии, потом поднялись выше и снова накрыли ее груди. Приподняв их, Дрейк принялся будоражить соски, одновременно нежно покусывая мочку уха.

Лаури тихонько застонала, уже охваченная огнем страсти.

Рука его скользнула к бедрам и взялась за «молнию» джинсов. Догадавшись, что сейчас произойдет, Лаури смутилась.

– Дрейк, не надо, – едва выдохнула она, отталкивая его руку. – Только не здесь.

Она принялась прямо под одеялом приводить в порядок свою одежду.

– А почему? – озорно блеснул глазами Дрейк. – На природе заняться любовью – одно удовольствие. Только представь себе наших далеких предков. Думаю, они с наслаждением кувыркались в густой траве.

– Ну, мы-то с тобой живем в современном мире. Кроме того, рядом твоя дочь.

И Лаури кивком головы указала на спящего ребенка. Она все еще держала Дрейка за руки, опасаясь, что он возобновит свои попытки.

– Но ведь она спит, – возразил он. – Ну давай, Лаури. Пожалуйста, – захныкал Дрейк, как ребенок, и, наклонившись, провел усами по ее губам.

Он отлично знал притягательную силу своих усов и время от времени пользовался этим средством, особенно если понимал, что все остальные исчерпаны.

– Нет. Что если кто-то пройдет мимо? – не сдавалась Лаури.

– Подумаешь! Отвернутся и все.

– Да я от стыда сгрю! – вскричала Лаури и, понизив голос, спросила. – Неужели ты не можешь подождать до ночи.
: – Да уж, видно, придется, – проворчал Дрейк. – Ладно. Давай договоримся так. Сначала ты целуешь меня, потом я тебя и идем домой.

Лаури, не заметив в его глазах веселого блеска, быстренько согласилась.

Вскинув голову, она поцеловала Дрейка в губы, вложив в этот поцелуй всю свою любовь.

Когда, наконец, они оторвались друг от друга, Дрейк сказал:

– Ну, теперь моя очередь.

И принялся задирать Лаури свитер.

– Что ты делаешь? – ахнула она.

– Собираюсь тебя поцеловать. Я же не сказал, куда.

И, скомкав мягкую шерстяную ткань, сунул под нее голову. Он коснулся по очереди сначала одного розового соска, потом другого, они набухли и затвердели под его губами. Оторвавшись, наконец, от груди, Дрейк взглянул Лаури прямо в глаза – в них ярким пламенем полыхала любовь.

– Ну и еще разок. Пожалуйста. И он прижался к ее губам.

Лаури была абсолютно уверена в одном – в данный момент ему не до Сьюзен.

На следующее утро Дрейк заглянул в классную комнату, когда Лаури занималась с Дженифер.

– У меня кое-какие дела в городе, – объявил он. – Сделаю

их, а потом заеду к одной даме, которая печет отменные булочки. Я совсем недавно с ней познакомился. Булочки у нее – пальчики оближешь.

Он смачно прищелкнул губами. Лаури расхохоталась:

– Ну, если тебе нравятся толстушки, могу перейти на всякие печености.

– Мне нравишься ты, – проворчал он и, окинув жадным взглядом ее фигурку, лукаво добавил: – Позже увидимся. До свидания, Дженифер.

Малышка была занята тем, что строила башню из кубиков, которыми они с Лаури пользовались на уроке математики. Она помахала на прощание отцу, и тот вышел.

За полчаса до того, как должен был вернуться Дрейк, Лаури отвела Дженифер на кухню.

– Сейчас мы сыграем в игру, которая, я уверена, тебе понравится, – сказала она, усаживая девочку за стол. – Посмотрим, сможешь ли ты отличить обыкновенное молоко от шоколадного.

Как обычно, каждое слово она сопровождала жестами. Дженифер с интересом следила за ее руками. Больше всего ей нравились уроки, посвященные еде.

– Итак, приступим, – продолжала Лаури. – Возьмем два стакана. Видишь? В один я налью обычное молоко, а в другой – шоколадное. Повтори за мной – «белое молоко» и «шоколадное молоко».

Когда Дженифер освоила оба жеста и вполне сносно про-

изнесла слова, Лаури пошла дальше.

– А теперь я возьму соломинку и опущу ее сначала в один стакан, потом в другой, а ты мне скажешь, где какое молоко. Поняла?

Дженифер кивнула, и светлые кудряшки у нее на голове заплясали.

– Закрой глаза! – скомандовала Лаури и, убедившись, что девочка не подглядывает, сунула соломинку в стакан с простым молоком.

Дженифер отпила немного и показала жестом, что это простое молоко. Они отработывали это упражнение до тех пор, пока Лаури не убедилась, что у малышки вкусовые ощущения ассоциируются с названиями жидкости.

Когда они только-только закончили это упражнение, в кухню через заднюю дверь вошел Дрейк. В руках он держал пакет, распространявший умопомрачительные запахи.

– Что это вы здесь делаете? – спросил он, кладя пакет на стол и снимая куртку.

– Давай посмотрим, сможет ли Дрейк сыграть в эту игру, – предложила Лаури Дженифер, и малышка радостно захлопала в ладоши.

Лаури объяснила Дрейку правила игры, и тот притворился, что не может сразу ответить на такой сложный вопрос, чем привел Дженифер в полный восторг. Потом он сделал вид, что глаза у него ну никак не закрываются и, наконец, вдоволь потешившись, отхлебнул молоко.

Он сделал правильный жест – «простое молоко». Лаури собралась было поставить перед ним стакан с шоколадным молоком, но обнаружила, что Дженифер почти все выпила.

– Дженифер! – укоризненно воскликнула она, но через секунду все трое уже весело смеялись.

А Дженифер показала пальчиком на свою верхнюю губу с темно-коричневыми усами от шоколадного молока и ткнула пальчиком в усы Дрейка, давая понять, что теперь у них обоих есть усы.

«А теперь ты, Лаури», – жестами показала она.

Лаури энергично замахала руками, пытаясь отказаться, но Дженифер с Дрейком не отставали. Лаури уступила и, взяв в руки стакан с шоколадным молоком, сделала большой глоток, нарочно вымазав верхнюю губу. Дженифер залилась звонким смехом и принялась скакать вокруг стола. Когда, наконец, она утомилась, Лаури сказала:

– Иди наверх и вымой лицо и руки. А я тем временем накрою на стол.

Девочке не нужно было повторять дважды – она тут же умчалась.

– А ты не хочешь умыться? – насмешливо спросил Дрейк. – Впрочем, можешь оставаться так. Усы прекрасно сочетаются с твоими волосами.

– Ой! Совсем о них забыла, – воскликнула Лаури и повернулась к раковине.

– Позволь мне, – попросил Дрейк, обнимая ее за плечи.

Он быстро слизал молочные усы, а потом жадно приник к ее губам. Лаури, обняв его за шею, с жаром ответила на поцелуй. На какое-то время они позабыли обо всем на свете. Наконец, слегка задыхаясь, они отстранились друг от друга.

– Если мы будем продолжать в том же духе, останетесь голодными, – пригрозила Лаури, целуя его в щеку.

– Что-то мне уже есть не хочется, – ухмыльнулся Дрейк, коснувшись губами ее шеи.

– Булочки остынут, – напомнила Лаури и вздрогнула: Дрейк нашел особенно чувствительное местечко.

– Вот поэтому и были изобретены микроволновые печи. Ты что, не знала? – тихо сказал он ей на ушко.

Лаури покорно вздохнула и осторожно высвободилась из его объятий.

– Давай вести себя прилично. С минуты на минуту здесь будет Дженифер.

– А кстати, где эта негодница? – спросил Дрейк. – Надеюсь, не убежала, как в прошлый раз?

Он взглянул на Лаури, и глаза его потеплели. Видно, припомнил, что в ту ночь, когда сбежала Дженифер, они впервые были близки, решила Лаури.

– Пойду гляну, – быстро проговорила она. – А ты, если не возражаешь, накрой на стол.

Дрейк кивнул, и она поспешно выскочила из комнаты, опасаясь, что он снова обнимет ее.

Поднявшись на второй этаж, она направилась в комнату

Дженифер, но внезапно услышала в своей комнате какой-то шорох. «О Господи! Только не это!» – взмолилась Лаури, припомнив беспорядок, который учинила Дженифер в последний раз. Распахнув дверь, она замерла на пороге. А сердце замерло в груди... Первое, что бросилось в глаза, – розовые атласные балетные туфли, явно предназначенные для изящной ножки с высоким подъемом. Туфли были не новые. Похоже, их владелица репетировала часто и подолгу.

Туфли валялись среди каких-то фотографий, одежды, нескольких театральных программ. В сторонке лежал альбом в кожаном переплете с газетными вырезками. Лаури сразу же увидела, что дверь в кладовку распахнута. Оттуда-то Дженифер и вытащила коробку. Сама же она сидела на полу и с серьезным видом рассматривала какую-то фотографию. Медленно – ноги словно свинцом налиты – Лаури подошла к ней и осторожно тронула за плечо.

«Видишь, Лаури? Какая красивая тетя», – жестами проговорила девочка и ткнула пальцем в фотографию. Лаури взяла ее трясущейся рукой. На ней во весь рост была запечатлена женщина редкой красоты. Снимок был сделан явно во время репетиции. Шерстяные гетры – неотъемлемый атрибут ежедневных занятий балерины – туго облегли безупречные икры, плавно переходящие в стройные бедра.

Женщина стояла, прислонившись спиной к станку, будто отдыхая от бесконечных фуэте и па-де-де, и смотрела в объектив, нисколько не позируя, словно ей ни капельки не хо-

телось выглядеть лучше. Гладкие темные волосы, разделенные посередине ровным пробором, были завернуты в тугой узел у основания стройной, поистине лебединой шеи. Но самым замечательным в ее продолговатом лице были огромные темные глаза.

– Да, она и вправду красивая, – едва слышно прошептала Лаури и, не отдавая себе отчета в том, что делает, опустила на пол рядом с Дженифер.

Руки у нее бессильно опустились, плечи поникли при воспоминании о том, что эта женщина все еще занимает в сердце Дрейка главное место.

– Эй, вы двое! Я умираю от голода. Чем это вы тут занимаетесь? – вывел Лаури из задумчивости веселый голос Дрейка и, прежде чем она успела опомниться, он уже стоял на пороге.

На лице его играла улыбка, глаза искрились от смеха, но, когда Дрейк увидел, какой разгром творится в комнате – коробки вытащены из стенного шкафа, раскрыты и содержимое их рассыпано по полу без всякого уважения к памяти покойной, – в нем произошла разительная перемена. Это уже было не лицо, а маска боли.

Лаури поспешно отвернулась – не было сил на это смотреть. Подошла к Дженифер и выхватила у нее из рук туфли – та уже занялась примеркой.

«Дженифер, иди умойся!» – строгим голосом приказала она ей. Однако та и не подумала подчиниться. Туфли ей, ви-

димом, очень понравились, и она снова потянулась за ними.

«Я что тебе сказала? Иди сейчас же!» – еще строже повторила Лаури. Поняв, что спорить бесполезно, Дженифер прощмыгнула мимо отца – тот стоял, как изваяние, не отрывая глаз от фотографии, безучастный ко всему происходящему – и направилась в ванную.

После того как девочка ушла, Лаури повернулась к Дрейку.

– Извини, Дрейк. Но она еще ребенок и не понимает, что творит. Я сейчас все приберу.

– Не трогай! – рявкнул он. – Оставь все, как есть! Я сам все уберу.

Лаури вдруг показалось, что она держит в руках не розовые атласные туфельки, а раскаленные угли, и она поспешно бросила их на пол.

– Очень хорошо, – проговорила она и пулей вылетела из комнаты.

А Дрейк так и остался стоять посреди комнаты, уставившись невидящим взглядом на раскиданные повсюду фотографии.

Лаури приготовила Дженифер сандвич с арахисовым маслом и желе. Малышка принялась за еду, между делом болтая с кроликом, которого усадила рядом с тарелкой. Лаури безропотно подавала ей все, на что бы она ни показывала пальцем. Вообще-то это было строго-настрого запрещено, но сегодня Лаури чувствовала себя настолько уставшей, что ей

было на все глубоко наплевать.

Когда Дженифер доела свой ленч, пришли Сэм и Сэлли и пригласили ее к ним домой поиграть. Лаури натянула на малышку свитер – тот самый, который Дрейк купил в Альбуркерке – и попросила Сэма привести ее домой через полчаса.

– Ладно. Мы как раз в это время будем укладываться спать, – сказал он и, взяв Дженифер за руку, вывел во двор.

Лаури смотрела, как они бегут по дворику, но не видела их. Перед глазами стояла фотография балерины, с такой самоуверенностью смотревшей в объектив фотоаппарата.

Отчего она умерла? Дрейк никогда не говорил об этом. Вообще избегал разговоров о своей жене. Лаури о ней почти ничего не знала. Так, лишь самую малость. Что была она балериной, причем классического танца, что зачем-то пришла пробоваться в музыкальную комедию, где и повстречала человека, за которого ей суждено было выйти замуж.

Может, она погибла в автомобильной катастрофе? Или в авиакатастрофе? Или болела какой-то неизлечимой болезнью и от нее умерла? Нет, маловероятно, она ведь была такая молодая. Так что же с ней произошло?

Однако все эти вопросы так и остались без ответа.

Лаури вымыла за Дженифер посуду, выбросила пакет с остатками булочек в большой мусорный бак. В доме царил тишина. Она прошлась по комнатам, безуспешно пытаясь найти хоть какое-то занятие, чтобы успокоить мятушую душу. «Уж скорей бы привели Дженифер», – подумала

она. Когда, наконец, девочка вернулась домой, Лаури предложила ей посмотреть книжку. Дженифер пошла в классную комнату и принесла оттуда детскую энциклопедию по различным видам транспорта.

Они уселись на диван и принялись рассматривать картинки и обсуждать марки самолетов, машин, автобусов и лодок. Дрейк сидел в своей комнате уже целых два часа. Наконец Лаури услышала, что он спускается по лестнице.

Паника охватила ее, но она все-таки сумела взять себя в руки. Как он поведет себя? Что скажет? Но когда увидела его – вопросов больше не было. Она все поняла.

Дрейк был одет в слаксы, спортивную куртку и рубашку с галстуком – со времени его приезда он ни разу так не одевался. В левой руке Дрейк держал чемодан. Через правое плечо был переброшен длинный плащ.

При его появлении Лаури встала и с такой силой сжала руки, что почувствовала, как ногти впились в ладони. Все. Конец. Он уезжает.

– Лаури, я возвращаюсь в Нью-Йорк, – коротко бросил он.

– Да.

Он поспешно отвел глаза:

– Я и так пробыл здесь слишком долго. Интересно, кого он пытается убедить в своей правоте – ее или самого себя.

– У меня есть там дела. Я не могу здесь оставаться бесконечно.

– Да.

Если он ждет, что она облегчит ему задачу, то не дождет-ся. Когда-то она умоляла Поля позволить ей помочь ему. Однако ее благие порывы не только остались без ответа, но и были с презрением отвергнуты. Хватит! На сей раз она не позволит Дрейку сыпать ей соль на раны.

– Ты объяснишь Дженифер, почему я уезжаю? – Это был риторический вопрос, не требующий ответа. Однако она ответила, и ответ этот его удивил.

– Нет. Объясняйся сам, – отрезала она, и он понял – спорить бесполезно.

Поставив чемодан на пол, Дрейк опустился на корточки перед дочкой, всецело занятой книжкой.

– Дженифер, – позвал он.

Больше Лаури ничего не слышала. Она выскочила из комнаты и, бросившись к входной двери, прижалась лбом к прохладному дереву «Я не вынесу этого! Умру, если он уедет!» – лихорадочно думала она. Однако, заслышав его приближающиеся шаги, выпрямилась и с отчаянной решимостью, которой вовсе не чувствовала, взглянула ему прямо в глаза.

– Она очень расстроилась. Пойди, успокой ее, пожалуйста, – попросил он.

«А кто меня успокоит?» – хотела спросить Лаури, но промолчала. Он и сам выглядел не лучшим образом. Глаза как-то странно блестят. Можно подумать, что он только что плакал. Неужели прощание с дочерью подействовало на него таким образом? А может, он просто разыгрывает душещипа-

тельную сцену расставания.

– Мне придется забрать машину. Попрошу кого-нибудь пригнать тебе ее завтра утром из аэропорта. Лаури кивнула.

– Ну, тогда до свидания. Позвоню. Но глаза его говорили гораздо больше, чем слова. Лаури даже показалось, что он собирается ее поцеловать – как-то слишком уж близко он подошел к ней и наклонился. Ан нет. Видно, решил обойтись без прощального поцелуя. Ну, на нет и суда нет.

– До свидания, Дрейк, – безжизненным голосом проговорила она и открыла входную дверь.

Он крепко сжал губы, так что вокруг рта обозначились суровые складки, и сдвинул брови. Молча прошел он мимо нее. Дверь захлопнулась.

Вскоре, словно отвечая мрачному настроению, царившему в доме, над вершинами гор сгрудились серые тучи, и пошел первый в этом году снег. Однако белоснежное покрывало, опустившееся на землю, не смогло развеять тоску обитателей совсем недавно еще такого радостного жилища.

Дженифер наотрез отказалась заниматься, играть ей тоже не хотелось, и Лаури позволила ей остаток дня провести перед телевизором.

Когда пришло время укладываться спать, малышка крепко прижала к себе кролика и принялась горестно и невнятно причитать своим ангельским голоском: «Па-па, па-па...» При этом слезы струились по ее розовым щечкам. Для измученных нервов Лаури это оказалось слишком. Она легла

рядом с Дженифер, обняла девочку и тоже расплакалась.

Так рыдали они в объятиях друг друга, пока не забылись тяжелым сном.

Глава тринадцатая

Время немного притупило горечь расставания, хотя стоило Лаури и Дженифер вспомнить о Дрейке, как чувство это начинало мучить их с новой силой. Впрочем, дети быстро все забывают, и на следующее утро Дженифер проснулась радостная и возбужденная – как же, выпал первый снег. Все волнения вчерашнего дня были забыты. Скорее для себя, чем для Дженифер, Лаури составила распорядок дня так, чтобы не оставалось ни единой свободной минуты. И все равно время тянулось невыносимо долго. Казалось, день никогда не кончится.

– Не могу поверить, что он бросил тебя почти сразу же после свадьбы, – заметила Бетти, сидя на своем любимом месте у кухонного стола.

Она как раз заглянула к Лаури и была крайне удивлена поспешным отъездом Дрейка. Лаури, в это время занималась важным делом – наблюдала, как детишки лепят шарики из попкорна. Каждый шарик полагалось обмакнуть в сладкий сироп, и теперь вся троица была вымазана с головы до ног липкой субстанцией. Ждать, пока остынет сироп, у них не хватало терпения, и они опускали шарики прямо в горячую массу, а потом поспешно совали их в рот.

Лаури, беспечно пожав плечами, ответила:

– Он же работает, Бетти, а не прохлаждается. Ему нужно

было вернуться.

– Да знаю я! Но не станешь же ты отрицать, что это несколько странно? У человека медовый месяц, а тут какая-то работа...

«Никакой у него не медовый месяц», – думала Лаури, слушая Бетти, которая в третий раз взялась перечитывать ей заметку из «Скуп шит».

Купила она журнал этим утром, когда ходила в магазин, и тут же примчалась к Лаури показать его. Радостно улыбающаяся чета, изображенная на цветном фото на первой странице, показалась ей форменным издевательством. Не хотелось даже знать, о чем говорится в этой статье, однако Бетти прочитала ее вслух, пропустив – тут уж нужно отдать ей должное – строки о слезах, струящихся у Лаури из глаз. Интересно, что думает Дрейк о всей этой белиберде, размышляла Лаури.

Лаури не хотелось признаваться в том, что они с Дрейком никакие не муж и жена. Бетти никогда бы не поняла, как они с Дрейком умудрились попасть в эту нелепую ситуацию и по какой причине вынуждены были ввести всех в заблуждение, и просто замучила бы ее вопросами, отвечать на которые было бы нестерпимо больно. От Бетти, равно как и от родителей, нужно было скрывать правду, и чем дольше, тем лучше.

Впрочем, шила в мешке не утаишь. Рано или поздно все всё узнают, и Лаури станет еще большим посмешищем, чем уже является. После своего фальшивого венчания она почти

убедила себя, что Дрейк любит ее так же сильно, как и она его. Глаза его при виде Лаури так и лучились счастьем. Что бы она ни попросила, все тут же исполнялось. Так что немудрено сделать ложные выводы.

А следовало бы вспомнить о его профессии. Дрейку давали деньги, и немалые, за то, что он каждый день изображал всевозможные переживания. На сей раз ему выпала роль любящего и счастливого новобрачного, и он великолепно с ней справился. Но и заплатили ему за нее отменно – каждую ночь на огромной кровати получал он свою щедрую плату. Только это от нее ему и нужно было.

И теперь, как следует поразмыслив над всем, Лаури почувствовала, как краска стыда и гнева заливает ей лицо. Ведь он с самого начала не скрывал своих истинных намерений, заявив, что не желает прикипать душой ни к одной женщине. А она, идиотка, вбила себе в голову, что сумеет превратить самые обыкновенные плотские желания в нечто большее.

Лаури вовсе не стремилась к тому, чтобы Дрейк забыл свою бывшую жену. Знала, никогда он ее не забудет. Она только хотела, чтобы он вновь обрел утраченную способность любить и полюбил ее. И одно время Лаури казалось, что это ей вот-вот удастся. Однако мечтам не суждено было сбыться... Лаури припомнилось лицо Дрейка, когда он смотрел на фотографию Сюзен. Одежда, раскиданная по всему полу, балетные туфельки... Все это, должно быть, было живым напоминанием о женщине, которой когда-то эти вещи

принадлежали. Какой болью исказилось тогда его лицо! Может быть, он решил, что предает память о Сьюзен, каждый день, занимаясь любовью с ней, Лаури? Может, поэтому он и уехал?

Как ни пыталась Лаури загнать эти невеселые мысли в самый дальний уголок сознания, у нее ничего не получалось. Они просачивались наружу, мучая ее, причиняя острую боль. Если бы не Дженифер, со своими ласковыми глазками, пухлыми ручонками, она давно бы уже сошла с ума. Малышка в отличие от своего отца принимала ее любовь и возвращала сторицей. Лаури даже подумать было страшно, что произойдет с ней самой и девочкой, если она уедет. Вернее, когда уедет.

То, что она уедет, Лаури прекрасно понимала – она просто вынуждена будет это сделать, если вернется Дрейк, а то, что он вернется, вне всякого сомнения. Она не сможет возобновить их былые отношения, это свыше ее сил. Ни за что не будет она больше его любовницей, не ляжет с ним в постель по первому его требованию! С Полем она именно так и жила – выполняла его малейшие прихоти. А чем это кончилось? При одном воспоминании – мороз по коже, подвела Лаури итог своим невеселым мыслям.

Пару раз в неделю Дженифер получала от Дрейка по коротенькому письму, но Лаури он даже приветов не передавал. И ни разу не позвонил. Неужели совсем позабыл?

Прошло две недели со дня его отъезда. Потом три... Че-

тыре... Из-за плохой погоды Лаури с Дженифер вынуждены были все время сидеть дома, и ей пришлось призвать на помощь всю свою изобретательность, чтобы придумать хоть какие-то развлечения. Они и рисовали акварельными красками, и делали бусы, и столько всякой всячины напекли, что морозильная камера уже битком была набита всевозможными печеньями и кексами.

Однажды, когда они по обыкновению сунули в морозилку шоколадный кекс, Лаури предложила угостить им Джона Медоуза. Дженифер с радостью согласилась.

Денек выдался ясный, но морозный. Они надели теплые пальто и направились в Уиспез. Джон, как обычно, работал. Однако в эти дни к нему в магазинчик почти никто не заходил. В Уиспез не было лыжных баз, так что в это время года не было большого наплыва туристов.

Джон был просто счастлив их видеть. Не думая, что к нему сегодня кто-то заглянет, он спокойно закрыл магазин и пригласил дорогих гостей в жилое помещение, располагавшееся в задней части здания.

– Это тебе, Дженифер, – Лаури подала малышке большой кусок кекса, когда они уселись за стол. – Знаете, зимой так трудно выдумать, чем бы таким заняться, – объяснила она Джону, почему им вдруг вздумалось заглянуть к нему с кексом собственного изготовления. – Слава Богу, Дженифер обожает печь.

Хотя, если дело так пойдет, скоро мы так растолстеем, что

не пролезем в дверь.

Джон ласково улыбнулся ей и отошел от плиты, где наливал Лаури кофе из голубого эмалированного кофейника.

– А я вот могу целыми днями есть печеное. Спасибо вам большое еще раз, хотя если бы вы пришли с пустыми руками, я был бы так же рад.

– Мы тоже по вас очень соскучились. С тех пор, как Дрейк... – Лаури запнулась, но, найдя в себе силы, начала сначала. – С тех пор, как Дрейк уехал, у нас все из рук валится и ничего делать не хочется.

Она сделала вид, что дует на свой кофе, чтобы он побыстрее остыл.

– Вы хотите, чтобы он вернулся? – тихо спросил Джон.

Вопрос был задан таким тоном, что не ответить на него Лаури не могла. Взглянула на хозяина дома. Тот подходил к столу, держа в своей огромной руке кофейник.

– Он... я...

Больше Лаури не в силах была произнести ни слова. Пытаясь скрыть свое смущение, наклонилась к Дженифер и откинула с ее лица кудряшки, чтобы малышка не выпачкала их шоколадным кремом. Девочка взглянула на свою учительницу глазами Дрейка – зелеными, огромными, окаймленными пушистыми ресницами. Они так живо напомнили ей любимого, что слезы вдруг хлынули из глаз и заструились по щекам.

– Вам не хочется говорить об этом? – спросил Джон, лас-

ково коснувшись ее руки.

Его темные глаза были полны искреннего участия и сострадания. Лаури начала говорить и, к своему удивлению, выплеснула всю свою историю.

Джон не перебивал. Не проронил ни единого слова, когда она прерывала свой рассказ, чтобы высморкаться или смахнуть очередную слезинку.

Дженифер, смышленная и чуткая не по годам, подошла к Лаури, забралась к ней на колени и, положив голову ей на грудь, принялась ласково гладить ее по плечу.

– На самом деле мы не муж и жена, – выдавила Лаури. – Нас, правда, обвенчали, но для Дрейка все клятвы и обещания так и остались пустым звуком.

– А для вас они имеют большое значение, ведь так? – спросил Джон.

Лаури попыталась ответить, но не смогла, лишь горько взглянула на него и кивнула:

– Я люблю его, Джон. Когда увидела его впервые, сразу поняла, что это неизбежно произойдет. Я пыталась подавить в себе это чувство, особенно когда поняла, что всегда буду значить для него не больше, чем случайная знакомая.

Лаури осознавала, что этим признанием унижает себя, но ей было все равно. Кроме того, Джон не из тех, кто станет презирать человека лишь за то, что он имел несчастье полюбить безо всякой надежды на взаимность.

– Впрочем, он честно предупредил меня, – продолжала

Лаури, – что любил свою жену и что больше ни в кого не собирается влюбляться.

И она в очередной раз высморкалась в салфетку, и так уже всю промокшую, похожую на жеваную тряпку. Дженифер взглянула на нее с таким сочувствием, что Лаури, моментально опомнившись, решительно взяла себя в руки – улыбнулась, как ни в чем не бывало, и погладила малышку. Ребенок не должен видеть ее в таком состоянии. Ведь Лаури для нее единственная надежда и опора, и видеть свою учительницу в растрепанных чувствах – для нее огромное потрясение.

– Думаю, Лаури, вы все-таки несправедливы к Дрейку, – заметил Джон. – Сомневаюсь, что вы для него были лишь приятным времяпрепровождением. Ведь он возложил на вас всю ответственность за воспитание дочери. Сам-то он не может находиться с ней постоянно, нужно зарабатывать на жизнь. Да и какой из мужчины воспитатель!

– Но мне за это платят, Джон. Он мог бы с такой же легкостью нанять кого угодно.

– Верно. Но он нанял вас. Несмотря на то, что красивая женщина, живущая в доме одинокого мужчины, может вызывать всевозможные пересуды.

– Просто, видимо, лень было искать кого-то другого. Да и рекомендации у меня были отличные.

– Ладно, не будем спорить, – смиренно произнес Джон. – Но у меня есть еще один аргумент.

Голос его дрогнул, и это не укрылось от Лаури. Вскинув голову, она внимательно посмотрела на него.

– Я видел вас вместе и никогда не забуду, какими сияющими глазами он смотрел на вас. Он любит вас, Лаури.

– То, что вы видели, называется похотью. Не стану скрывать, нас непреодолимо тянет друг к другу. Я знаю, он... хочет меня.

– Нет, Лаури. Похоть и любовь – разные вещи. Думаю, вы и сами это прекрасно понимаете.

Джон грустно улыбнулся. На секунду ей показалось, что он чего-то недоговаривает. Она раскрыла было рот, чтобы ответить, но сказать было нечего. Поняв это, Джон поспешно добавил:

– И я никогда не видел, чтобы мужчина так ревновал. Помните, как он вел себя, когда я впервые пришел в ваш дом.

– Он ревновал к вам Дженифер, а не меня, – заметила Лаури. – Ему и в голову не пришло, что между нами что-то может быть. – Лаури горько рассмеялась. – Да и, кроме того, судя по той роли, которую отвел мне Дрейк, маловероятно, чтобы он ревновал меня к вам. Подумаешь, какое дело! Видимся один раз в неделю да еще в присутствии Дженифер. Смешно даже предполагать такое!

– Так его жена умерла три года назад?

– Да. Доктор Норвуд говорила мне, что она умерла, когда Дженифер было несколько месяцев. Это единственное, что мне известно. Дрейк никогда не заводил разговор о своей

жене. Это что-то вроде табу.

– Гм... Странно, что такой уверенный в себе человек, как Дрейк, способен так долго горевать. Лаури тяжело вздохнула:

– Я этого тоже не понимаю, Джон. Но это действительно так. Вне всякого сомнения.

Вскоре они с Дженифер собрались уходить. Выплакавшись, Лаури немного успокоилась, и теперь, покидая дом Джона, чувствовала себя так, словно с души у нее свалился тяжелый камень. У дверей Джон обнял ее за плечи:

– Лаури, если вам вдруг понадобится помощь, прошу вас, не стесняйтесь, звоните. Я знаю, что испытываешь, когда болит душа. Иногда очень важно вовремя выговориться.

Лаури инстинктивно почувствовала, что когда-то Джон перенес страшное горе. Может, поэтому он так терпимо и с таким пониманием относится к людям? Вероятно, он понял одну простую истину – если человека ни во что не ставят, он лишь озлобляется.

После этого дня прошло три недели. Как-то раз днем разразилась настоящая снежная буря. С отъезда Дрейка минуло уже столько времени, что Лаури потихоньку пришла в себя и уже не так остро ощущала горечь расставания. В общем, страсти улеглись. Учеба Дженифер тоже шла на лад. Лаури испробовала несколько методов обучения разговору и была вознаграждена: малышка стала делать успехи, причем заметные. В тот день, когда повалил снег и ветер яростно завыл за

окном, они сидели в классе перед зеркалом и отработывали звук «п». Лаури скатала из ваты шарик и объяснила девочке, что, если хорошо произнести этот звук, шарик полетит. Дженифер изо всех сил старалась подражать своей учительнице и, когда у нее получалось, сияла от гордости.

Услышав на улице какой-то шум, Лаури оставила девочку в классе и, велев повторять это упражнение, пошла в гостиную. Подойдя к широкому французскому окну, она попыталась сквозь густую снежную пелену хоть что-нибудь разглядеть на улице. Вроде какая-то машина. Внезапно сердце у нее замерло... Из машины вылез Дрейк и, втянув голову в воротник дубленки, пытаясь защититься таким образом от сильного ветра, спотыкаясь и скользя, заспешил к крыльцу.

Он уже протянул руку, чтобы позвонить, но тут Лаури, опомнившись, бросилась к двери и распахнула ее. Войдя, он первым делом снял шапку и стряхнул с нее снег, отвернул воротник и только потом повернулся к ней:

– Здравствуй, Лаури.

Она попыталась ответить, но так и не смогла.

– Ну, как ты? – спросил он, не дождавшись.

– Хо... рошо, – пробормотала она и, тряхнув головой, попыталась взять себя в руки. – У меня... у нас все отлично.

Лаури решила, что ни за что не станет спрашивать, зачем он приехал. Хватит, в прошлый раз наспрашивалась.

– Где Дженифер? – спросил Дрейк.

– В классной комнате. Мы немного изменили расписание,

с тех пор, как ты... – Она осеклась. – Так удобнее, – поспешно добавила она.

Дрейк промолчал и направился в классную комнату. Лаури пошла следом и где-то на полпути услышала восторженный детский вопль. Радостная встреча состоялась.

Открыв дверь, Лаури увидела, что посреди комнаты стоит Дрейк, держа на руках Дженифер. Девочка обхватила его ручонками за шею, а ноги обвила вокруг отцовской груди. Он же поддерживал ее руками под попку. Кролик, которого со времени отъезда Дрейка малышка практически не выпускала из рук, валялся на полу возле стула позабытый-позаброшенный.

Откинувшись назад, Дженифер заглянула отцу в лицо.

– Джен-фа, Джен-фа, – проговорила она, поглаживая себя по груди. А потом:

– Па-па, па-па...

И снова бросилась ему на шею.

– Маленькая моя, как ты уже хорошо говоришь! Это просто замечательно! – воскликнул Дрейк. Девочка не слышала его возгласов и лишь по глазам догадалась, что отец ею очень доволен. Наконец Дрейк перевел взгляд на Лаури, которая все еще стояла в дверях, и радостно улыбнулся:

– Это просто великолепно, Лаури! Она делает явные успехи, правда?

Он снова был тем заботливым отцом, когда-то давно сидевшим напротив нее в ресторане.

– Да, Дрейк, – поспешила заверить она его.

Наконец Дрейку удалось высвободить одну руку, которую он тут же сунул в карман, выудив из него два пакетика жевательной резинки. Дженифер схватила любимое лакомство, и Дрейк, улыбнувшись, позволил ей открыть один пакетик. Лаури поняла – на сегодняшний день занятия окончены.

Сотни вопросов вертелись у нее на языке, однако усилением воли она заставила себя не задавать их. Скоро он и сам скажет, зачем заявился сюда, да еще в такую погоду, когда хороший хозяин собаку на двор не выгонит. Спросила лишь:

– Сварить какао или кофе? Ты, должно быть, промерз до костей.

– Да, какао, пожалуйста. Пойду занесу вещи в комнату, а потом спущусь к тебе в кухню.

Лаури споро хлопотала на кухне, однако пальцы предательски дрожали. Насыпала в ковшик какао, потом налила молока и поставила все это на огонь. Вытащила из морозильной камеры целый пакет печенья, которое они с Дженифер испекли накануне, сунула в микроволновую печь разогреть. Скоро по кухне поплыл восхитительный аромат свежеиспеченного теста.

– Можно подумать, что вы меня ждали, – заметил Дрейк, входя в комнату и приглаживая взъерошенные волосы.

Он уже успел переодеться в джинсы, которые сидели на нем, как влитые, и светло-голубой свитер ручной вязки, выгодно подчеркивающий его зеленые глаза, Лаури с трудом

подавила волнение. До чего же сексапильный мужчина! Воспоминания, живые и яркие, разом нахлынули на нее. Она заставила себя отвернуться.

– Мы с Дженифер в последнее время частенько пекли что-нибудь вкусненькое. А несколько недель назад и Джону приготовили шоколадный кекс.

Последняя фраза вырвалась у Лаури непроизвольно – ей вовсе не хотелось подколоть Дрейка, – и она тут же пожалела о ней. Не стоило этого говорить.

Но если он и собирался что-то ответить, то не успел – в кухню вихрем ворвалась Дженифер и изъявила желание посидеть у отца на коленях, пока он пьет какао. В течение нескольких минут они общались жестами, и Лаури приятно было видеть, что Дрейк не только не забыл этот язык, а, наоборот, освоил его еще лучше.

– Итак, – начал он, откинувшись на спинку стула, после того, как с какао было покончено, а Дженифер занялась какой-то книжкой-раскраской, – на докторе Глене Хембрике поставлен крест.

– Как так? – изумленно воскликнула Лаури. – Что ты имеешь в виду?

– А то, – улыбнулся Дрейк, – что он так и не оклемался после того злополучного удара по голове, который получил в парке. Помнишь? – Лаури кивнула. – Бедняга скончался во сне, так и не приходя в сознание, – скорбным тоном закончил он.

– И что же ты собираешься делать, Дрейк? У Лаури вылетело из головы, что она решила не задавать ему никаких вопросов.

– Па-па! – раздался голос Дженифер.

Малышка требовала внимания: ей срочно понадобилось, чтобы отец по достоинству оценил созданное ею произведение искусства. Воздав должное таланту дочери, Дрейк вновь повернулся к сгоравшей от нетерпения Лаури.

– Ну так вот, скоро на экраны выйдет телевизионный фильм, в котором я хотел бы сняться. Ставит его довольно известная кинокомпания. Случайно узнав об этом, я тут же велел своему агенту, во что бы то ни стало раздобыть мне роль. Слетал в Голливуд на пробы и – надо же! – пришелся по душе режиссеру. – Секунду Дрейк помолчал. – Это фильм о глухонемом ребенке, и для роли отца им нужен актер, владеющий языком жестов.

– Дрейк, это просто здорово! – искренне обрадовалась Лаури.

– Ты смотрела когда-нибудь пьесу, которая называется «У всех детей Господа Бога есть крылья»? Тоже о глухонемых. Завоевала в свое время кучу наград.

– Конечно.

– Ну так вот. Парень, поставивший ее, сейчас работает с драматургом над похожим сценарием. И ему нужен режиссер, который сможет поставить такую серьезную вещь. На днях я обедал с ним. Так что если не выйдет с ролью, то буду

ставить фильм.

– Дрейк, я так за тебя рада!

– Рано еще. Мало ли что может случиться?

Его лицо, до этого такое серьезное, внезапно осветилось знакомой сияющей улыбкой, отчего на щеках появились две ямочки.

– Но ведь трудно не радоваться, верно? – озорно спросил он.

– Конечно! Надеюсь, все получится так, как ты задумал. Будешь скучать по доктору Хембрику?

– Немножко буду, но не думаю, что всю оставшуюся жизнь. Самое радостное во всем этом то, что я смогу больше времени проводить с Дженифер. Конечно, придется время от времени переезжать с места на место, однако в перерыве между съемками я буду брать отпуск, и мы сможем куда-нибудь ездить, как это делается во всех нормальных семьях.

Лаури ошарашено взглянула на Дрейка, но он как раз гладил дочку по головке и ничего не заметил.

Тогда, поспешно встав из-за стола, она вытащила из морозильника запеканку из овощей и мяса – они с Дженифер приготовили ее в один из дождливых дней – и поставила в духовку, чтобы разогреть к обеду.

А Дрейк между тем продолжал болтать, как ни в чем не бывало:

– На первых порах, конечно, может случиться, что придется туговато с деньгами. Нужно будет жить поскромнее, не

сорить деньгами направо и налево. Я уж, признаться, и подзабыл, как это делается. Ну, ничего, на черный день у меня кое-что отложено. – Он расхохотался. – Представляешь, что мне тут как-то заявил мой агент? Говорит, что люди просто жаждут видеть мою физиономию на самых разнообразных товарах – от зубной пасты до штанов. Так что на этом деле можно сделать неплохие деньги. Раньше мне это было как-то ни к чему, а теперь, думаю, стрит извлечь из этого выгоду.

– Уверена, Дрейк, тебе всюду будет сопутствовать успех, за что ты ни возьмешься, – тихо сказала Лаури, моя под крапом салат.

Она была рада, когда Дрейк предложил поиграть с Дженифер, пока она приготовит обед. Как только они вышли из кухни, Лаури облокотилась о стол и закрыла лицо руками.

Итак, он сказал ей все о своих дальнейших планах; за исключением одной малости – что она уволена. Хотя об этом нетрудно догадаться, ведь он ни словом не обмолвился об их злополучной «женитьбе» и последовавших за ней интимных отношениях, а, наоборот, подчеркнул, что сможет больше времени проводить с Дженифер, намекая тем самым, что Лаури им вовсе ни к чему и без нее как-нибудь обойдутся. Понять его можно. Он ей платит деньги, и немалые. Теперь же, когда придется экономить, ясное дело – экономить будут на ней – проще говоря, Дрейк даст ей расчет.

Конечно, найти другую работу для нее не составит никакого труда: учителя глухонемых детей всегда в большом де-

фиците. Но любое другое место, которое она отыщет, не принесет ей большой радости. Мыслями она всегда будет возвращаться к Дженифер, которую уже привыкла считать родной дочерью.

«Ведь знала, что выйдет из этого романа! – укорила себя Лаури. – Теперь вот расплачивайся!»

Одно успокаивало: Дженифер слишком мала, чтобы долго помнить ее. Сначала малышка, конечно, будет скучать по ней, но пройдет немного времени, и девочка забудет свою учительницу. Лаури пыталась убедить себя, что от этой мысли ей стало легче, однако по-прежнему на душе скребли кошки.

– Лаури!

Голос Дрейка прервал ее невеселые размышления. Сделав безмятежное лицо, она обернулась к нему:

– Те коробки с вещами Сюзен все еще наверху в кладовке?

Лаури так крепко сжала за спиной руки, что ногти впились в ладони. В горле застрял комок. С трудом проглотив его, Лаури деланно спокойным тоном произнесла:

– Да. Я их не трогала.

– Ага. Ну хорошо.

Он захлопнул за собой дверь и был таков.

А Лаури все стояла, задыхаясь от негодования. Как он мог, наплевав на ее чувства, спрашивать об этом? Знал бы он, чего ей стоило стать его любовницей! А может, он и об этом

забыл? Выбросил из головы, будто ничего и не было?

А вот она помнит! Рада бы забыть, да не может. Прикосновения его рук и губ не так-то просто вычеркнуть из памяти. Она все еще будто слышит нежные слова, которые он, задыхаясь, шептал ей в минуты исступленных ласк, слышит этот полный признательности шепот, возвращающий ее каждый раз из чудесной страны восхитительно яркого света, в которую Дрейк ее уводил. Ну как такое можно забыть! И все-таки она должна найти в себе силы сделать это, подвела Лаури итог своим невеселым мыслям.

За обедом Дрейк непринужденно болтал, нахваливая домашнюю еду, которую не пробовал с тех пор, как уехал в Нью-Йорк. Сообщил Лаури все столичные сплетни: кто, с кем, где и так далее. Она молча слушала, отвечая лишь тогда, когда он обращался непосредственно к ней. Потом спросил, как поживают Бетти и ее домочадцы. Лаури рассказала один забавный случай – как Сэм умудрился опрокинуть на себя банку с краской, – и Дрейк так и зашелся веселым смехом. Дженифер, поняв, о чем идет речь, рассказала свой вариант случившегося, и стала весело смеяться вместе с отцом.

После обеда Дрейк хотел было помочь Лаури убрать со стола, но она ему не дала.

– Тебе нужно побольше времени проводить с Дженифер, – объяснила она свой отказ.

– Ладно. Я так и так собирался сказать ей кое-что важное. И, оставив Лаури на кухне одну, отправился искать свою

дочь.

Вымыв посуду, Лаури принялась размышлять, чем бы еще заняться, но придумать так ничего и не смогла. Она и так Бог знает сколько времени возилась на кухне, чтобы подольше не встречаться с Дрейком, однако теперь нужно было отправляться в гостиную – другого варианта у нее не оставалось.

«Боже, дай мне силы!» – молила она по пути. Быть с ним рядом, и не прикоснуться к нему, не обнять, не прижаться... Как выдержать такое! Как только он вошел в дом, отряхивая снег, она едва удержалась, чтобы не броситься к нему на шею. Об этом не могло быть и речи! А скоро, очень скоро, он исчезнет из ее жизни навсегда...

Прежде чем войти в гостиную, Лаури решила проверить, хорошо ли заперта входная дверь, и внезапно услышала голос Дрейка. Он доносился из классной комнаты. Даже яростное завывание ветра за окном не могло заглушить его.

– Ма-ма, – явственно донеслось до нее. Дрейк отчетливо произнес это слово, делая ударение на каждом слоге.

– Положи ручку мне на горло, Дженифер. Чувствуешь? Ма-ма. Ма-ма. А теперь повтори.

– Ма-ма... – невнятно пролепетала малышка.

– Хорошо, – похвалил Дрейк. – А теперь посмотри, как пишется это слово. Видишь? Давай-ка попробуем еще разок. Ма-ма.

Лаури прикрыла рот ладонью, пытаясь удержать горестный стон, рвущийся из груди. Фотографии! Он ведь спросил,

лежат ли вещи Сьюзен по-прежнему в кладовке. Наверное, взял фотографии, чтобы объяснить Дженифер, что запечатленная на них женщина – ее мать.

– Господи! Да за что мне все это! – выдохнула Лаури и ринулась вверх.

Как только она распахнула дверь в спальню, поняла, что ее догадка верна, Дверца кладовки была открыта. Коробки тоже. Очевидно, Дрейк вытащил, что ему нужно, а закрыть и убрать вещи обратно так и не удосужился.

Значит, он по-прежнему любит свою жену, пронеслось у Лаури в голове. И всегда будет любить. Робкая надежда на то, что Дрейк вернулся, чтобы возобновить их отношения или даже придать фальшивой женитьбе законный характер, угасла. Какая же она идиотка...

Но теперь-то она знает, что делать!

Недолго думая, Лаури вытащила из-под кровати чемодан и принялась бросать туда вещи. Только самые необходимые. Остальные попросит прислать Бетти, когда где-нибудь устроится. Пока что она понятия не имела, куда ехать.

Закончив укладываться, Лаури закрыла чемодан и опять затолкнула его под кровать. Не стоит, чтобы Дрейк раньше времени узнал о ее планах.

Лаури Перриш была прирожденным борцом и никогда не сдавалась на милость победителю. Не в ее это характере! Только единственный раз в жизни она отступила – это когда ее незадавшееся замужество дало такую трещину, зацемен-

тировать которую было уже невозможно.

Бороться-то она умела, но, если чувствовала, что победа недостижима, находила в себе силы отойти, невзирая на уязвленное самолюбие.

Сегодня как раз настал такой черный день. Поняв, что Дрейк для нее потерян навсегда, она решила исчезнуть из его жизни, сохранив при этом хоть каплю чувства собственного достоинства.

В общем, Лаури Перриш сдается. Так сказать, вывешивает белый флаг.

Глава четырнадцатая

Казалось, Дженифер в тот день никогда не уляжется спать. Возбужденная приездом отца, она выкидывала такие фокусы, которые Лаури в другое время никогда не потерпела бы.

Но, наконец, малышка утомилась. Лаури искупала ее, уложила в постель и поцеловала на ночь. Когда девочка прочитала на языке жестов молитву, Лаури едва сдержалась, чтобы не разреветься. Опустившись на колени, она обняла крошку, прижала ее к себе, с наслаждением вдыхая аромат чистого детского тельца. «Я люблю тебя, Дженифер», – проговорила она и вышла из комнаты. Свет выключать не стала – это сделает Дрейк.

Лаури вошла к себе в спальню и закрыла за собой дверь, но не прошло и нескольких секунд, как к ней постучали.

– Да?

– Не желает ли дама спуститься вниз и испить со мной перед камином бокал вина? – На пороге, весело улыбаясь, возник Дрейк. – Чудесная ночь выдалась для этого, не правда ли?

Последние слова явно намекали на то, что и для других дел ночь как раз то, что надо.

Лаури едва не вскипела от ярости, и только огромным усилием воли смогла подавить ее. Ну и нахал! Решил, что стоит ее пальцем поманить, и она тут как тут. Ничего, она ему по-

кажет, где раки зимуют.

– У меня болит голова, – отрезала она. – Наверное, погода меняется... Впрочем, это не важно. Но так или иначе, я плохо себя чувствую и собираюсь лечь спать. Думаю, что сон принесет мне больше пользы, чем бокал вина.

– По-моему, дама чересчур привередлива, – все еще надеясь ее расшевелить, проговорил Дрейк.

– Извини, Дрейк, но у меня нет никакого желания спускаться вниз.

Секунду он молча смотрел на нее, потом пожал плечами:

– Как хочешь. Утром увидимся.

И вышел из комнаты.

Лаури, прислушиваясь к звукам, доносившимся из соседней комнаты, принялась беспокойно ходить взад-вперед. Дрейк, похоже, включил телевизор, потом немного погодя выключил его, прошел в ванную. Зашумела вода. Так, умывается на ночь. Значит, скоро ляжет спать.

Наконец дом погрузился в тишину. Лаури осторожно открыла дверь, на цыпочках добралась до лестницы и прислушалась. Ни звука, ни огонька. Вернувшись в свою комнату, она на всякий случай выждала минут двадцать, потом натянула пальто, накинула на голову капюшон, вытащила из-под кровати чемодан и, крадучись, спустилась с лестницы.

Тихонько открыв входную дверь, вышла на крыльцо. Ветер стих, но снег по-прежнему валом валил. Поставив чемодан, Лаури, соблюдая все меры предосторожности, закрыла

за собой дверь, потом, осторожно ступая, спустилась по обледеневшим ступенькам и, скользя и спотыкаясь, направилась к стоявшему на подъездной дорожке «Мерседесу».

Дверца машины, казалось, примерзла намертво. После нескольких яростных, но тщетных попыток открыть ее одной рукой Лаури кинула чемодан и сумочку прямо в снег и вцепилась в дверцу обеими руками. Та неожиданно поддавалась, едва не сбив Лаури с ног.

Закинув чемодан с сумочкой на заднее сиденье, Лаури села за руль. Даже сквозь кожаные перчатки руки пробрал леденящий холод, и она вздрогнула. Ну и мороз! Даже теплое пальто не спасает. А что если машина не заведется?

Несколько раз нажав ногой на педаль газа, попробовала завести двигатель. Тот, чихнув несколько раз, заглох.

– Черт! – выругалась Лаури и попробовала еще раз. Безрезультатно. Снова и снова пыталась она пробудить машину к жизни и, когда уже потеряла всякую надежду, двигатель внезапно заработал, и шум его показался Лаури самым прекрасным звуком на свете.

Все время, пока Лаури пыталась завести мотор, она не сводила тревожного взгляда с входной двери, боясь, что Дрейк услышит грохот. Однако этого не случилось – видимо, ветер заглушал все остальные звуки. Бросив в сторону дома последний взгляд, Лаури выжала сцепление, и колеса заскользили по обледеневшей земле.

До этого момента Лаури и не думала о том, как она по-

ведет машину в такую пургу. Правда, ей частенько приходилось ездить по заснеженным улицам родного городка. Однако штат Нью-Мексико не сравнить с Небраской. Там плоские, как блин, равнины, здесь – высокие горы...

Ужас охватил ее, когда машина внезапно перестала слушаться руля, и ее занесло на другую сторону подъездной дороги. Упрямо закусив нижнюю губу, Лаури попыталась выровнять машину. Это ей удалось, хотя и с величайшим трудом. Однако она решила не отступать и еще крепче вцепилась в руль. Дрейк-то сумел добраться из Альбукерке до дома в эту непогоду. А если смог он, то и она сможет. Ждать до утра нельзя – дорога обледенеет еще больше.

Целых десять минут потребовалось Лаури, чтобы добраться до конца подъездной аллеи и попытаться выехать на дорогу, ведущую в Уиспез. Это оказалось не так-то просто. Чтобы на нее свернуть, требовалось сначала притормозить, что Лаури и сделала, однако машина и не думала останавливаться. Тогда, решив, что ей удастся вырулить на дорогу, не притормаживая, Лаури слегка, лишь на какие-то несколько сантиметров, повернула руль.

Но и этого оказалось достаточно. Машину тут же резко занесло, и Лаури уже бессильна была что-либо сделать. Несчастный автомобиль мотало из стороны в сторону. Лаури, обезумев от страха, инстинктивно дала по тормозам. Колеса тут же заклинило, и машина съехала задом в занесенный снегом кювет. Лаури сидела, задрав ноги вверх, голо-

ва ее болталась где-то внизу – точь-в-точь в кресле зубного врача, – однако при всем при этом была цела и невредима. Машина, похоже, тоже ничуть не пострадала – в кювет она съехала плавно, не было слышно ни скрежета, ни стука, ни удара обо что-то. Одна беда – в снегу, видимо, засела крепко-накрепко.

Лаури выключила двигатель и решила подумать, как ей быть дальше, но не успела. Дверца внезапно распахнулась, и она даже испугаться не успела, как перед ней возникло лицо Дрейка. Таким злым видеть его ей еще не доводилось.

– Цела? – рявкнул он.

Лаури кивнула, не зная, радоваться этому обстоятельству или огорчаться. Сейчас она больше боялась Дрейка, чем попасть в автокатастрофу.

Схватив ее за руку, Дрейк принялся вытаскивать ее из машины. Резко высвободившись, она потянулась за сумкой и чемоданом.

– Оставь их в покое! – завопил Дрейк.

На нем была дубленка, но застегнуть ее он, видимо, в попытках забыл, и теперь длинные полы ее развевались на ветру, пока он, с трудом переставляя ноги в глубоком по колено снегу, пытался выбраться из кювета. Лаури он бесцеремонно тащил за собой. С неба валил снег, их окружала крошечная тьма.

Вдруг Лаури споткнулась и почувствовала, что нога у нее подвернулась. Она громко вскрикнула, но Дрейк, похоже, не

услышал. А может, ему было все равно.

Когда они, наконец, выбрались из кювета, Лаури вздохнула с облегчением: наконец-то передохнут, однако Дрейк еще крепче схватил ее за руку и, скользя, спотыкаясь, падая, нещадно понося всех и вся, двинулся по направлению к дому, хотя как он ориентировался в этой адской мгле, одному Богу известно. Злой он был при этом, как черт. Шагал себе впереди с непокрытой головой, не обращая ни малейшего внимания на пронизывающий, холодный ветер и снег, шапкой покрывавший его растрепанные волосы.

Очень скоро Лаури выбилась из сил и еле-еле плелась за ним следом. Заметив это, Дрейк как следует встряхнул ее и крикнул сквозь завывание вьюги:

– Если ты так и будешь передвигаться со скоростью черепахи, мои следы занесет снегом и мы не найдем дороги! Ты этого хочешь?

Лаури испуганно взглянула на него и прибавила шагу.

Наконец они добрались до дома. Лаури начала подниматься на крыльцо, но поскользнулась и чуть не скатилась вниз. Дрейк бесцеремонно подхватил ее под мышки и, толкнув плечом входную дверь, втащил в дом.

На негнущихся, бесчувственных, словно деревяшки, ногах Лаури пошла к лестнице. Ей хотелось сбежать от Дрейка, и чем скорее, тем лучше. Однако он, похоже, разгадал ее намерение, потому что мигом оказался у нее за спиной и, схватив за запястье железной рукой, потащил к камину.

– Сиди здесь и не двигайся! – грозно приказал он, а сам, опустившись на колени, разворошил кочергой едва тлеющие угли и положил на решетку несколько поленьев. Когда они вспыхнули, Дрейк повернулся к Лаури.

Если бы она уже не промерзла до костей и не тряслась от холода как цуцик, то сделала бы это сейчас под его горящим от ярости взглядом. Рот его был плотно сжат, а на скулах играли желваки. Дрейк, не отрываясь, смотрел на нее, а потом поднял руки.

Лаури вздрогнула, решив, что он сейчас ее ударит. Однако вместо этого он взял ее за плечи и притянул к себе:

– Если ты еще хоть раз посмеешь выкинуть такой фокус, я тебя так взгрею, что впредь не повадно будет! Слышишь?

Он еще разок встряхнул ее, да так, что голова беспомощно замоталась из стороны в сторону.

– Что ты собиралась этим доказать? А?

Лаури уже немного согрелась и теперь почувствовала, как вместе с теплом к ней возвращается злость и обида. По какому праву он ее допрашивает? Она всего лишь работает на него, и только. И может уйти, когда пожелает, не дав ему никаких объяснений.

Вырвавшись из его стальных рук, Лаури в гневе вскочила с дивана. Теперь они стояли лицом к лицу, как два боксера, оценивающие силу друг друга перед поединком.

– Если ты беспокоишься о машине, то я оставила наверху записку, что она будет находиться на стоянке в аэропорту, и

ты сможешь забрать ее, когда тебе будет удобно! – выдала Лаури, гордо вскинув подбородок.

– К черту машину! – взревел Дрейк. – Дженифер ты тоже оставила записку, объясняя, почему удрала? Она ведь, наверное, стала бы интересоваться, куда ты подевалась!

Лаури тут же смешалась и пробормотала что-то нечленораздельное.

– Говори громче. Я не расслышал, – резко сказал Дрейк. Его надменность вывела Лаури из себя.

– Я сказала, – выпалила она, – что предоставила тебе возможность с ней объясниться!

– И что я ей должен рассказать, по-твоему?

Ее душил гнев. Лаури понимала, что это единственное доступное ей средство в борьбе с его высокомерием.

– Ну, например, то, что я достаточно уважаю себя, чтобы удовольствоваться лишь ролью любовницы актера, который только и ждет, что каждая встречная женщина при виде его тут же падет к его ногам! Что поскольку я люблю ее и мне небезразлично ее будущее, меня оскорбляет и возмущает эта жалкая интрижка! Что мне платят за то, что я учу ее, а не за то, что сплю с ее отцом.

Грудь ее порывисто вздымалась, тело было словно туго натянутая струна.

– Я уйду отсюда, даже если мне придется идти пешком! И мне наплевать, что мы с тобой больше никогда не увидимся!

С этими словами Лаури отскочила от Дрейка и бросилась

к двери.

– Нет! – послышался его сдавленный крик. В голосе слышалась такая мука, что Лаури резко остановилась, будто споткнувшись обо что-то. «Интересно, притворяется или нет» подумала она и, решив проверить, медленно обернулась. Глаза его, только что метавшие молнии, теперь смотрели на нее с отчаянием и мольбой.

– Не оставляй меня, Лаури! Прошу тебя! Дрейк рухнул на колени, обхватил ее руками и прижался к ней лицом.

– Я поклялся, что никогда больше не полюблю, ни единую женщину! А сам влюбился! И теперь никуда тебя не отпущу!

Не соображая, что делает, Лаури принялась смахивать капельки воды, в которые превратился снег, с серебристо-каштановых прядей. А потом опустилась на пол рядом с ним.

– Что ты говоришь, Дрейк? – едва выдохнула она, пристально вглядываясь в его лицо.

Неужели играет какую-то очередную роль? Может, решил завершить пьесу трагикомической сценой, в которой будущее двух любящих сердец висит на волоске? Нет! Боль и отчаяние, отразившиеся на его лице, были настоящими. Лаури поняла: он говорит искренне.

Откинув со лба влажную от снега прядь волос, Дрейк между тем тихонько спросил:

– Ты, наверное, решила, что я заявился сегодня сюда только затем, чтобы продолжить то, на чем мы остановились? Ведь так?

Лаури кивнула.

– А приглашая тебя спуститься вниз и выпить со мной бокал вина, собирался сыграть великолепную сцену совращения, верно?

Она снова кивнула.

– Ну что ж, ты не ошиблась, – смущенно признался Дрейк. – Но сначала я собирался просить тебя признать нашу женитьбу настоящей. У меня всегда было такое ощущение, что после венчания, которое совершил твой отец, так оно на самом деле и было.

– Дрейк, – прошептала Лаури, – но почему ты мне раньше об этом не сказал?

– Почему? – усмехнулся он. – А ты бы мне поверила? Ты ведь всегда не веришь своим глазам, ищешь какие-то скрытые мотивы. Ежик ты мой милый.

И Дрейк, наклонившись, коснулся губами ее лба.

– Я знаю тебя лучше, чем ты сама себя знаешь, Лаури Перриш Ривингтон, – продолжал он. – В первый же день, когда мы познакомились, я сказал, что у тебя все на лице написано.

Дрейк ласково погладил ее по щеке.

– Твой Поль, должно быть, был сущим негодяем. Из того немногого, что ты мне рассказала, можно без труда представить, в каком крошечном аду ты жила, наверное, он бывал мрачным и угрюмым, а через секунду веселым и радостным, и тебе все время нужно было держать себя в руках, чтобы, не дай Бог, не ранить его хрупкую душу. Ведь так?

– Да, – ответила Лаури, недоумевающая, откуда он все это знает.

– Что ж, у меня характер тоже не подарок. Но если я, по-твоему, заходил слишком уж далеко, ты без колебания ставила меня на место. Видимо, инстинктивно чувствовала, что я не такой, как Поль, слабый и беспомощный, что я никогда не стану топить свое горе в вине. Я прекрасно понимаю, как нелегко жить с человеком, который все время на людях, – продолжал Дрейк. – Но что бы обо мне ни говорили, что бы ни писали, не верь ни единому слову, пока я сам не скажу, что это правда. И еще. Если вдруг моя артистическая карьера потерпит крах, знай, что я всегда найду способ заработать на жизнь. Для меня моя профессия – лишь ремесло, но никак не страсть. Вы с Дженифер всегда есть и будете для меня важнее, чем работа.

Дрейк перевел дух.

– Ну вот. Если ты считаешь, что сможешь смириться с моими артистическими замашками, так уж и быть – я смирюсь с твоим бешеным темпераментом.

– Это у меня-то бешеный темперамент! – возмущенно воскликнула Лаури, тут же попавшись на удочку.

Дрейк расхохотался, и она, смутившись, тоже улыбнулась и спрятала лицо на его груди.

– Да, ты совсем не похож на Поля. И я тебе теперь верю, – прошептала она.

Сердце ее радостно билось в груди, а все-таки какая-то

ть омрачала ее счастье. И Лаури поняла, что это за тень. Сьюзен...

– Дрейк, а как же Сьюзен? – спросила она, словно головой бросилась в омут.

– Сьюзен? – повторил он и вздохнул. – Так и знал, что ты спросишь меня о ней.

– Ты все еще любишь ее? – не отставала Лаури, поражаясь собственной смелости.

Дрейк ошарашено глянул на нее:

– Так вот о чем ты думала?

Лаури кивнула:

– Когда ты впервые поцеловал меня, ты признался, что любил свою жену.

– Ну да. Когда-то и в самом деле любил. И сильно. Нам было хорошо вместе. И в постели тоже...

Ревность вспыхнула в Лаури с новой силой и, должно быть, это чувство отразилось у нее на лице, поскольку Дрейк, пристально взглянув на нее, усмехнулся, однако через секунду снова стал серьезным:

– Она была красива и умна, но в ней отсутствовало самое главное – душа. Не хочется плохо говорить о покойнице, но говорить хорошо – значит покривить душой. Такой эгоистичной и испорченной женщины, как она, я еще никогда не встречал. А честолюбива была настолько, что с ума можно было сойти.

Дрейк снял дубленку и помог раздеться Лаури.

– Это она заставила меня сниматься в этой мыльной опере. Сам я хотел продолжать учиться, но у Сьюзен на мой счет были другие планы. Она хотела, во что бы то ни стало, выйти замуж за знаменитость. Дрейк горько усмехнулся:

– За эту жизнь, жизнь с кинозвездой, жизнь на всеобщем обозрении она бы все отдала. Однако следует отдать ей должное – Сьюзен стремилась блистать во всем. И в балете тоже, а поэтому репетировала с утра до вечера. Когда она забеременела, я думал, она кастрирует меня. Противозачаточные таблетки она принимать не желала – от них, видите ли, поправляются, а когда узнала, что у нее будет ребенок, свалила всю вину на меня.

Они прислонились к каминной решетке. Дрейк обнял Лаури за плечи и, взяв ее руку, провел пальцем по просвечивающим жилкам.

– Какие у тебя красивые руки, – пробормотал он. Поднеся ее руку к губам, он нежно поцеловал ладонь.

– Я боялся, что она сделает аборт, однако после девяти месяцев скандалов и истерик она произвела на свет Дженифер, и я был вне себя от счастья.

Дрейк опять замолчал и встал, не сводя глаз с огня в камине. Причудливые тени играли на его лице, высвечивая каждую черточку.

– Дженифер было полгодика, когда мы обнаружили, что она не слышит. Можешь себе представить, Лаури, что я пережил! Я винил себя во всех смертных грехах, мыслимых и

немыслимых. Чего только не передумал! И никак не мог понять, за что Господь так жестоко обошелся со мной. Даже подумал грешным делом, может, за то, что десятилетним мальчишкой как-то залез в чужой сад за яблоками. Сейчас это самобичевание кажется просто смешным, тогда же мне было не до смеха. Однако мои переживания не шли ни в какое сравнение с отчаянием Сьюзен. Она кляла меня на чем свет стоит, крича, что она никогда не хотела ребенка. Видишь ли, Сьюзен больше всего на свете ценила совершенство во всем. Танцевать – так только отлично. Муж – самый лучший, равно как и ребенок. А Дженифер, сама понимаешь, как-то не отвечала этим требованиям.

Он надолго замолчал, поворошил носком ботинка дрова в камине и только потом продолжал:

– Как-то раз я вернулся с работы позже обычного. Из комнаты Дженифер доносился отчаянный плач. Я вошел к ней... Она лежала в своей кроватке мокрая насквозь, замерзшая и голодная. Я пришел в ярость и бросился искать Сьюзен. Она... она...

Продолжить Дрейк не смог и закрыл лицо руками. Сердце Лаури готово было разорваться от горя. Она все поняла, однако утешать его не стала. Этим страшным воспоминаниям суждено навсегда остаться с ним. Тут уж ничего не поделаешь. Ей повезло в свое время, что не она обнаружила тело Поля. Дрейку не выпало такого счастья.

– Она лежала в ванной в луже крови, – наконец сказал

он. – Вскрыла себе вены... И, похоже, задолго до моего прихода.

Он долго молчал, потом опустился на ковер рядом с Лаури, обхватил ее руками и притянул к себе.

– Я так и не простил ее. Просто не мог. На похороны, которые устроили ее родители, идти отказался. Ее родные недвусмысленно дали мне понять, что не хотят иметь ни со мной, ни с Дженифер никаких отношений. Как же! Ведь мы ограбили их, отняв самое дорогое, что у них было. Их ненаглядное сокровище... Их Сьюзен... Отстранившись, Дрейк заглянул Лаури в глаза:

– С тех пор я поклялся, что никогда ни в кого больше не влюблюсь. Я любил Сьюзен, а когда по-настоящему понадобились ее любовь и поддержка, она меня бросила. Но я изменил своей клятве, Лаури, и влюбился в тебя. И ты не можешь меня сейчас оставить, понимаешь? Иначе я этого не переживу.

Дрейк в порыве отчаяния прижался к ее губам. Лаури ответила ему, вложив в свой поцелуй всю любовь, которую испытывала к нему.

Наконец они отстранились друг от друга, и Дрейк продолжил свой рассказ:

– Я поехал в Нью-Йорк по двум причинам. Во-первых, решить свои дела на студии, а во-вторых, сходить на могилу Сьюзен. Я там никогда не был. Даже передать тебе не могу, какую ненависть и горечь я испытывал при одной мысли

о своей жене. А теперь понимаю, что ждал от нее слишком многого, а нужно было просто принимать ее такой, какая она есть. Впрочем, это относится к любому из нас. Но пока я не влюбился в тебя, я не умел прощать. А теперь умею, и этому научился у тебя, моя рыжеволосая красавица. Помнишь тот день, когда Дженифер устроила разгром в твоей комнате? Ты тогда ужасно разозлилась и отшлепала ее, но ты же ее и простила. Она никогда не сомневалась в том, что ты ее любишь. Вот так и я должен был съездить на могилу Сьюзен и простить ее, прежде чем предложить тебе свою любовь. Я хотел, чтобы она была незапятнанной ничем.

Снова долгий поцелуй.

– Ты сегодня спросил об этих коробках, которые лежат в стенном шкафу, – заметила Лаури после того, как они наконец-то оторвались друг от друга. – Я решила, что ты хочешь показать Дженифер фотокарточку Сьюзен. А потом услышала, как ты учишь ее говорить слово «мама».

– Так вот что ты подумала!

Дрейк, запрокинув голову, расхохотался:

– Я спросил про эти коробки, потому что теперь наконец-то нашел в себе силы их разобрать. Раньше я не мог заставить себя прикоснуться ни к чему, что ей принадлежало. А сейчас я просмотрел их и отложил кое-что для Дженифер. Когда-нибудь, когда она подрастет, мы расскажем ей о матери.

Он протянул руку и, взяв Лаури за подбородок, заглянул

ей в глаза.

– А «мама» я ее учил говорить, потому что решил сделать тебе сюрприз. Отныне я хочу, чтобы она только так тебя называла. А когда мы поженимся, ты ей станешь самой настоящей матерью.

– Дрейк... – начала было Лаури, но он, не дав договорить, закрыл рот поцелуем.

– Ну что, согрелся? – звенящим от счастья голосом проговорила Лаури. – Ой, Дрейк, что ты делаешь? – вдруг вскрикнула она.

Они сидели в ванной, полной горячей воды, когда Лаури внезапно почувствовала на своем теле его неугомонные руки. Однако ее возмущение не возымело никакого действия. Дрейк и не подумал убирать руки, наоборот, принялся ласкать Лаури еще исступленнее, пока с ее губ не сорвался глубокий стон. Лаури взглянула в зеркала, расположенные напротив ванной. Хотя комната была освещена лишь одной свечой, их отражения виднелись совершенно отчетливо.

– Когда тебе в голову пришла такая отличная мысль побарахтаться здесь вдвоем? – улыбнулся Дрейк.

– Когда я впервые сюда вошла, – хихикнула Лаури. – Я вдруг увидела нас вместе в этой огромной ванной и чуть было не бросилась закрывать Дженифер глаза, да вовремя поняла, что эта пикантная сцена существует лишь в моем разнузданном воображении. Впрочем, Дженифер вполне может унаследовать одну из твоих черт – полное отсутствие стыд-

ливости, – задумчиво добавила она.

– А что, у меня и вправду есть такая черта?

– Ты же сам мне как-то сказал, что начисто лишен скромности.

– Да ну? – искренне удивился Дрейк. – Наверное, просто нужен был предлог, чтобы голым залезть с тобой в постель.

– Ах ты...

Не найдя, что сказать, Лаури принялась брызгать ему в лицо водой. Она предавалась этой невинной забаве, а руки Дрейка бродили по ее телу.

– А знаешь, когда я влюбился в тебя? – хрипло спросил он.

– Дрейк... – ахнула Лаури, почувствовав, что он добрался до особенно чувствительного места.

– Нет, а когда? – поспешно проговорила она, боясь, что скоро голос перестанет ей повиноваться.

– Когда мы были в ресторане «Русская чайная» и ты совершенно откровенно объяснила, чего мне стоит ждать от Дженифер, а чего нет. – Он усмехнулся. – Да уж, угораздило попасться на удочку этой бешеной девице, которая разнесла Дрейка Слоуна в пух и прах, ничуть не заботясь о том, что он не какой-то простой актеришка, а суперзвезда. Надо отдать тебе должное, в тот день ты выглядела просто потрясающе. Я мысленно раздевал тебя, представляя, какая ты без одежды. Однако действительность превзошла все ожидания.

Последние слова он ради пушей убедительности подкре-

пил жестом – в очередной раз проведя руками по ее телу.

– А когда ты поняла, что любишь меня? – спросил он после очередного поцелуя.

– А разве я когда-нибудь говорила, что люблю тебя? – подколола Лаури.

Бурная реакция Дрейка на эту невинную шутку просто ошеломила ее. Он рывком притянул ее к себе, не обращая внимания на то, что вода выплескивается через край.

– Ты любишь меня, Лаури? Ну скажи, что любишь!

Вынув из воды мокрые руки, Лаури проговорила на языке жестов: «Я очень тебя люблю». И эта внезапно наступившая тишина была красноречивее любых слов.

Дрейк перевел взгляд с ее рук на изящную грудь, и непреодолимое желание дотронуться до нее овладело им.

Наклонив голову, он поочередно коснулся губами розовых сосков, а потом проглотил их своим ртом, лаская языком и легонько посасывая.

Наконец, оторвавшись от ее груди, Дрейк, задыхаясь, проговорил:

– Думаю, еще несколько дней до города не добратся. Согласишься ли ты пожить со мной в незаконном браке до тех пор, пока мы не доедем до Альбукерке или Санта-Фе и не поженимся?

Лаури провела языком по его груди, добралась до подбородка, губ, усов и, обхватив Дрейка руками за бедра, притянула к себе, чувствуя, как мало-помалу наливается силой его

мужское естество.

– А что ты сделаешь, если я отвечу нет? – игриво спросила она.

– Тогда я утоплю тебя! – зарычал он, опуская голову.

– Тогда да, Дрейк, да, да, да!